

А. НИКИТИНА

ЗАХВАТ
БУРСКИХ
РЕСПУБЛИК
АНГЛИЕЙ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
имени В. И. ЛЕНИНА

И. А. НИКИТИНА

ЗАХВАТ
БУРСКИХ РЕСПУБЛИК
АНГЛИЕЙ
(1899—1902 гг.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1970

Ответственный редактор
А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ

В книге исследуются причины, цели, методы и результаты империалистической политики Англии в Южной Африке в конце XIX — начале XX в., положение зарождавшегося африканского промышленного пролетариата, причины его освободительной борьбы, отношение держав к захвату бурских республик Англией.

ВВЕДЕНИЕ

Мощный подъем национально-освободительной революции в Африке в 50—60-х годах XX в. нанес сокрушительный удар по колониальной системе, содействовал ее распаду и углублению общего кризиса капитализма. На месте бывших колоний и полуколоний возникли и возникают суверенные государства. Однако борьба еще не окончена. Миллионы африканцев все еще томятся под тяжким гнетом колонизаторов и расистских режимов. Мрачным заповедником расизма пока остается Южно-Африканская Республика. Африканское большинство и другие неевропейцы все еще живут в этой стране в тисках апартхеида, осуществляемого белым эксплуататорским меньшинством.

Прогрессивные и революционные силы всего мира гневно осуждают позорную политику апартхеида — жестокую расовую дискриминацию и массовое использование полурабского труда африканцев белыми угнетателями. Генеральная Ассамблея и Совет Безопасности ООН неоднократно принимали резолюции, осуждавшие расистские порядки в Южной Африке. Формально присоединяясь к протесту против расизма, империалисты Англии, США, ФРГ и других стран на деле поддерживают господство расистов в Южной Африке. С помощью расистских режимов они хотят сохранить свои огромные капиталовложения в ее горной промышленности и по-прежнему получать баснословные прибыли в результате беспощадной эксплуатации африканцев.

Африканское и другое неевропейское население Южно-Африканской Республики героически борется за национальное освобождение от гнета белых колонизаторов. Главной силой в борьбе за национальные интересы и социальный прогресс является африканский промышленный и сельскохозяйственный пролетариат, составляющий большинство самодеятельного населения этой страны. Наиболее сознательная часть рабочего класса под руководством Южно-Африканской Коммунистической партии борется за победу национально-демократической революции, главное содержание которой составляет национальное освобождение африканского народа. В этом освобождении «глубоко заинтересованы и другие небелые группы населения, поскольку, добившись свободы, африканский народ положит конец всем формам расовой дискриминации» [17, стр. 90].

Героическая национально-освободительная борьба коренного населения Южной Африки вызвана глубокими причи-

нами. В возникновении их большое значение имели экономические, социальные и политические изменения в жизни африканцев, вызванные захватом Англией в 1899—1902 гг. бурских¹ республик — Южно-Африканской Республики² и Оранжевого Свободного Государства³, ограблением и жесточайшим угнетением их коренного населения белыми колонизаторами.

В настоящей работе автор исследует колонизаторскую политику Англии в Южной Африке, положение африканского большинства ее населения в начале XX в., а также почти не изученные ранее вопросы об отношении коренного южноафриканского населения и великих держав к англо-бурской войне, о борьбе в связи с нею классов и партий в Англии. Попытка осветить в рамках одной работы сложный комплекс указанных вопросов предпринимается в советской исторической литературе впервые.

Теоретической основой для изучения темы явились труды В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Тетради по империализму», статьи и речи, посвященные проблемам международного, в частности английского, рабочего движения, колониальной политики империалистических стран, войн и национально-освободительного движения в эпоху империализма. Они содержат не только неопценные выводы и обобщения, но также нужный для освещения многих из указанных вопросов фактический материал.

Ценные сведения об уровне и специфике экономического развития бурских республик, о положении их африканского населения, о политике Англии в Южной Африке на рубеже XIX и XX вв. имеются в Синих книгах, т. е. в докладах и отчетах, представлявшихся английскому парламенту руководителями и членами различных королевских комиссий, высокопоставленными чиновниками, участвовавшими в осуществлении захватнической политики Англии в Южной Африке. Полезными были фактические данные, имеющиеся в составленном Р. Х. Аддисоном «Отчете Департамента по делам тузем-

¹ Буры — потомки европейских, главным образом голландских, колонизаторов Южной Африки.

² Южно-Африканская Республика (неофициальное название — Республика Трансвааль) — основана в 50-х годах XIX в. бурскими колонизаторами; 1 сентября 1900 г. аннексирована Англией. До 1910 г. — английская колония Трансвааль. С 1910 г. (под тем же названием) — провинция Южно-Африканского Союза (доминиона Великобритании), ставшего в 1961 г. Южно-Африканской Республикой, а с 1961 г. — провинция Южно-Африканской Республики.

³ Оранжевое Свободное Государство (неофициальное название — Оранжевая Республика) основано в 50-х годах XIX в. бурскими колонизаторами; 28 мая 1900 г. аннексировано Англией. До 1910 г. — английская Колония Оранжевой реки; с 1910 г. — провинция Южно-Африканского Союза — доминиона Великобритании; с 1961 г. — провинция Южно-Африканской Республики.

цев за год, окончившийся 31 декабря 1912 г.», а также в «Докладе сэра Дэвида Барбура о состоянии финансов в Трансваале и в Колонии Оранжевой реки, представленном по распоряжению его величества обоим палатам парламента 29 марта 1901 г.» [39, 41]. Однако материал в Синих книгах подобран тенденциозно и зачастую дает одностороннее освещение интересующих исследователя вопросов. Авторы Синих книг пытались скрыть от английского народа страшную правду об ограблении и закабалении африканцев английскими захватчиками. Они утверждали, что политика Англии в Южной Африке была гуманной и справедливой и что целью ее являлось распространение цивилизации.

Ценные факты для изучения темы дают документы сессий английского парламента [53, т. 74—105], материалы лорда Л. Милнера [50] и многие письма Д. Чемберлена, приводимые его биографом Д. Гарвином [164]. Много важных сведений о борьбе классов и партий в Англии в связи с англо-бурской войной содержат отчеты состоявшихся в 1899—1902 гг. съездов политических партий, конгрессов тред-юнионов, а также многочисленные брошюры и статьи, принадлежавшие перу известных государственных, партийных и тред-юнионистских деятелей. Отметим, в частности, отчеты о работе 33-го и 34-го ежегодных конгрессов тред-юнионов, состоявшихся в 1900 г. в Хаддерсфилде и в 1901 г. в Свэнси [60], а также отчеты 8-й, 9-й и 10-й конференций Независимой рабочей партии, которые были проведены в Глазго в 1900 г., в Лестере в 1901 г. и в Ливерпуле в 1902 г. [55; 57; 64].

Обширный материал по изучаемой теме содержит пресса. Разоблачая домыслы «Таймс» и других реакционных английских газет, скрывавших подлинные причины, цели и характер войны Англии против бурских республик, социал-демократическая газета «Джастис» стремилась дать глубокий анализ империалистической политики Англии в Южной Африке. Опубликованные в «Джастис» ценные материалы были изучены автором. Важные сведения были почерпнуты из английской социалистической газеты «Лейбор Лидер», из органов германской социал-демократии «Форвертс» и «Социалистше Монатсшефте», из французской газеты «Ле Сосиалист», из русской прессы. Была изучена касающаяся международного аспекта темы дипломатическая корреспонденция, хранящаяся в фондах Архива внешней политики России МИД СССР (АВПР), а также материалы английских, немецких, французских и американских документальных публикаций [43; 49; 46; 52]. Эти источники дали много ценных сведений о политике Англии в Южной Африке и об отношении великих держав к англо-бурской войне.

Многие важные данные по теме исследования содержатся в мемуарной литературе — в воспоминаниях бурского гене-

рала Х. Девета, президента Южно-Африканской Республики П. Крюгерà, русской медицинской сестры С. В. Изъеновой, полковника германской армии А. Шилия, полковника французской армии Вильбуа де Марейля и др. [87; 100; 111; 79]. Были использованы также брошюры, записки, дневники и другие работы, написанные участниками или современниками изучаемых исторических событий.

Перейдем к краткому обзору историографии исследуемой темы.

Борьба Англии в начале эпохи империализма за захват буржских республик привлекла внимание буржуазных историков. В конце XIX — начале XX в. реакционные английские буржуазные историки восхваляли проводившуюся Англией политику колониальных захватов. Они призывали к созданию «более великой Британии», проповедовали расизм, утверждали, будто бы англосаксы предназначены осуществлять цивилизаторскую миссию по отношению к коренному населению английских колоний и к народам других стран с слаборазвитой экономикой. Трубадурами империализма были Ч. Дилк, Т. Бакстон, Дж. Сили, Б. Кидд, К. Пирс, Дж. Фруд, В. Уорсфорд [146; 129; 249; 193; 194; 232; 163; 249].

Некоторые из указанных авторов выдвигали и иные аргументы в пользу захватнической политики Англии в Южной Африке. Так, например, Ч. Дилк заявлял, что территориальные приобретения в Южной Африке необходимы Англии для обороны Британской империи. Он отмечал большое стратегическое значение для Англии этой части Африканского континента, призывал к укреплению английского господства в Капской колонии⁴, в Натале⁵ и к захвату сопредельных им территорий. «Капская колония — это наш дом, расположенный на пути в Индию и в Китай, — писал Ч. Дилк. — Утрата этого дома была бы почти губительной для нашего господства в Индии и для нашей торговли с Китаем» [146, т. 1, стр. 500—501, 578, т. 2, стр. 583].

Дж. Фруд полагал, что в новые колонии Англии устремится избыточное население из метрополии, вследствие чего наступит длительный спад английского рабочего движения. Т. Бакстон видел в приобретении Англией новых колониальных владений на Африканском континенте необходимое условие ее дальнейшего процветания.

Дж. Фитцпатрик, А. В. Уорд, Г. П. Гуч, Л. Кресвай, Н. Марелл Маррис, Х. К. Педдер, В. Дж. Эшли, Дж. Л. Гаррисон.

⁴ Капская колония — с 1652 г. принадлежала Голландии, с начала XIX в. — Англии, с 1910 г. — провинция Южно-Африканского Союза, с 1961 г. — провинция Южно-Африканской Республики.

⁵ Наталь — с 1843 г. колония Англии, с 1910 г. — провинция Южно-Африканского Союза, с 1961 г. — провинция Южно-Африканской Республики.

они и др. выступили с апологией политики Англии в Южной Африке в конце XIX — начале XX в. Они отрицали существование экономических причин, побудивших Англию вести войну против бурских республик, и утверждали, что виновниками войны были буры, которые отвергли «справедливые» требования английских ойтландеров⁶, в частности требование о предоставлении им избирательных прав [162, стр. 224—225; 141, т. 3, стр. 2; 272, стр. 6—12; 233, стр. 27—29; 115, т. 6, стр. 1; 132, т. 12, гл. 13; 118, стр. 90—92; 131, т. 3, стр. 262—270; 185, стр. 76; 236, стр. 100—101; 117, стр. 65—66; 271, стр. 283—300]. Они обошли молчанием то, что выполнение бурами этого требования привело бы к «мирному» захвату бурских республик Англией. Н. Марелл Маррис, И. Дж. Эшли, Дж. Л. Гарвин, Э. Уокер утверждали, что Англия была вынуждена вести войну за захват бурских республик, чтобы предотвратить завоевание их Германией, Францией или Бельгией [222, стр. 346—347, 353—354, 356—357; 164, т. 1, стр. 442; 164, т. 3, стр. 436—437, 464, 475; 118, стр. 90—92; 265, стр. X, 84, 95; 130, т. 8, стр. 585—632].

В защиту ложных утверждений об оборонительном характере внешней политики Англии в конце XIX — начале XX в., о том, что участие Англии в территориальном разделе Африки было вынужденным ответом на захват африканских земель другими европейскими странами, выступил также Дж. А. С. Гренвилл — автор исследования «Лорд Солсбери и внешняя политика. Конец XIX века», опубликованного в Лондоне в 1964 г. [170].

Реакционные английские буржуазные историки единодушно утверждали, что политика Англии в Южной Африке проводилась в интересах всей английской нации. Пытаясь представить эту политику надклассовой, они преднамеренно уклонились от изучения вопроса о борьбе классов и партий в Англии в связи с англо-бурской войной.

В отличие от указанных выше авторов буржуазно-реформистские и лейбористские историки В. Беллоч, Стюарт Клоит, Де Кивит, М. Коул считали, что важную роль в возникновении англо-бурской войны сыграло стремление английских монополистов к обогащению. Но, подобно реакционным авторам, эти историки утверждали, что Англия боролась за победу в Южной Африке демократических принципов. Стюарт Клоит считал даже, что англо-бурская война имела много общего с гражданской войной в США. Он необоснованно утверждал, будто бы английское правительство Р. Солсбери, подобно администрации А. Линкольна, боролось против раб-

⁶ Ойтландеры (уитлендеры) — европейцы, в основном англичане, переселившиеся в Южно-Африканскую Республику и в Оранжевую Республику в 70—90-х годах XIX в. в связи с открытием там богатейших месторождений золота и алмазов.

ства африканцев [137, стр. 438]. Заявляя, будто бы политика Англии в Южной Африке была демократической, и восхваляя создание Англией доминиона Южно-Африканский Союз Де Квитт писал: «К концу англо-бурской войны стало ясно, что Великобритания вела ее не для того, чтобы удержать Южную Африку в своих руках, а для того, чтобы отказаться от своих прав на нее. Британская победа в этой войне парадоксально явилась концом британского влияния в Южной Африке» [196, стр. 144].

Видный деятель Фабианского общества Маргарет Коул⁷, защищая реакционную идею о «цивилизаторской миссии» Англии в Южной Африке, утверждала, что война Англии против бурских республик была попыткой английских золото-промышленников, финансистов и правительства «силой навязать современное развитие... обществу отсталых голландских фермеров» [138, стр. 96]. М. Коул игнорировала экономические и социально-политические последствия завоевания бурских республик Англией.

Буржуазные историки — апологеты империалистической колониальной политики Англии в Южной Африке — преднамеренно уклонялись от изучения положения африканского большинства населения накануне захвата бурских республик Англией, отношения его к англо-бурской войне, ограбления и закабаления его английскими колонизаторами в начале XX в. Вопреки вопиющим фактам, они лживо утверждали, будто политика Англии по отношению к африканцам была гуманной, демократической, цивилизаторской. Так, например, Бэзил Вильямс писал, что английские капиталисты хорошо оплачивали труд африканских рабочих и что «работа на приисках содействовала улучшению положения африканцев... в результате более тесных связей с европейцами» [270, стр. 20]. С подобными лживыми утверждениями выступили также защитники неокOLONиализма Г. Дж. Фэйр, канадский историк А. Киппл-Джонс, О. Доти и др. [158, 192, 147].

Однако после первой мировой войны некоторые английские историки, желая упрочить господство Англии в Южно-Африканском Союзе, выступили с частичным признанием того, что англичане угнетают коренное население этого доминиона, и с призывом смягчить колониальную политику. В 1922 г. Чарльз Лукас писал: «Правильный взгляд на Африку и африканцев заключается не в том, чтобы сожалеть о вторжении европейцев на этот континент, а в том, чтобы выразить сожаление по поводу допущенных ими многочисленных злоупотреблений» [206, стр. 207]. Он призывал английских колонизаторов «делать свое правое дело плечом к плечу».

⁷ Маргарет Коул с 1939 по 1953 г. была секретарем Фабианского общества, возглавлявшегося ее мужем Джорджем Дугласом Коулом.

чу с черными людьми и стать их доверенными лицами» [206, стр. 207]. Эдгар Брукс, автор «Истории политики по отношению к туземцам Южной Африки с 1830 г. до настоящего времени», опубликованной в 1927 г. в Претории, также выступил с призывом к постепенному смягчению политики расовой дискриминации, но не к полному отказу от нее. В целях оправдания агрессивной политики Англии в Южной Африке он поддержал утверждение реакционных английских ученых, будто бы англичане имеют такие же права на Южную Африку, как и составлявшие большинство ее населения племена банту, которые якобы тоже являлись ее колонизаторами [126, стр. 13, 88, 90, 113, 498, 500].

После второй мировой войны, в связи с распадом колониальной системы империализма, английские буржуазные историки усилили проповедь неоколониалистских идей. Х. Э. Игертон, В. М. Макмиллан и другие авторы выступили с утверждением, что «цивилизаторская» политика Англии в ее колониях обеспечила их всестороннее развитие и подготовила условия для добровольной ликвидации Англией колониализма и преобразования Британской империи в Британское содружество наций [154, стр. 11—12; 210, стр. 20; 212, стр. 167]. Х. Э. Игертон был сторонником ложной идеи, заключавшейся в том, что захват Англией колоний в Африке был вынужденным ответом на агрессивную политику, которую некоторые европейские страны осуществляли на этом континенте. Не уделив внимания вопросу об экономических причинах, побудивших английских монополистов и правительство Р. Солсбери развязать войну за захват бурских республик, он утверждал, что война была навязана Англии бурями, проводившими по отношению к ойтландерам жестокую политику. По мнению Х. Э. Игертона, эта война явилась «боевым крещением для зарождавшегося Британского содружества наций» [152, стр. 2]. Проявление этого содружества он видел в сговоре англичан с бурами, достигнутом после окончания войны, в поддержке, оказанной метрополии во время войны властями стран Британской империи, в создании Англией в 1910 г. доминиона Южно-Африканский Союз [152, стр. 2].

Лживую версию об оборонительном и демократическом характере политики Англии в Южной Африке защищали также историки С. В. Ламб, Э. Уокер, Г. В. Пайрах, Дж. И. Уренч, Л. М. Томпсон и другие [207; 266; 240; 275; 263].

Реакционные авторы П. Гиббс и Л. Марквард в трудах, посвященных истории Южной Африки, полностью обошли вопросы об экономических, политических и социальных причинах англо-бурской войны, о ее характере и последствиях, о классовой сущности внешней политики Англии [166; 221].

Провозглашение в 1961 г. Южно-Африканской Республи-

ки и выход ее из Британского содружества наций побудили английских апологетов неокOLONиализма выступить с переоценкой политики Англии в Южной Африке в начале XX в. Так, например, Л. М. Томпсон в обширном исследовании «Объединение Южной Африки в 1902—1910 гг.» заявил, что «благородная» политика Англии в Южной Африке, выразившаяся в создании Южно-Африканского Союза, была ошибочной. Л. М. Томпсон утверждал, что политические деятели, правившие Англией в начале XX в., допустили грубые просчеты: они недооценили стремление африканеров⁸ к господству в Южной Африке, не сумели его преодолеть, пошли на создание доминиона Южно-Африканский Союз и «ничего не сделали для улучшения перспектив небелого населения Южной Африки» [263, V, 16, 17; 218, стр. 36, 100]. В изданной в 1963 г. «Кембриджской истории Британской империи» тоже говорится, что главная ошибка, допущенная правящими кругами Англии в начале XX в., заключалась в том, что они не добились прочных дружественных отношений с африканерами после окончания англо-бурской войны и «не предоставили туземцам ни права голоса в решении их собственных дел, ни прав предпринимательства, вытекающих из права частной собственности, ни достаточного количества земли для того, чтобы открыть туземцам путь к прогрессу» [130, т. 8, стр. 856—857].

Характерной чертой работ, вышедших из-под пера указанных выше английских апологетов колониализма и неокOLONиализма, является отказ этих авторов от анализа классовой сущности внешней политики Англии в конце XIX — начале XX в.

Африканерские исследователи, обращаясь к проблемам исторического развития Южной Африки, еще в начале текущего века выступили с апологией расизма. Так, например, с позиций расизма была написана книга У. Дж. Лейдса «Трансвааль в окружении» [200], опубликованная в Лондоне в 1919 г. После провозглашения Южно-Африканской Республики расист В. П. Эразмус объявил политику апартхеида гуманной и демократической, а внутреннюю и внешнюю политику африканеров в конце XIX в. и в 60-х годах текущего века «цивилизаторской» и миролюбивой [283, стр. 56—65]. Реакционная тенденция в современной историографии ЮАР ярко выражена в книге М. Малан «История Южной Африки». М. Малан, не исследуя основных проблем исторического развития Южной Африки, сообщает скудные фактические сведения о наиболее важных событиях из истории бурских республик

⁸ Африканеры — так еще до захвата бурских республик Англией называли буров, проживавших в Капской колонии и в Натале. С начала XX в. это название было распространено на всех буров.

лик и Южно-Африканского Союза. Касаясь англо-бурской войны, М. Малан приводит лишь сведения о ее ходе, причем полностью обходит вопросы о ее причинах, характере, об экономических, социальных и политических последствиях захватнической политики Англии в Южной Африке [216].

В советской исторической литературе нет специальных исследований, посвященных всестороннему изучению борьбы Англии за захват бурских республик. Работа В. Воронкова «Англо-бурская война (1899—1902 гг.). (Краткий военно-политический очерк)», опубликованная в Москве в 1933 г., а также брошюра М. Цетлина «Война буров за независимость» (М., 1940) содержат лишь краткий обзор хода военных действий. Не ставя перед собой исследовательских целей, ни В. Воронков, ни М. Цетлин не дали анализа причин англо-бурской войны, положения коренного населения Южной Африки в конце XIX в., отношения его к этой войне, экономических, социальных и политических результатов завоевания бурских республик Англией. Эти авторы не показали колонизаторскую сущность политики буров в Южной Африке. По мнению М. Цетлина, англо-бурскую войну «нельзя рассматривать как войну двух белых народов за монопольное угнетение черных». Он ошибочно утверждал, что война буров против английских захватчиков была «справедлива и прогрессивна не только как борьба против империализма, но и... как война пионеров культурного освоения Африки» [109, стр. 16].

Начало глубокому изучению империалистической политики Англии в Южной Африке на рубеже XIX — XX вв. было положено в трудах видных советских исследователей-африканистов И. И. Потехина, А. З. Зусмановича, А. Б. Давидсона и крупных специалистов по истории международных отношений В. М. Хвостова и других.

ЭКСПАНСИОНИСТСКАЯ ПОЛИТИКА
АНГЛИИ В БУРСКИХ РЕСПУБЛИКАХ В КОНЦЕ XIX в.

ЗАКАБАЛЕНИЕ БУРСКИХ РЕСПУБЛИК
АНГЛИЙСКИМ КАПИТАЛОМ В 70—90-х ГОДАХ XIX в.

Колонизация Южной Африки европейцами началась в середине XVII в. В 1652 г. Нидерландская Ост-Индская компания основала на южном побережье Африки Капскую колонию. Голландские колонизаторы стали расширять ее пределы путем вооруженного захвата земли, принадлежавшей коренному населению — бушменам, готтентотам, банту. В первые десятилетия колонизации компания сдавала колонистам участки земли в аренду на срок за ежегодную уплату десятой части получаемой продукции. Но в 1680 г. Совет компании в интересах колонистов объявил эти участки собственностью их владельцев. Большинство колонистов стало собственниками крупных ферм. Основу сельскохозяйственного производства колонистов составляла эксплуатация рабов-африканцев, взятых колонизаторами в плен во время вооруженной борьбы за землю. Производимая на фермах продукция использовалась в основном для удовлетворения потребностей их собственников.

В конце XVIII в. к захвату Южной Африки приступила Англия. Завязалась ожесточенная борьба между бурскими и английскими колонизаторами за господство в этой части Африканского континента. Учитывая большое стратегическое значение Капской колонии, Англия в 1795 г. аннексировала ее, но по условиям подписанного с Францией в 1802 г. Амьенского мира принуждена была вернуть ее Голландии. В 1806 г. Англия вторично аннексировала Капскую колонию. Венский международный конгресс 1814—1815 гг., созванный после разгрома наполеоновской империи, признал эту колонию владением Англии.

В 30-х и 40-х годах XIX в. многие буры, теснимые англичанами, покинули Капскую колонию и устремились в сопредельную с нею огромную территорию, расположенную между реками Оранжевой, Ваалем и Лимпопо. Захватывая эти земли, буры вели вооруженную борьбу против англичан, стремившихся колонизировать территории современного Наталя и междуречья Оранжевая — Вааль, а также против афри-

канцев, оказывавших ожесточенное сопротивление английским и бурским колонизаторам.

В 1843 г. Англия аннексировала территорию Натала. Но в борьбе за междуречье Оранжевая — Вааль победу одержали буры. В 1852 г. Англия подписала с бурами Сандриверскую конвенцию, признав независимость буров, захвативших территорию к северу от р. Вааль. Два года спустя в Блумфонтейне была подписана англо-бурская конвенция, по которой Англия признала независимость буров, колонизировавших земли между реками Оранжевой и Ваалем. Последовало создание бурскими колонизаторами двух республик — Оранжевого свободного государства (или Оранжевой Республики) в 1854 г. и Южно-Африканской Республики (или Республики Трансвааль) в 1856 г.

Этнический состав коренного населения бурских республик был пестрым в результате многовековой миграции африканских племен. Аборигенами были бушмены-кочевники, занимавшиеся охотой и собирательством. Множество их погибло еще в XVI—XVIII вв. в борьбе с другими обитателями этих территорий — племенами готтентотов и банту. Но особенно много бушменов было истреблено европейскими колонизаторами, отнимавшими у них землю. В конце XIX в. численность бушменов в бурских республиках была ничтожной — она не превышала нескольких тысяч человек. Немногочисленными были и обитавшие здесь скотоводческие племена готтентотов. Большинство коренного населения бурских республик составляли племена, говорившие на языках банту (племена банту). В Южно-Африканской Республике это были: коса, басуто, зулу, тсонга (шангаан), бавенда, бечуаны, свази, ндебеле, педи (бапеди), бакона, барампулана, баловеду и другие — общей численностью до 700 тыс. человек. В Оранжевой Республике это были бечуаны и басуто — всего до 130 тыс. человек. Африканцы составляли подавляющее большинство населения бурских республик.

В середине XIX в. почти все коренное население колонизируемой бурами территории жило в условиях разложения первобытнообщинного строя. Стада паслись на общинных землях, но в личном владении членов племен уже находились небольшие пахотные участки земли, которые обрабатывались членами патриархальной семьи. Личное владение этими участками предвещало возникновение индивидуальной частной собственности на землю. Налицо было также имущественное неравенство членов племени. Вожди и некоторые патриархальные семьи были собственниками больших краалей¹ и стад. Но было много бедняков, владевших ничтожным количеством скота или вовсе не имевших его. Вожди облагали

¹ Крааль — селение африканских скотоводческих племен.

членов племени различными поборами, широко использовали их труд для сельскохозяйственных нужд. Зарождалось товарное производство, но межплеменной обмен продуктами был еще безденежным. Племенная демократия была в упадке. Власть вождя, являвшегося военачальником, судьей, главой культа, становилась наследственной. Органы государственной власти еще не сложились [189, т. 2, стр. 405—407].

Численность буров в конце XIX в. в Южно-Африканской Республике достигала 125 тыс. человек, а в Оранжевой Республике — 30 тыс. человек. Главной отраслью бурской экономики было сельское хозяйство — преимущественно скотоводство, в меньшей мере — земледелие. Подавляющее большинство буров были собственниками земли, захваченной ими у африканцев. «Буры Трансвааля всегда осуществляли захват земли и требовали земли, земли и опять земли», — отмечал С. М. Молема [226, стр. 44]. В конце XIX в. в Южно-Африканской Республике насчитывалось до 16 тыс. ферм. Мы не располагаем точными сведениями об их размерах и о числе крупных, средних и мелких ферм. Отметим, что в своем «Отчете о поездке в Трансвааль в исследовательских целях», относящемся к началу 90-х годов XIX в., бельгийский дипломат М. Д. Сиффер указал, что большинство буров в Южно-Африканской Республике было собственниками крупных ферм [65, стр. 9]. В опубликованной газетой «Новое время» корреспонденции «Аргуса» сообщалось, что буры, завладевшие землей африканцев, «живут широко» и «пользуются сплошным довольством» [278, 15 октября 1899]. Лео Марквард отмечал, что в конце XIX в. размер принадлежавших бурам крупных ферм достигал 50 тыс. — 100 тыс. акров [221, стр. 12]. Многие буры были собственниками крупных ферм, но было немало средних и мелких фермеров [261, стр. 332].

Колонизаторская политика буров в Южно-Африканской Республике и в Оранжевой Республике нанесла тяжелый удар по первобытнообщинному строю африканцев, содействовала его упадку. В результате захвата бурами земель, во второй половине XIX в. часть африканцев была экспроприрована. Многие обезземеленные африканцы переселялись в города, где нанимались работать за ничтожную плату в качестве чернорабочих и прислуги. Но до конца 80-х годов XIX в. большинство становилось батраками на фермах буров. Положение батраков было очень тяжелым. Батраки, владевшие крошечными земельными наделами, платили фермеру денежную ренту и несли барщину, зачастую превышавшую 180 дней в году. Они не имели возможности в нужное время лично обрабатывать свои наделы, которые приходилось возделывать их женам и детям. Орудия труда батраков были примитивными. Урожаи были низкими. Принадлежавший батракам скот был малопродуктивным. Батраки, не имевшие надела, получали

за свой полурабский, непосильный труд мизерную плату деньгами и продуктами низкого качества.

Вопиющая нищета заставляла батраков в свободное от работы на фермера время уходить на приработки — на строительство железных и шоссейных дорог, на работу в качестве сторожей, слуг и т. п. Оплата труда африканцев на этих работах тоже была очень низкой. В результате систематического недоедания среди батраков свирепствовали туберкулез, тиф и другие болезни [см. 39, 66].

Тяжесть положения африканцев усугублялась их полным политическим бесправием. Принятая в 1858 г. конституция Южно-Африканской Республики предусматривала жестокую расовую дискриминацию коренного населения. Статья 9-я этой конституции гласила, что буры «не допускают равенства между „цветными“ и „белыми“ жителями ни в государственных, ни в религиозных вопросах». Статья 31-я объявляла, что «цветные» и «полукровки» не будут допускаться на заседания законодательного органа республики — фольксраада. В 1876 г. был принят расистский закон «О всеобщем голосовании бюргеров Южно-Африканской Республики». Ссылаясь на ст. 9-ю конституции, он предписывал, что «ни один человек, не принадлежавший к белому населению Южно-Африканской Республики, не может быть занесен в списки лиц, имеющих право голоса...» [226, стр. 386].

Конституция Оранжевой Республики, принятая в 1866 г., тоже была расистской. Она предоставила избирательные права совершеннолетним мужчинам-европейцам, родившимся в этой стране, а также иммигрантам — владельцам незаложенной земельной собственности стоимостью не менее 150 ф. ст., или арендаторам земли при уплате ими ежегодной ренты не менее 36 ф. ст., или получающим ежегодный доход не менее 200 ф. ст., или проживающим в стране не менее трех лет и обладающим имуществом стоимостью не менее 300 ф. ст. Конституция формально допускала предоставление избирательных прав африканцам, удовлетворяющим тому же имущественному цензу, что и «белые» иммигранты, к тому же при получении специального разрешения законодательного органа республики в каждом отдельном случае.

Политика, проводившаяся бурами по отношению к коренному населению, неизменно была дискриминационной. В конце XIX в. ее энергично проводил президент Южно-Африканской Республики Стефан Йоханнес Паулус Крюгер, избравшийся на этот пост в 1883, 1888, 1893, 1898 гг. Представитель крупных бурских землевладельцев, собственник огромных ферм и стад, ярый расист, Крюгер упорно защищал интересы бурских колонизаторов.

Итак, колонизаторская политика буров содействовала упадку первобытнообщинного строя африканцев и подчиня-

ла их жестокому экономическому, социальному и политическому гнету. Глубокие изменения в положении африканцев вызвала также экспансия Англии в бургских республиках в конце XIX в. Перейдем к ее рассмотрению. Прежде всего выясним ее причины и классовую сущность.

В 80-х годах XIX в. в Англии усилилась концентрация промышленного производства. В следующем десятилетии в ходе ожесточенной конкурентной борьбы возникли мощные капиталистические объединения. Характеризуя раннюю стадию развития монополизации английского промышленного производства, В. И. Ленин писал: «...Если первые шаги по пути картеллирования были раньше пройдены странами с высоким охранительным тарифом (Германия, Америка), то Англия с ее системой свободной торговли показала лишь немногим позже тот же основной факт: рождение монополий из концентрации производства» [10, стр. 421].

Отдельные отрасли английского промышленного производства развивались неравномерно. Монополии развивались быстрее в сфере эксплуатации ресурсов колониальных владений Англии, а также в тяжелой и военной промышленности. Это было связано с весьма активным участием Англии в борьбе держав за окончательный территориальный раздел мира и с подготовкой к борьбе за его передел.

Обратимся к конкретным данным, характеризующим процесс монополизации английской промышленности в конце XIX в. В 1897 г. одно из самых крупных военно-промышленных и сталелитейных предприятий страны — шеффилдская фирма «Виккерс энд К^о», занятая производством оружия и брони, при содействии банков «Л. Н. де Ротшильд и А. Г. де Ротшильд», «Глайн, Милс энд К^о», «Шеффилд Бэнкинг» поглотила фирму «Навал Констракшен энд Армаментс», строившую корабли военно-морского флота и производившую артиллерийские орудия. Вскоре та же участь постигла фирму «Максим — Норденфельд Ханс энд Аммунишен К^о», производившую оружие и военное снаряжение. К началу XX в. концерн «Виккерс Санс энд Максим» являлся крупнейшей военной судостроительной монополией, выпускающей мощные и уже оснащенные оружием боевые корабли [213, стр. 7; 293, 1899, т. III, стр. 91]. В 1897 г. другая мощная военно-промышленная и сталелитейная фирма — «Армстронг энд К^о», поглотив конкурировавшую с ней «Витворт энд К^о», увеличила свой капитал до 4 млн. 210 тыс. ф. ст. Она производила сталь, артиллерийские орудия, военные корабли, торпеды, локомотивы. В середине 1899 г. крупное шеффилдское сталелитейное предприятие «Джон Браун энд К^о», владевшее шахтами и рудниками и выпускавшее высококачественные броневые плиты, объединилось с «Клайдсдейл Энджиниринг энд Шипбилдинг К^о», которая строила военные корабли. В

результате этого слияния капитал монополии «Джон Браун энд К°» возрос до 2500 тыс. ф. ст. [213, стр. 7]. К началу XX в. в результате концентрации производства значительно усилились металлургические предприятия «Ланкашир энд Стил Корпорейшн», «Стюартс энд Ллойдс» и др.; возникли сталелитейная монополия «Саут Дерхэм К°» и мощный концерн «Гест, Кин энд Неттлфолд», который управлял расположенными в Южном Уэльсе каменноугольными копями и находившимися в Мидленде рудниками, доменными печами, сталелитейными заводами, предприятиями, производившими гайки, болты, винты, муфты [119, стр. 184; 161, стр. 41].

В отличие от металлургической и военной промышленности английская угольная промышленность, оснащенная устаревшим оборудованием, почти не была затронута процессом монополизации. К середине 1899 г. единственной крупной фирмой по добыче угля была «Дж. Джойсей энд К°», в которой были заняты 12 тыс. рабочих. В то время существовала только одна монополия по сбыту угля — «В. Кори энд Санс Лимитед»; она возникла в результате объединения восьми крупных фирм и обладала капиталом в 2 млн. ф. ст. [213, стр. 12].

Монополизация английской легкой промышленности тоже развивалась медленно. Однако к началу XX в. в легкой промышленности, центром которой было графство Ланкашир, уже существовали крупные монополии. В 1890 г. была создана компания «Дж. энд П. Коатс Лимитед» по производству хлопчатобумажных ниток с капиталом в 5750 тыс. ф. ст. К 1897 г. она превратилась в крупнейший картель, объединив ранее конкурировавшие с ней фирмы «Кэрт энд К°», «Чадвик энд К°», «Дж. Брук энд К°», «Кларк энд К°» [293, 1899, т. III, стр. 91]. Вскоре картель «Дж. энд П. Коатс Лимитед» скупил акции бельгийской ниточной фирмы, вложил крупный капитал в «Америкен Тред К°» и стал крупнейшей международной монополией по производству ниток.

В 1898 г. в Ланкашире возникла «Файн Коттон Спинвиа энд Даблерс Ассосиэйшн Лимитед» с капиталом в 4 млн. ф. ст. К 1900 г. она объединила 39 прядильных фирм, из которых 17 находились в Манчестере и в Болтоне. В 1898 г. возникла красильная монополия «Брандфорд Дайерс Ассосиэйшн Лимитед» с капиталом в 4500 тыс. ф. ст. [213, стр. 10—11].

В конце 90-х годов XIX в. в Англии существовали также монополии по производству калия — «Юнайтед Алкали К°», мыла — «Санлайт Соап», растительного масла и жмыхов — «Бритиш Ойл энд Кэйк Милс Лимитед» и др.

В результате дальнейшей концентрации капитала в конце XIX в. в Лондоне возникли крупные торговые компании «Маршалл энд Снелгров», «Питер энд Робинсон», «Липтон»

и др. [213, стр. 3—5]. К середине 1900 г. общий размер капитала, которым владели английские монополисты, достиг 1,5 млрд. ф. ст.

Огромную роль в образовании и деятельности английских монополистических объединений играли крупнейшие банки — «Английский Банк», «Л. Н. де Ротшильд и А. Г. де Ротшильд», бирмингемский «Ллойдс Банк Лимитед» и др. Они оказывали финансовую поддержку тем или иным капиталистам и монополистическим объединениям. Так, например, «Английский Банк» субсидировал фирму «В. Г. Армстронг, Битворт энд К°» и мощные предприятия сталелитейной промышленности [262, стр. 82, 142]. Крупнейшие финансисты, дельцы лондонского Сити, являлись совладельцами промышленных монополистических объединений, были тесно связаны с тяжелой и военной промышленностью, с английскими колониальными монополиями.

В конце XIX в. наблюдалась интенсивная концентрация банковского капитала. Так, например, в 1897—1900 гг. «Ллойдс Банк Лимитед» поглотил банки «Каунтри оф Глостер Банк», «Вильямс энд К°», «Дженнер энд К°», «Сандгейт энд Шорнклифф», «Барнтон Юнион Банк Лимитед», «Стефенс, Бленди энд К°» [244, стр. 281]. За десять лет, с 1896 по 1905 г., в результате концентрации капитала число вкладов в «Ллойдс Банк Лимитед» возросло со 115 628 до 257 857 [244, стр. 108].

Перерастание капитализма в империалистическую стадию происходило в Англии в условиях относительного замедления темпов ее экономического развития. К началу XX в. она утратила мировое первенство в ряде важных отраслей промышленного производства. США обогнали Англию по уровню добычи угля, выплавки чугуна, добычи железной руды, производству стали, а Германия — по уровню добычи железной руды и производству стали.

Узость внутреннего рынка, устарелость технического оборудования ряда отраслей промышленного производства содействовали относительному замедлению темпов экономического развития Англии и побуждали английских капиталистов в целях увеличения прибылей вывозить во все возрастающем размере «излишки» капитала из метрополии в страны Британской империи и в другие страны.

О размерах и темпах роста вывоза Англией капитала позволяют судить следующие данные: в 1882 г. капитал, помещенный Англией за ее пределами, составлял 22 млрд. фр., а в 1902 г. — 62 млрд. фр. [10, стр. 360].

«Английские капиталы за границей (по оценке *Снейера* для 1900) = 2 500 миллионов фунтов стерлингов», — отмечал В. И. Ленин [11, стр. 546]. По размерам вывезенного капитала и темпам роста его вывоза Англия далеко опережала дру-

гние страны: Франция в 1902 г. имела за границей 27—37 млрд. фр., а Германия—12,5 млрд. фр. [10, стр. 360].

Мощными экспортерами капитала были крупнейшие английские банки. Они имели в колониях свои отделения и были совладельцами многих колониальных промышленных предприятий. Так, например, «Ллойдс Банк Лимитед» в конце XIX в. имел капиталовложения в «Ямайка Рейлвей Мортгейдж Бондс», «Цейлон Инскрайбед Сток», «Кейп оф Гуд хоп Инскрайбед Сток» [244, стр. 188]. Ротшильды были совладельцами ряда мощных монополий в Южной Африке. За спиной многих южноафриканских монополий стоял «Английский Банк»— один из главных экспортеров капитала. В 1890 г. существовали 30 английских колониальных банков, имевших 1742 отделения [11, стр. 153].

В конце XIX в. прибыль, получаемая Англией в виде чистого дохода от вывезенного капитала, достигала 90—100 млн. ф. ст.; она во много раз превышала прибыль, которую имела в те годы Англия от внешней торговли. В 1899 г. при общем объеме внешней торговли Англии в 800 млн. ф. ст. прибыль от нее составляла лишь 18 млн. ф. ст. [178, стр. 62, 63].

Рост экспорта капитала из Англии в условиях относительного замедления темпов ее экономического развития, а также извлечение ею гигантских прибылей от эксплуатации колоний и от внешних займов были яркими признаками колониального характера и паразитизма английского империализма.

Обгоняя Англию по уровню развития промышленного производства, Германия и США вели с ней упорную борьбу за господство на мировом рынке. Тенденция развития этой борьбы была неблагоприятна для Англии, ибо темпы роста экспорта товаров из Англии отставали от темпов роста вывоза товаров из США, из Германии и ряда других стран. К началу XX в. Англия все еще занимала первое место в мире по стоимости экспортируемых товаров, но разрыв между стоимостью английского, германского и американского экспорта быстро сокращался. За период с 1872 по 1896 г. стоимость вывезенных из США товаров возросла почти в три раза, а из Германии— почти в два раза; стоимость же товаров, вывезенных из Англии, возросла только на 15%, поднявшись с 248,5 млн. ф. ст. в 1872 г. до 286,1 млн. ф. ст. в 1896 г. Однако стоимость товаров, вывезенных в 1896 г. из Соединенных Штатов Америки, составляла лишь 73%, а из Германии— 70% стоимости товаров, экспортированных из Англии [297, т. 1, № 2, 1898].

Темпы роста ввоза товаров в Англию были более быстрыми, чем темпы роста вывоза товаров из Англии. Отметим, что стоимость ввезенных в Англию товаров в 1900 г. составила 460 млн. ф. ст. Импорт Германии достиг тогда лишь 288 млн.

ф. ст., Франции — 188 млн. ф. ст., а США — 171 млн. ф. ст. [11, стр. 446].

К началу XX в. Англия занимала первое место в мире по общей стоимости импорта и экспорта. В 1900 г. общая стоимость импорта и экспорта составила в Соединенном Королевстве 751 млн. ф. ст., в Германии — 518 млн. ф. ст., в США — 453 млн. ф. ст., во Франции — 352 млн. ф. ст. [11, стр. 446].

Английская финансовая олигархия — владельцы промышленных монополий, крупнейших банков и огромных поместий — располагала ключевыми позициями в экономике Англии, а также определяющим влиянием на внутреннюю и внешнюю политику страны. К началу XX в. в Англии наблюдалось характерное для империализма сращивание финансовой олигархии с государственной властью. Выступая в палате общин 8 мая 1900 г., Джон Бернс констатировал, что 435 из 586 лордов, а также 30% членов палаты общин и 50% членов кабинета министров являлись тогда директорами промышленных компаний. Он указал, в частности, на то, что генеральный прокурор лорд А. Г. Меррей был директором трех промышленных компаний. «Королевские министры действуют как директора компаний, и это дает основание утверждать, что существующее в Англии правительство — это правительство фондовой биржи», — заявил Д. Бернс [53, т. 82, 1900, стр. 113]. Представитель от Ирландии Свифт Мак Нейл внес тогда же в палату общин проект резолюции, запрещающий министрам быть директорами промышленных и торговых компаний и банков. Депутаты от Ирландии, либералы центра, левые либералы и Д. Бернс энергично поддержали этот проект. Однако после жарких дебатов он был отклонен восемьюдесятью двумя голосами против семидесяти одного [53, т. 82, 1900, стр. 1131—1144].

По воле магнатов финансового капитала правящие круги Англии проводили агрессивную внешнюю политику. С 1860 по 1900 г. Англия увеличила площадь своих колониальных владений с 2,5 млн. кв. миль до 9,3 млн. кв. миль, т. е. почти в четыре раза; численность населения английских колоний возросла со 145,1 млн. человек до 309 млн. человек, т. е. более чем вдвое. Только за 1884—1900 гг. Англия захватила территорию в 3,7 млн. кв. миль с населением в 57 млн. человек. В 1900 г. площадь английских колоний достигла 11 605 238 кв. миль, а численность населения Британской империи превысила 345 222 тыс. человек [228, т. 2, стр. 218]. К началу XX в. площадь колониальных владений Англии далеко превосходила площадь Французской колониальной империи, занимавшей по своим размерам второе место в мире и достигшей в 1899 г. 3,7 млн. кв. миль с населением в 56,4 млн. человек. Размер колониальных владений Германии

был сравнительно невелик. В 1900 г. площадь германских колоний составляла 1 027 120 кв. миль с населением свыше 14 680 тыс. человек.

Осуществляя колониальные захваты, английские империалисты преследовали экономические и политические цели: они хотели завладеть богатейшими источниками сырья, емкими рынками сбыта, выгодными сферами для вывоза капитала, подчинить коренное население колоний жестокой эксплуатации, предотвратить рост революционного направления в английском рабочем движении путем переселения в колонии части пауперизированного населения и расширения слоя рабочей аристократии за счет получаемых в колониях огромных прибылей. Английские империалисты рассчитывали на то, что расширение Британской империи будет способствовать ускорению темпов экономического развития Англии, поможет ей сохранить за собой мировое первенство в экспорте товаров и капитала.

В 80—90-х годах XIX в. крупнейшие английские банкиры, магнаты лондонского Сити, в том числе директора «Английского Банка» Вильям Лиддердэйл, Герберт Брукс, Хью Смит, Сэмюэль Гладстон, Сэмюэль Марли, Ч. Арбутнот, Реджинальд Иден, а также лорд Альфред Ч. де Ротшильд, владельцы бирмингемского «Ллойдс Банка» и др., требовали укрепления финансовой системы Англии путем резкого увеличения золотого запаса страны, обеспечения высокого уровня покрытия банкнот золотом. Это требование усилилось в связи с острым денежным кризисом, разразившимся в Англии в 1890 г., который был связан с предоставлением Англией Аргентине огромных займов и с поразившим Аргентину финансовым крахом. Оказавшись на грани финансовой катастрофы, «Английский Банк» был вынужден пойти на чрезвычайную меру — пополнить свой запас золота путем займа у «Французского Банка» [116, стр. 363—367].

К середине 90-х годов финансовое положение Англии улучшилось: в сейфы ее банков стало поступать золото, добытое на приисках Витватерсранда в Южно-Африканской Республике и в Калгурли в Западной Австралии. К 1896 г. запас золота, находившегося в сейфах эмиссионного отдела «Английского Банка», возрос с 22 649 тыс. ф. ст. в 1890 г. до 40 млн. ф. ст. [136, т. 2, стр. 279, 329—330]. Однако магнаты английского финансового капитала считали необходимым обеспечить постоянный и мощный приток золота для увеличения его запасов в Англии, для укрепления фунта стерлингов, для дальнейшего вывоза капитала в огромных размерах за пределы метрополии. Вследствие этого они требовали захвата Южно-Африканской Республики и Оранжевой Республики, недра которых таили богатейшие запасы золота и алмазов. Английские империалисты вынашивали планы бес-

пощадного ограбления и угнетения населявших эти республики африканцев, принуждения их к наемному труду, подчинения их жесточайшей капиталистической эксплуатации и расовой дискриминации. К тому же захват республик сулил английским империалистам важные стратегические преимущества: Англия получила бы возможность более энергично и успешно бороться за установление своего господства на необъятных просторах от Кейптауна до Каира, подчинить своему влиянию Мозамбик и Анголу, успешно противодействовать проникновению в Южную Африку капиталов из других стран; Англия смогла бы упрочить свое господство на морских путях в Индию, Малайю, Бирму, Австралию, Новую Зеландию, на Дальний Восток.

Цели агрессивной политики Англии в Южной Африке соответствовали интересам всей английской финансовой олигархии, вне зависимости от сферы приложения капитала каждого из монополистов. Однако в конце XIX в. среди них не было единства взглядов по вопросу о способе захвата бурских республик Англией. Монополисты металлургической, военной, судостроительной и машиностроительной промышленности, связанные с ними мощные банки, чиновники английской колониальной администрации в Южной Африке, «Национальный союз» английских ойтландеров призывали к войне. Она сулила им большие правительственные заказы на поставку вооружения и огромные прибыли.

Монополисты же текстильной и ряда других отраслей легкой промышленности, не связанных с военной промышленностью, опасаясь, что война снизит покупательную способность населения на внутреннем английском рынке, затруднит сбыт производимых ими товаров и доставку в Англию необходимого им сырья, призывали к захвату бурских республик в результате «мирной» экспансии английского капитала и решительных действий английской дипломатии. Выступая за «мирный» захват бурских республик, они исходили также из того, что проникновение английского капитала в экономику этих стран шло быстрыми темпами.

Посмотрим, как осуществлялась экспансия Англии в бурских республиках в конце XIX в.

Первая попытка захватить Южно-Африканскую Республику была предпринята Англией в 1877 г. Воспользовавшись тяжелым положением этой страны, возникшим в связи с войнами против зулусов, Англия объявила о ее аннексии. Но восставшие буры нанесли поражение английским войскам. В 1881 г. Англия была вынуждена признать независимость Южно-Африканской Республики и подписать в Претории соответствующую конвенцию. Продолжая, однако, бороться за захват бурских республик, Англия в 1884 г. добилась подписания с Южно-Африканской Республикой Лондонской кон-

венции, поставившей внешнюю политику этой страны под контроль английского правительства.

В 80-х и 90-х годах XIX в. западноевропейские, в основном английские, капиталисты завладели ключевыми позициями в экономике бурских республик. В их руках оказались огромные земельные владения, горнодобывающая промышленность, железнодорожное строительство. По данным Чарльза Леонарда, английские ойтландеры к середине 90-х годов купили и получили в виде концессий в Южно-Африканской Республике более половины принадлежавших бурам земель; в руках английских ойтландеров в то время находилось более 80% другой недвижимой собственности [162, стр. 337; 175, стр. 24]. В течение последних двух десятилетий XIX в. английские капиталисты создали в Южной Африке монополии по добыче алмазов и золота. Возникновение монополии в сфере эксплуатации ресурсов колоний было характерной чертой формировавшегося в Англии колониального империализма.

Еще в 60-х годах XIX в. английское правительство добилося передачи ему правительством Оранжевой Республики территории месторождения алмазов близ Кимберли, причем лишь за 90 тыс. ф. ст. [293, 1899, т. III, стр. 134]. Созданная в 1880 г. Сесилем Родсом и Альфредом Бейтом «Де Бирс Майнинг К°» приобрела у английского правительства права на эту территорию уже за 5,5 млн. ф. ст. За первые пять лет существования этой компании принадлежавший ей капитал возрос с 200 тыс. ф. ст. до 841 550 ф. ст. [270, стр. 92]. К началу XX в. в результате ожесточенной конкурентной борьбы «Де Бирс Майнинг К°» превратилась в крупнейшую монополию по добыче алмазов. В 80-х годах она скупала акции ряда других компаний по добыче алмазов, в частности «Дютуа Пан» и «Булфонтейн К°», а в 1888 г. поглотила своего главного конкурента «Барнато Даймонд Майнинг К°», принадлежавшую подданным Великобритании — братьям Исааку Барнетту (Барнео) и Генри Барнетту (Барнато). В связи с этим «Де Бирс Майнинг К°» была реорганизована и приняла название «Де Бирс Консолидейтед Майнс» (ДБКМ). Вскоре она прибрала к своим рукам месторождения алмазов в Родезии и португальской Бенгеле и подчинила себе «Лондонскую компанию по исследованию Южной Африки» [287, 24. V.1900, стр. 228].

Рост прибыли, получаемой «Де Бирс Консолидейтед Майнс», был баснословным в результате жесточайшей эксплуатации труда африканских рабочих, скупки акций других предприятий, спекулятивных махинаций и сделок. «Де Бирс Консолидейтед Майнс» не брезгала никакими средствами в борьбе против конкурентов. «Тирания, несправедливость, шантаж, подкуп — вот моральные, точнее, аморальные принципы этой алмазной монополии», — справедливо отмечал

Ф. Р. Стэтэм [293, 1899, т. III, стр. 135]. Накануне англо-бурской войны, с июля 1898 г. по июль 1899 г., прибыль этой компании достигла 2 млн. ф. ст. [53, 1900, 79, стр. 1411]. Стоимость всех вывезенных из Южной Африки в Англию алмазов в конце 90-х годов достигала в среднем 4,5 млн. ф. ст. в год [41, стр. 2].

Главными акционерами «Де Бирс Консолидейтед Майнс» в конце XIX в. были крупнейшие английские финансисты, промышленники и аристократы-землевладельцы: Сесил Родс, герцог Д. Аберкорн, герцог Файф, граф Альберт Грей, лорд Гиффорд, лорд Х. Фэркуэр, лорд А. Ч. де Ротшильд. В 1888 г. в правление ДБКМ вошел официальный представитель от банка «Л. Н. де Ротшильд и А. Г. де Ротшильд» — К. Мейер [293, 1900, т. 4, стр. 122, 123]. Одним из главных акционеров «Де Бирс Консолидейтед Майнс» был Альфред Бейт, являвшийся тогда германским подданным. Эти акционеры владели самыми большими пакетами акций многих золотодобывающих компаний Витватерсранда.

Хлынувшие в Витватерсранд еще в 1886 г. иностранные, преимущественно английские, предприниматели, спекулянты и авантюристы создали десятки золотодобывающих компаний. В 1889 г. в Витватерсранде уже существовали 450 золотодобывающих компаний с капиталом в 11 млн. ф. ст. [185, стр. 70].

Интенсивный процесс концентрации капитала в золотодобывающей промышленности Южно-Африканской Республики сопровождался слиянием многих компаний. Во второй половине 90-х годов наиболее мощными золотодобывающими монополиями Витватерсранда были «Ю. Вернер, А. Бейт энд К°», возглавляемая капиталистами Х. Эккштейном, Ю. Вернером², А. Бейтом, Л. Филлипсом, и «Консолидейтед Голд Филдс оф Саут Африка», крупнейшими акционерами которой были Сесил Родс, А. Ч. де Ротшильд, К. Д. Радд. Эти компании, а также «С. Нейман энд К°», «Дж. Б. Робинсон Груп», «Дженерал Майнинг Груп», «А. Гёрц энд К° Лимитед», «Англо-Френч», «Африкен энд Юропиен Инвестмент К°», «Саут Африкен Тауншипс» составляли «большую девятку» монополий, владевших большинством шахт Витватерсранда [242, стр. 192—193; 150, стр. 26].

«Ю. Вернер, А. Бейт энд К°» возникла в 1889 г: в результате реорганизации существовавшей с 1880 г. фирмы «Жюль Поржес энд К°», совладельцем которой был А. Бейт. К концу 90-х годов капиталовложения в золотодобывающую промышленность Витватерсранда, осуществленные монополиями «Ю. Вернер, А. Бейт энд К°», составляли почти 150 млн.

² Юлиус Вернер — немецкий капиталист, переселившийся из Дармштадта в Южную Африку в 70-х годах XIX в.

ф. ст. [121, стр. 11—13]. Созданная в 1893 г. монополия «А. Гёрц энд К° Лимитед» с капиталом в 3,2 млн. марок официально числилась английской компанией. Однако в 90-х годах XIX в. владельцами значительной части ее акций были «Дойче Банк» и «Берлинер Хандельс Гезельшафт». Возглавлявший эту монополию Адольф Гёрц был женат на сестре магната германского финансового капитала Георга Сименса, который был директором «Дойче Банка», владельцем германской электротехнической монополии, инициатором строительства Багдадской железной дороги. Г. Сименс субсидировал монополию «А. Гёрц энд К° Лимитед». С 1897 г. важную роль в руководстве монополии «А. Гёрц энд К° Лимитед» стал играть зять А. Ч. де Ротшильда — лорд Баттерси. Прибыли этой компании были очень большими: в 1894 г. они достигли 35%, а в 1895 г. — 50%.

Крупнейшие английские золотопромышленники и совладельцы «Де Бирс Консолидейтед Майнс» были магнатами лондонского Сити. К их числу относились лорд А. Ч. де Ротшильд, С. Родс, Л. Филлипс, Дж. Фэррар. В конце 90-х годов XIX в. одним из наиболее крупных дельцов лондонского Сити стал Альфред Бейт. В конце XIX в. часть золотопромышленников являлась совладельцами «Корниш Банка», который в 1902 г. был поглощен бирмингемским «Ллойдс Банком». Одним из руководителей последнего был герцог Файф.

Деятельность золотопромышленников и владельцев алмазных приисков была тесно связана с «Английским Банком», в распоряжение которого поступали ввозившиеся в Англию из Южной Африки золото и алмазы. «Английский Банк» имел с монополистами Витватерсранда и другие формы связи. Так, например, он был связан с А. Ч. де Ротшильдом не только как с совладельцем крупнейших южноафриканских монополий, но и как с владельцем лондонской фирмы по аффинажу золота. Английский капитал господствовал также в созданных в конце XIX в. в бурских республиках «Национальном Банке Оранжевого Свободного Государства» и «Национальном Банке Южно-Африканской Республики». Совладельцами последнего были Джозеф, Остин, Невил и Артур Чемберлены.

Проникновение германского капитала в экономику бурских республик тоже было значительным. В середине 1899 г. размер германских инвестиций в Южно-Африканской Республике достиг 900 млн. марок. Эта сумма более чем в два раза превышала размер германских инвестиций в Турции, составлявших тогда свыше 400 млн. марок; она составляла более половины германских капиталовложений в Южной Америке и 75% от германских инвестиций в Центральной Африке, достигавших соответственно почти 1700 млн. марок и 1250 млн. марок. Помимо указанных выше германских банков крупные

капиталовложения в горнодобывающую промышленность Южно-Африканской Республики были сделаны «Дармштадтским Банком». Одним из его вкладчиков был Вильгельм II. В экспорте капитала в Южно-Африканскую Республику участвовали также голландские и французские капиталисты. Однако их капиталовложения далеко уступали английским и германским инвестициям.

В конце XIX в. добыча золота на приисках Витватерсранда росла с чрезвычайной быстротой: в 1887 г. там было добыто 1,2 т чистого золота, а в 1898 г. уже 118,9 т, что составило 27,6% мировой добычи [97, стр. 210].

Росту добычи золота содействовали начавшаяся с 1890 г. добыча руды на более глубоких горизонтах, достигавших 180 м, и применение усовершенствованного способа извлечения золота из руды с помощью растворов цианистых металлов. Быстро росла и получаемая монополистами прибыль.

В 1897 г. стоимость золота, добытого на приисках Витватерсранда тридцатью акционерными компаниями, составила 140 млн. гульденов, полученная ими прибыль достигла 35 млн. гульденов. В 1898 г. общая прибыль владельцев приисков Витватерсранда составила 4890 тыс. ф. ст., почти в три раза превысив размер общей прибыли 1896 г., составлявшей 1490 тыс. ф. ст. В целях еще большей наживы магнаты золотодобывающей и алмазной промышленности время от времени преднамеренно вызывали на бирже «бум»; используя его, они продавали часть своих акций по очень высокой цене, а затем искусственно вызывали на бирже «спад» и за бесценок скупали эти же акции.

В 1899 г. владельцы приисков Витватерсранда получили 5 млн. ф. ст. прибыли. Прибыль, полученная тогда с каждой тонны породы, составила, по данным президента Южно-Африканской Республики Крюгера, 6 шилл., по данным Сесила Родса — 7 шилл. 6 пенсов, по данным монополиста Х. Экштейна — 10 шилл. (53, 1901, стр. 703).

Во главе английских монополистов, грабивших несметные богатства Южной Африки, жестоко угнетавших и эксплуатировавших африканских рабочих, стоял авантюрист, миллионер, империалист, расист Сесил Родс. Вдохновитель агрессивной колониальной политики Англии, колоссального территориального расширения Британской империи, С. Родс призывал к установлению мирового господства англосаксов в результате империалистического сговора Англии с США. Он требовал создания всемирной англо-американской федерации и общего англо-американского парламента и заявлял, что подчиняет борьбе за них всю свою деятельность [137, стр. 132].

Английские империалисты боготворили С. Родса. Друг и соратник С. Родса по колониальному разбою Л. С. Джемсон видел в нем «оильную, преисполненную великих идей лич-

ность», «великого практического гения», «благотелья африканцев, пользовавшегося их любовью и доверием» [186, стр. 274, 333, 404—405]. По мнению Д. Чемберлена, С. Родс был «великим англичанином», боровшимся за создание «великого союзного южноафриканского государства под британским флагом» для блага коренного населения Южной Африки [114, т. 4, стр. 55, 350—351]. Реакционные буржуазные историки тоже наперебой восхваляли С. Родса [142, стр. 18, 19, 25; 117, стр. 30; 137; 166].

Однако прогрессивные и революционные деятели в Англии и в других странах решительно осуждали его реакционные идеи и колонизаторскую деятельность. В. И. Ленин справедливо видел в нем глашатая империализма, проводившего империалистическую политику с наибольшим цинизмом, главного виновника англо-бурской войны [см. 10, стр. 375].

Ближайшим помощником С. Родса был Альфред Бейт, который прибыл в Южную Африку из Германии в 1875 г. В то время он был всего лишь агентом гамбургской фирмы «В. А. Липперт энд К^о», торговавшей шерстью. Сблизившись с С. Родсом и став его компаньоном, А. Бейт сказочно разбогател. К началу англо-бурской войны он уже был миллионером, совладельцем и одним из директоров монополий «Де Бирс Консолидейтед Майнс», «Ю. Вернер, А. Бейт энд К^о» и созданной в 1889 г. «Бритиш Саут Африка Чартеред К^о».

В 1889 г. А. Бейт покинул Африку и, поселившись в Лондоне, стал одним из главных финансистов Сити, ревностно защищавших интересы английских монополистов и джингоистов³. Войдя в доверие к принцу Уэльскому (впоследствии король Эдуард VII) и другим членам королевского дома, он стал руководителем их биржевых спекулятивных сделок [173, т. I, стр. 496]. В 1898 г. А. Бейт перешел в британское подданство. При этом он сохранил тесные деловые связи с промышленными и финансовыми кругами Германии. Этому содействовали близкие родственники А. Бейта, которые были владельцами судостроительных верфей и предприятий по производству паровых котлов в Гамбурге, маннгеймской фабрики анилиновых красок, банкирского дома Лазар — Спейер — Элиссен во Франкфурте-на-Майне. А. Бейт упорно выступал за англо-германское сближение. Отметим, что брат А. Бейта, Отто Бейт, фактически стал его агентом в Южной Африке. Отто Бейт тоже был крупным держателем акций монополий по добыче золота и алмазов.

Многие магнаты английского финансового капитала, владевшие монополиями в горнодобывающей промышленности бурских республик, были совладельцами и директорами ком-

³ Джингоисты — крайне правые английские империалистические круги шовинистов и милитаристов.

паний в других отраслях промышленного производства. Колонизаторская деятельность этих монополистов выходила далеко за пределы бурских республик. Сесил Родс, герцог Дж. Аберкорн, лорд Э. Ф. Гиффорд, лорд А. Грей были учредителями и крупнейшими акционерами «Бритиш Саут Африка Чартеред К^о», которая осуществляла колонизацию огромной территории, расположенной к северу от Бечуаналенда и к западу от португальской Восточной Африки. Одним из руководителей этой компании был магнат-золотопромышленник герцог А. В. Г. Файф — зять принца Уэльского, ставшего в 1901 г. королем Англии. Среди акционеров этой компании насчитывалось 80 лордов, членов палаты общин, государственных чиновников, офицеров [291, 10.III.1900; 53, 1900, т. 78, стр. 795]. Компания имела право учреждать банки, строить железные дороги, приобретать и фрахтовать суда, прокладывать телеграфные линии, приобретать концессии, передавать землю во временное пользование, торговать [200, стр. 549—559]. Железнодорожное строительство в бурских республиках тоже находилось в руках иностранных компаний. Главную роль в строительстве железных дорог в Южно-Африканской Республике играла «Нидерландская железнодорожная компания», созданная в 1884 г. немецкими и голландскими капиталистами и получившая тогда же концессию от бурского правительства. В 1887 г., при окончательном оформлении этой компании, ее капитал составил 166 тыс. ф. ст. Из выпущенных ею тогда же 2 тыс. акций 819 были предоставлены немецким капиталистам, 581 — голландским капиталистам и 600 — правительству Южно-Африканской Республики. Руководящая роль в управлении компании принадлежала голландским капиталистам; им было предоставлено 76 голосов, в то время как немецким капиталистам — 30 голосов, а правительству Южно-Африканской Республики только 6 [53, т. 80, стр. 337—339].

В 1890 г. «Нидерландская железнодорожная компания» завершила строительство железной дороги от Йоганнесбурга до Боксбурга, где находились угольные копи. В 1891 г. дорога была продолжена до Крюгерсдорпа на западе и до Спрингса — на востоке. В том же году железнодорожный путь соединил Преторию с Йоганнесбургом. Спустя два года эта линия была доведена до границы с Оранжевой Республикой. В 1894 г. вступила в эксплуатацию построенная «Нидерландской железнодорожной компанией» железная дорога, соединившая Преторию с границей Мозамбика и с железной дорогой, пересекающей Мозамбик и доходящей до залива Делагоа. Наибольшие капиталовложения в строительство железной дороги Претория — граница Мозамбика были сделаны «Берлинским Банком» [34, стр. 19; 125, стр. 254—271]. К началу англо-бурской войны протяженность железнодорожного пути, находившегося в руках «Нидерландской железнодорожной компании»

достигла 717 миль, а ее капитал — 8667 тыс. ф. ст. Из выпущенных ею к этому времени 14 тыс. акций 5758 принадлежали правительству Южно-Африканской Республики, а 8242 — немецким и голландским капиталистам. Прибыль владельцев акций «Нидерландской железнодорожной компании» в 1898 г. составила 14% от вложенного капитала.

Английские капиталисты тоже участвовали в железнодорожном строительстве в бурских республиках. В 1896 г. была создана «Англо-трансваальская железнодорожная компания». Из выпущенных ею 50 тыс. акций стоимостью по 10 ф. ст. 30 тыс. акций принадлежали правительству Южно-Африканской Республики и 20 тыс. — английским капиталистам. Вскоре компания приступила к строительству железной дороги Претория — Питерсбург, которая вступила в эксплуатацию в 1898—1899 гг.

Еще в 1895 г. англичане довели строительство Натальской железной дороги от Дурбана до границы с Оранжевой Республикой и приступили к продолжению ее по территории этой страны через Ледисмит, Харрисмит к Беллехему. В начале 1897 г. вступила в строй построенная англичанами железная дорога, которая пересекала территорию Оранжевой Республики от ее границы с Капской колонией через Кимберли. Вскоре между правительствами Оранжевой Республики и Капской колонии было достигнуто соглашение о выкупе бурским правительством этой железной дороги за 2450 тыс. ф. ст. К началу англо-бурской войны бурское правительство внесло в счет этой суммы лишь 650 тыс. ф. ст. [53, т. 80, стр. 338—340; 167, стр. 21—32].

Быстрое развитие в бурских республиках горнодобывающей промышленности и железнодорожного строительства имело важные социальные последствия — оно содействовало формированию южноафриканского промышленного пролетариата. Подавляющее большинство рабочих, трудившихся на приисках, на строительстве и обслуживании железных дорог и других предприятий, составляли африканцы. Численность африканских рабочих, занятых на приисках Витватерсранда, быстро возрастала. В 1889 г. она достигла 14 тыс. человек, в 1895 г. — 70 тыс. человек, а в середине 1899 г. — 95 тыс. человек. В 1895 г. на алмазных приисках близ Кимберли, принадлежавших монополии «Де Бирс Консолидейтед Майнс», работали около 8 тыс. африканцев [150, стр. 17; 268, стр. 405]. Численность европейцев, работавших на приисках, была невелика. А. Дюпон отмечает, что в августе 1899 г. на приисках Витватерсранда работали 12 тыс. европейцев — горных инженеров, техников, надсмотрщиков [150, стр. 17].

Владельцы приисков беспощадно эксплуатировали африканских рабочих. Оплата их труда была очень низкой, а условия жизни — ужасными. В конце 80-х годов средняя месячная

заработная плата африканского рабочего на приисках Вит терсранда достигала 80 фр. Созданная крупными капиталами Палата по делам приисков в 1890 г. сократила ее до 58 фр., сделав ее по меньшей мере в десять раз ниже заработной платы европейского надсмотрщика, наблюдавшего работой африканцев [150, стр. 4—5].

Трудившиеся на приисках африканские рабочие питали скверно и жили скученно в зданиях казарменного типа — ко-паундах. Стюарт Камберленд, в середине 90-х годов посетивший ко-паунды, писал: «Ко-паунд — это обширная тюрьма, где живут работающие по найму африканцы, которым нельзя без разрешения выходить за его ограду» [142, стр. 52—53]. Трудность положения африканских рабочих усугублялась тем, что они жили на приисках без своих жен и детей, которые обычно оставались в сельской местности.

Английские предприниматели и спекулянты спаивали рабочих, продавая им спирт, добытый из сырого картофеля, примесью табачного сока и других вредных веществ. В 1897 г. правительство Южно-Африканской Республики формально запретило продажу в стране алкогольных напитков. Однако оно не встало на путь действительной борьбы против потребления их африканцами. Более того. Некоторые члены правительства, наживая огромные барыши, сами участвовали в производстве самогона и в незаконном ввозе вина [41, стр. 10]. Значительную часть своего скудного заработка рабочие тратили на покупку спиртных напитков. В результате потребления этих напитков число несчастных случаев и правонарушений на приисках было велико.

Ухудшению положения африканцев содействовали принятые бурскими властями в 80—90-х годах расистские законы, ограничивавшие право передвижения африканцев по стране и выезда за ее пределы. Эти ограничения были предусмотрены упомянутыми выше англо-бурской Преторийской конвенцией от 1881 г. и Лондонской конвенцией от 1884 г. Настаивая на подчинении африканцев этим ограничениям, правительство Крюгера в 1896 г. приняло закон, предписывавший подвергать африканцев, передвигающихся по стране без пропуска, штрафу в размере 10 ф. ст., трехмесячному тюремному заключению, избиванию палками, использовать «провинившихся» на тяжелых работах. Принятый в июне 1899 г. закон определил число ударов, размер штрафа и продолжительность тюремного заключения африканцев в зависимости от степени нарушения ими ограничений права передвижения.

Быстрое развитие горнодобывающей промышленности, железнодорожного строительства, рост численности городского населения оказали также влияние на развитие сельского хозяйства бурских республик — стимулировали увеличение сельскохозяйственного производства бурскими фермерами.

Последние стали повышать товарность своих хозяйств, увеличивать производство зерна, продуктивность животноводства, поставлять в большом количестве продовольствие и другую сельскохозяйственную продукцию в Йоганнесбург, Кимберли и другие города и промышленные центры. Развитие капитализма в сельском хозяйстве бурских республик содействовало углублению имущественной дифференциации бурских землевладельцев. В конце 90-х годов часть их находилась на грани разорения. В 1898 г. в Южно-Африканской Республике насчитывалось около пяти тысяч заложенных бурских ферм, а ипотечная задолженность буров превысила 2 млн. ф. ст. [125, стр. 220].

Повышение товарности сельскохозяйственного производства осуществлялось бурами путем его интенсификации и усиления эксплуатации батраков-африканцев.

Таковы были важные экономические и социальные последствия «мирного» проникновения иностранного, в основном английского, капитала в экономику бурских республик. В 90-х годах оно зашло так далеко, что эти страны в значительной мере утратили экономическую независимость. В этих условиях Англия усилила борьбу за их захват.

БОРЬБА АНГЛИЙСКИХ ОЙТЛАНДЕРОВ ЗА ЗАХВАТ ВЛАСТИ

В середине 1899 г. численность ойтландеров, проживавших в Южно-Африканской Республике, достигла 200 тыс. человек. Около 159 тыс. ойтландеров являлись англичанами, около 15 тыс. — немцами, остальные — голландцами, французами и др. [53, т. 74, стр. 692].

Социальный состав ойтландеров был неоднородным. Ойтландеры были промышленниками и торговцами — совладельцами и представителями крупных промышленных и торговых предприятий, находившихся в Англии, Германии, во Франции, собственниками существовавших в бурских республиках средних и мелких мастерских, магазинов, лавок, инженерами, юристами, врачами, рабочими. Почти все они в той или иной мере были связаны с горнодобывающей промышленностью Южной Африки. Ойтландерами руководила немногочисленная группа миллионеров-монополистов, владевших золотыми и алмазными приисками.

В начале 90-х годов английские ойтландеры стали все более упорно предъявлять правительству Южно-Африканской Республики ряд экономических требований. Золотопромышленники настаивали на изменении налоговой политики — на отмене налога на добычу золота, который составлял 5% с прибыли, получаемой монополистами от эксплуатации приисков [53, т. 93, стр. 1136—1137], на упразднении налога на сдел-

ки по купле и продаже недвижимой собственности или сдаче ее в аренду на срок. Этот налог в размере 4% от стоимости оцуждаемой собственности взимался и с золотопромышленников при вступлении их во владение приисковыми участками земли и при определении границ этих участков [41, стр. 5]. Ойтландеры требовали ликвидации существовавших в Южно-Африканской Республике правил оплаты иностранцами лицензий для получения права заниматься рядом профессий. Так, например, за лицензию на разрешение заниматься профессией присяжного поверенного надо было ежегодно уплачивать 25 ф. ст., профессией врача — 5 ф. ст., мясника — 2 ф. ст. и т. д.; банк должен был платить за лицензию 150 ф. ст. в год за каждое отделение, кредитная кассета — 40 ф. ст. и т. д.

Английские ойтландеры протестовали также против взимания властями Южно-Африканской Республики высоких таможенных пошлин. По действовавшим в то время в Южно-Африканской Республике правилам с импортируемых товаров взималась сумма, равная 7,5% их стоимости. Последняя определялась путем увеличения на 20% стоимости данного товара в той стране, в которой он был произведен. Очень высокие пошлины взимались, в частности, с сельскохозяйственных товаров, за исключением произведенных в Оранжевой Республике и в португальской колонии Мозамбик. Высокие пошлины содействовали быстрому росту цен в Южно-Африканской Республике на продовольствие, на товары широкого потребления и на многие другие, спрос на которые быстро возрастал в связи с притоком в страну ойтландеров. Высокие пошлины на сельскохозяйственные товары обогащали бурских фермеров и увеличивали поступления в казну. В 90-х годах XIX в. в связи с бурным развитием горнодобывающей промышленности, железнодорожным строительством и ростом численности ойтландеров увеличился ввоз в Южно-Африканскую Республику технического оборудования и товаров широкого потребления. Вследствие этого поступления в казну таможенных сборов значительно возросли. В 1894 г. они составляли 812 тыс. ф. ст., в 1895 г. — 1085 тыс. ф. ст., в 1896 г. — 1355 тыс. ф. ст. [41, стр. 4]. Ойтландеры настаивали на отмене пошлин на сельскохозяйственные товары и на резком снижении пошлин, взимаемых с товаров промышленного производства. Уступая их давлению, правительство несколько снизило ввозные пошлины. В связи с этим общая сумма таможенных сборов этой республики сократилась до 1289 тыс. ф. ст. в 1897 г. и до 1067 тыс. ф. ст. в 1898 г. [41, стр. 4].

Английские монополисты были недовольны также тем, что правительство Южно-Африканской Республики поощряло перевоз грузов по железной дороге, соединявшей Преторию с Мозамбиком и принадлежавшей «Нидерландской железной

южной компании», совладельцем которой оно являлось. Стремясь усилить экономическую зависимость Южно-Африканской Республики от Англии, они хотели направить основной поток ввозимых и вывозимых в эту республику товаров через Капскую колонию и Наталь. Вследствие этого они требовали от бурского правительства отмены высоких таможенных тарифов, взимавшихся с грузов, которые следовали по железнодорожным путям, соединявшим Южно-Африканскую Республику с Наталем и с Капской колонией.

Английские монополисты протестовали против взимания платы за перевоз грузов на золотые прииски Витватерсранда, в частности за доставку угля из Боксбурга, где находились угольные копи. Она составляла 3 пенса за провоз одной тонны угля на расстояние одной мили [186, стр. 118—119]. Владельцы золотых приисков выступали против предоставления правительством Южно-Африканской Республики монопольных прав другим иностранным промышленным компаниям для производства некоторых товаров, необходимых для развития добычи золота. Они добивались, в частности, изъятия монопольного права на производство динамита у созданной шведским миллионером А. Нобелем «Южно-Африканской компании взрывчатых веществ», владевшей этим правом с 1896 г. Эта компания производила ежегодно до 350 тыс. т динамита низкого качества и продавала его золотодобывающим компаниям по высокой цене [53, т. 75, стр. 634—635]. Нуждаясь в высококачественном и недорогом динамите, владельцы приисков предлагали правительству Крюгера деньги для выкупа монопольного права на его производство у «Южно-Африканской компании взрывчатых веществ» и обещали уплачивать пошлину в размере 1 ф. ст. с ящика ввозимого динамита [53, т. 75, стр. 634—635]. Английские капиталисты в Южно-Африканской Республике возражали против предоставления им правительством в 1898 г. монопольного права на производство карбида кальция германской фирме «Г. Г. Тренмер-лид К°» [53, т. 75, стр. 495].

Однако важнейшее экономическое требование английских монополистов-золотопромышленников заключалось в обеспечении приисков дешевой рабочей силой путем принятия принудительных мер по отношению к африканскому населению [291, 15.IX.1900]. Это требование было откровенно изложено английским миллионером-золотопромышленником К. Д. Раддом, который на ежегодном собрании акционеров «Консолидейтед Голд Филдс оф Саут Африка» заявил: «Необходимо найти эффективный способ убедить или с помощью налогового обложения и других мер принудить туземцев внести свой лепту на благо общества, т. е. необходимо заставить их работать. Если во имя цивилизации мы недавно в Египте скосили „максимами“ от десяти до двадцати тысяч мусульман, то,

конечно, нетрудно будет принудить туземцев Южной Африки честно трудиться по найму хотя бы в течение трех месяцев в году» [53, т. 78, стр. 761].

На том же собрании акционеров золотопромышленник Хэ Хэммонд, настаивая на резком усилении эксплуатации африканских рабочих, призывал бурское правительство «обеспечить избыток рабочих рук, чтобы дать возможность предпринимателям сократить заработную плату. «Нелепо платить африканцам нынешнюю заработную плату, — заявил он. — Африканец будет вынужден работать больше, если вы наполовину сократите его заработную плату» [53, т. 78, стр. 761]. По мнению Хэйса Хэммонда, такое сокращение оплаты труда рабочих повысило бы прибыль «Консолидейтед Голд Филдс» на 45% [53, т. 78, стр. 761].

Осуществление экономических требований ойтландеров должно было содействовать бурному развитию горной промышленности и торговли, усилению экономической мощи, росту прибылей английских монополий в бурских республиках, дальнейшему закабалению этих стран английским капиталом и в итоге — поглощению их Англией.

Кроме экономических английские ойтландеры выдвигали важные политические требования. Ойтландеры настаивали на том, чтобы правительство Южно-Африканской Республики установило равноправие английского языка с языком африкаанс, предоставило не исповедовавшим кальвинизм лица право занимать высшие государственные посты и принимать участие в определении политики правительства по отношению к африканцам. Но главным политическим требованием ойтландеров было предоставление им избирательного права.

Среди ойтландеров не было единства взглядов на вопрос о характере избирательного права: монополисты были за ограничение его имущественным и образовательным цензом, но перспектива установления в Южно-Африканской Республике политического господства английских монополистов страшила многих рядовых ойтландеров — мелких капиталистов, торговцев, ремесленников, рабочих. Ойтландеры из рядов мелкой буржуазии опасались того, что политическое господство монополистов принесет им разорение, и выступали за предоставление избирательного права всем ойтландерам, надеясь, что обладание этим правом поможет им отстаивать свои интересы в борьбе против монополистов.

Английские империалисты распространяли лживую версию о том, что, борясь за избирательное право, ойтландеры преследовали демократические цели. В действительности же монополисты боролись за это право с целью захвата в бурских республиках политической власти. Захват власти сулил английским капиталистам огромные выгоды и прежде всего возможность провести социально-экономические и политические

мероприятия, обеспечивающие увеличение прибылей и резкое увеличение золотого запаса Англии в результате интенсивного развития горнодобывающей промышленности, железнодорожного строительства, овладения всеми естественными ресурсами этих республик, насильственной массовой экспроприации и жестокой эксплуатации коренного населения. В. И. Ленин справедливо отмечал, что «наибольшие „удобства“ и наибольшие выгоды дает финансовому капиталу такое подчинение, которое связано с потерей политической независимости подчиняемыми странами и народами» [10, стр. 379].

Буры прекрасно понимали, что в условиях быстрого роста численности ойтландеров предоставление им равного с бурами избирательного права привело бы к установлению политического господства английских монополистов в бурских республиках и к поглощению последних Англией. Поэтому правительство Южно-Африканской Республики еще в 80-х годах XIX в. стало принимать меры, затруднявшие получение ойтландерами избирательного права. В 1874 г. предоставление ойтландерам избирательного права было ограничено лишь годичным сроком их проживания в Южно-Африканской Республике и уплатой единовременного взноса в размере 15 ф. ст. Однако в 1882 г. ценз пребывания ойтландеров в этой стране был повышен до пяти лет, а размер единовременного денежного взноса — до 25 ф. ст. Пять лет спустя ценз проживания ойтландеров в республике был повышен до пятнадцати лет.

В 1890 г. правительство республики пошло на некоторые уступки ойтландерам — оно приняло решение создать вторую палату фольксраада в качестве совещательного органа по вопросам развития горнодобывающей промышленности. Право выбирать членов этой палаты было предоставлено бурам — собственникам земли, достигшим двадцатилетнего возраста, и ойтландерам, прожившим в стране не менее двух лет и уплатившим единовременный денежный взнос в 5 ф. ст.; в 1893 г. размер этого взноса был повышен до 25 ф. ст. Еще одной уступкой ойтландерам явилось принятое бурским правительством решение допустить их к участию в выборах в законодательный орган — первую палату фольксраада. Однако они не получили равных с бурами избирательных прав: к выборам были допущены ойтландеры, достигшие тридцатилетнего возраста, прожившие в стране не менее четырнадцати лет, являвшиеся собственниками земли. В 1894 г. правительство постановило, что для получения избирательных прав достигшими совершеннолетия детьми ойтландеров необходимо, чтобы их отцы присягнули на верность правительству Южно-Африканской Республики и отказались от своего прежнего подданства [186; стр. 101—102; 175, стр. 120—121].

Борьбу ойтландеров за избирательные права поддерживали не только сторонники «мирного», но и сторонники воору-

женного захвата бурских республик. Первые видели в представлении ойтландерам избирательных прав одно из главных условий осуществления своих агрессивных замыслов. Сторонники войны считали, что борьба между ойтландерами и бурами по вопросу о предоставлении ойтландерам избирательных прав даст английскому правительству веский повод развязать войну. Английское правительство, возглавляемое Р. Солсберием, не только поддерживало требование ойтландеров о предоставлении им избирательных прав, но даже пыталось изобразить его законным. Ссылаясь на Лондонскую конвенцию от 1884 г. английские правящие круги утверждали, что, подписав ее, Южно-Африканская Республика признала себя вассалом Англии. Несмотря на отсутствие в тексте конвенции терминов «сюзеренитет» и «вассальная зависимость», министр колоний Джозеф Чемберлен утверждал, что Англия является сюзереном Южно-Африканской Республики [164, т. 3, стр. 354]. Помощник министра колоний граф Селборн тоже полагал, что Южно-Африканская Республика является вассалом Англии. Добиваясь установления полного контроля со стороны Англии над внутренней политикой этой страны, Селборн бездоказательно утверждал, будто, подписывая Лондонскую конвенцию, Англия согласилась на признание автономии этой республики в вопросах внутренней политики лишь при условии полного уравнивания ойтландеров в правах с бурами [53, т. 75, стр. 643].

В действительности же Лондонская конвенция 1884 г. поставила в зависимость от Англии только внешнюю политику Южно-Африканской Республики. Статья IV этой конвенции гласила: «Южно-Африканская Республика не заключит какого-либо договора или соглашения с каким-либо государством или нацией, помимо Оранжевого Свободного Государства, если оно не будет одобрено ее величеством королевой. Такое одобрение будет считаться предоставленным, если правительство ее величества в течение шести месяцев после получения копии такого договора не заявит, что его заключение противоречит интересам Великобритании или каким-либо владениям ее величества в Южной Африке» [162, стр. 301]. Эта статья не предусматривала предварительного разрешения со стороны английского правительства на заключение Южно-Африканской Республикой договоров и соглашений с другими странами.

Установление контроля Англии над внешней политикой Южно-Африканской Республики было тяжелым ударом по ее суверенитету. Но Лондонская конвенция не предусматривала установления полной политической зависимости от Англии Южно-Африканской Республики, ибо конвенция не налагала никаких ограничений на ее внутреннюю политику. Быстрое проникновение в экономику Южно-Африканской Республики иностранного, в основном английского, капитала угрожало

подчинить эту страну диктату Англии и в вопросах внутренней политики. Но все же в конце 90-х годов XIX в. Южно-Африканская Республика во внутренней политике официально сохраняла права независимого государства. Посягательства английских монополистов на политическую власть в этой стране не имели законного обоснования.

А ссылаясь на отсутствие термина «сюзеренитет» в тексте Лондонской конвенции от 1884 г., бурское правительство категорически отвергало притязания английского правительства на то, чтобы Южно-Африканская Республика считала Англию своим сюзереном. Более того, бурское правительство хотело добиться пересмотра конвенции и отмены ее статьи IV, чтобы освободиться от налагаемых ею ограничений во внешней политике [164, т. 3, стр. 354].

В конце 1895 г. по инициативе английских монополистов и правительства английский вооруженный отряд во главе с Джемсоном предпринял авантюристическую попытку захватить власть в Южно-Африканской Республике. Провал «набега» Джемсона был воспринят правящими кругами Англии как доказательство того, что для захвата Южно-Африканской Республики необходима война, к которой нужно тщательно готовиться. Владельцы монополий металлургической, военной и горнодобывающей промышленности, связанные с ними мощные банки, и крупные землевладельцы, члены правительства Р. Солсбери и колониальных администраций в Южной Африке стали открыто призывать к войне. Выступая на заседании членов правления «Бритиш Саут Африка Чартеред К^о», состоявшемся в июле 1899 г., один из ее директоров — лорд Грэй — провокационно заявил, что «президента Трансвааля — Крюгера никогда ни в чем нельзя убедить... ибо он уступал только под воздействием силы» [53, т. 74, стр. 39]. Поощряя сторонников войны, один из лидеров консервативной партии, первый лорд казначейства А. Бальфур, отверг требование ирландского националиста, противника захвата бурских республик Англией, члена парламента Свифта Мак Нейла о передаче суду лорда Грэя и других лиц, «наносящих ущерб англо-трансваальской дружбе» [53, т. 74, стр. 39].

Подобно С. Родсу, А. Бейту, герцогу Файфу, лорду А. Ч. де Роушильду и ряду других магнатов финансового капитала, премьер-министр Англии Р. Солсбери, министр колоний Д. Чемберлен и другие члены правительства были инициаторами войны за захват бурских республик. Но, движимые желанием скрыть ее грабительские цели, они пытались представить себя поборниками мира. Так, например, Д. Чемберлен утверждал, что политика Англии по отношению к бурским республикам в 1896—1899 гг. была направлена на сохранение мира. «С первого дня моего пребывания на посту министра колоний я надеялся на мир, боролся за мир... и вплоть до на-

стоящего момента я верил в мир» [164, т. 3, стр. 485—486] — заявил он в самом начале войны. «До вторжения буров на территорию британской колонии мы были готовы на принятие самых умеренных условий... дающих нам надежду на улучшение положения британских подданных, интересы которых мы защищаем, надеясь избежать войны... Мы проявили бесконечное терпение, но... президент Крюгер сделал выбор. Он воззвал к богу войны» [53, т. 89, стр. 424; 222, стр. 363], — утверждал Д. Чемберлен позднее. Эти заявления одного из главных виновников англо-бурской войны должны были сыграть важную роль в решении определенных политических задач, стоявших перед английским правительством: они должны были оправдать в глазах английского народа и народов других стран политику правительства Р. Солсбери в Южной Африке, скрыть ее агрессивные цели, ослабить деятельность буржуазной оппозиции в Англии и недовольство английских народных масс, разжечь среди них антибурские настроения, снять ответственность с английского правительства, в том числе лично с Д. Чемберлена, за возникновение англо-бурской войны.

Вымысел о невинности правительства Р. Солсбери в возникновении англо-бурской войны распространяли не только его министры, но и стоявшие за ними владельцы монополией тяжелой и военной промышленности, связанные с ними банкиры, крупные землевладельцы. Его распространяла также и буржуазная пресса. В дальнейшем его единодушно повторяли реакционные буржуазные авторы, утверждавшие, что в возникновении войны повинен Крюгер, ибо он отверг требование ойтландеров о предоставлении им избирательного права [222; 175; 233; 236; 117; 170]. Так, например, дочь Р. Солсбери — леди Гвендолен Сесил, автор книги «Жизнь маркиза Роберта Солсбери», голословно утверждала, что он всегда был сторонником миролюбивой внешней политики Англии, противником расового и национального угнетения [133, т. 1, стр. 131, 301, т. 2, стр. 67, 277, 297]. Защитник этой лживой версии Дж. А. С. Гренвилл заявил даже, что «дипломатия Р. Солсбери была основана на этических принципах и главной ее целью было предотвратить войну» [170, стр. 6].

Особое внимание уделили современники и реакционная буржуазная историография изучению деятельности кумира джингоистов Д. Чемберлена. Еще при жизни Д. Чемберлена вокруг оценки его личности и деятельности завязалась упорная борьба. Джингоисты восхваляли его деловые качества, видя в нем беззаветного защитника их интересов, ревностного «строителя империи». Так, например, А. Милнер считал Д. Чемберлена «политическим деятелем... обладавшим выдающимися идеями, которые сделали его великим, а его политику — жизненной» [114, т. 4, стр. 342]. Остин Чемберлен видел в своем отце мужественного борца за достижение благородных целей

Характеризуя Д. Чемберлена, он писал: «Каковы бы ни были трудности и неудачи на избранном им пути, взяв в руки руль, он никогда не поворачивал вспять; он всегда устремлялся вперед, уважая прошлое и сохраняя великие традиции, но всегда желая более великого и благородного будущего» [236, стр. 17—18]. Либералы-империалисты во главе с Г. Асквитом тоже высоко оценивали деятельность Д. Чемберлена.

Реакционные буржуазные историки в свою очередь идеализировали и превозносили Д. Чемберлена. Н. Марелл Маррис приписывал ему здравый смысл, пронизательность и честность [222, стр. 4]. Х. К. Педдер утверждал, что Д. Чемберлен неизменно защищал принципы «демократического, прогрессивного империализма» [233, стр. 2—29]. Дж. Л. Гарвин, автор многотомного труда о жизни и деятельности Д. Чемберлена, видел в нем «великого демократического империалиста» [164, т. 3, стр. 3]. Ч. Петри восхвалял Д. Чемберлена как «выдающегося патриота... помогавшего страдающим и ненавидевшего несправедливость» [236, стр. 20]. По мнению Дж. Эмери, Д. Чемберлен был «великим патриотом, гений которого был... чисто английским» [115, т. 4, стр. 131—132]. Эти авторы отрицали агрессивный характер проводившейся Д. Чемберленом колониальной политики и утверждали, будто бы он был верным сторонником сохранения мира в Южной Африке и не был виновен в возникновении англо-бурской войны. Эту же точку зрения разделял Дж. А. С. Гренвилл [170, стр. 179]. Указанные оценки политической деятельности и личных качеств Д. Чемберлена противоречат истине.

Прогрессивные современники Д. Чемберлена и Р. Солсбери решительно осуждали агрессивную политику английского правительства в Южной Африке. Социал-демократическая газета «Джастис» справедливо считала, что Р. Солсбери и Д. Чемберлен принадлежали к числу главных виновников англо-бурской войны. «Джастис» оценивала Д. Чемберлена как типичного буржуазного политического деятеля, «беспринципного, вероломного, аморального, узкого человека, стремившегося лишь к тому, чтобы любой ценой добиться господства Англии над другими народами» [291, 14.X.1899]. Правильность такой оценки подтверждается анализом политики английского правительства в отношении бурских республик в конце 90-х годов XIX в. и в начале XX в. Изучение этой политики неопровержимо доказывает, что она была агрессивной и что руководившие ею лидеры консервативной партии Р. Солсбери и Д. Чемберлен были яркими империалистами и расистами, политическими вождями английской финансовой олигархии.

Р. Солсбери был солидарен с Д. Чемберленом в проведении политики подготовки Англии к войне за захват бурских республик. Выражая свое полное согласие с действиями Д. Чемберлена в этом вопросе, Р. Солсбери писал министру

колоний: «Вы занимаетесь подготовкой к войне вплотную, и без колебаний соглашаюсь с точкой зрения, которую Вы внашиваете...» [170, стр. 181]. Премьер-министр преднамеренно вверил в руки Д. Чемберлена осуществление курса на развязывание войны за захват бургских республик. Д. Чемберлен оправдал его доверие. Не брезгуя никакими средствами для достижения целей, он ревностно служил интересам той части английских монополистов, которая хотела войны. Он сам принадлежал к этому кругу.

Джозеф Чемберлен, его жена, взрослые дети, его братья Артур и другие родственники были крупными капиталистами, владевшими контрольными пакетами акций мощных предприятий английской металлургической и военной промышленности. К началу XX в. за спиной Д. Чемберлена уже были многие годы энергичной предпринимательской и политической деятельности. Его карьера началась в 50-х годах XIX в., когда он стал одним из руководителей финансового отдела бирмингемского машиностроительного завода «Неттлфорд энд Чемберлен», которым владели его отец и дядя. В 1869 г. Д. Чемберлен стал совладельцем этого завода. В 70—80 годах «Неттлфорд энд Чемберлен» стал мощным предприятием, производившим винты, шурупы, болты и гайки для машиностроения и военной промышленности, владевшим прокатными станами и угольными копями [164, т. 1, стр. 170—172]. В конце 90-х годов XIX в. это предприятие вошло в огромный концерн «Гескин энд Неттлфорд Лимитед», объединявший машиностроительные, сталелитейные и оружейные заводы, угольные шахты и рудники Стаффордшира, Южного Уэльса и Бирмингема [119, стр. 184]. В это время Чемберлены владели также акциями оружейных заводов Герберту, Уолтеру и Артуру Чемберленам принадлежал завод малокалиберных ружей «Бирмингем Смол Армс К°»; Артур Чемберлен был также крупнейшим акционером и директором завода «Кинох энд К°», производившего снаряды и взрывчатые вещества, связанного с трестом Нобеля [173, т. 1, стр. 495—496]; совладельцами завода «Кинох энд К°» были Невил, Элен, Катрин и Берта Чемберлены.

Предпринимательская деятельность Джозефа Чемберлена как бы воплотила в себе характерную черту английского колониального империализма: она была тесно связана с эксплуатацией английских колоний и зависимых стран. Еще в 80-х годах XIX в. он стал крупным держателем южноамериканских, в основном аргентинских, ценных бумаг. Помимо того, он приобрел на о. Инагуа (Багамские острова) плантации сизала общей площадью в 20 тыс. акров, вверив управление им своему сыну Невиллю [164, т. 2, стр. 498—500, 624]. Родственные связи Д. Чемберлена тоже выходили далеко за пределы Англии. В 80-х годах он сблизился с влиятельными кругами в США в результате вступления его в третий брак с Мэри Э

дикотт — дочерью военного министра в правительстве президента Кливленда [236, стр. 93].

Подобно другим магнатам британской золотодобывающей, металлургической и военной промышленности, Д. Чемберлен и его многочисленная родня требовали войны за захват бурских республик. Содействуя возникновению войны, Чемберлены наживались на поставках вооружения не только для английской армии, но также для бурских войск. Принадлежавшие Чемберленам военные заводы, наряду с заводами Круппа и Шнейдера (в Крезе), выполняли заказы английского и бурского правительств. Завод «Кинох энд К°» поставил перед войной правительству Южно-Африканской Республики большое количество гранат, шрапнели и картечи для артиллерийских орудий калибра 155 мм, 75 мм и для орудий мелкого калибра [36, стр. 43—44; 296, 2.XII.1899]. В поставках оружия участвовал также завод «Бирмингем Смол Армс К°». Ярый империалист и расист, вдохновитель и руководитель агрессивной колониальной политики, Джозеф Чемберлен видел в ней важнейшее средство резкого усиления экономической мощи и политического влияния Англии, необходимых ей для победы в борьбе с другими империалистическими державами за мировое экономическое первенство и политическую гегемонию. Разжигая шовинистические и милитаристские настроения, он вслед за Дж. Сили утверждал, будто дальнейшее интенсивное расширение Британской империи является великой миссией английской нации, завещанной ей прошлыми поколениями [249]. Он заверял своих соотечественников в том, что Англия располагает всеми средствами для выполнения этой миссии. Он лицемерно заявлял, что английская нация способна «завоевать доверие и уважение народов, которыми она призвана управлять для блага управляемых» [222, стр. 3—18; 264, стр. 104]. Осуществляя политику, ведущую к войне, и разжигая в Англии военную истерию, Д. Чемберлен утверждал, будто бы положение английских ойтландеров было унижительным, и заявлял, что оно якобы подрывает престиж Англии в глазах коренного населения всех ее колоний, содействует росту освободительного движения и даже ставит Англию «на грань национальной катастрофы» [53, т. 75, стр. 703].

Верным помощником Р. Солсбери и Д. Чемберлена в проведении империалистической, агрессивной и расистской политики в Южной Африке перед англо-бурской войной и во время нее был усердный слуга английской финансовой олигархии, колонизатор и джингоист Альфред Милнер, с мая 1897 г. по март 1901 г. занимавший пост верховного комиссара Капской колонии.

Д. Чемберлен очень высоко оценивал колонизаторскую деятельность А. Милнера и утверждал, будто она была гуманной и выгодной для всего населения Капской колонии [115,

т. 4, стр. 341]. Но передовые английские рабочие видели А. Милнера ставленника империалистов, жестокого колонизатора и расиста, «хорошо выполняющего грязную работу для своих хозяев» [291, 23.IX.1899]. Сам А. Милнер верно характеризовал себя как «убежденного империалиста» [263, стр. 4].

В конце 90-х годов в осуществлении колонизаторской политики в Южной Африке А. Милнеру энергично помогал «Национальный союз» ойтландеров и «Южно-Африканская лига реформы». Ее руководителями были: брат Сесила Росса, Фрэнк Родс, — совладелец монополии «Ю. Верне А. Бейт и К°», он же председатель Палаты по делам приисков и также золотопромышленники-миллионеры Лайонел Филлипс и Дж. Фэррар.

В возникновении англо-бурской войны помимо английских монополистов и правительства были виновны королева Виктория и члены ее семьи — в первую очередь герцог Файф. Реакционные политические деятели и реакционная пресса того времени изображали престарелую королеву как поборницу мира и противницу англо-бурской войны [291, 7.X.1899]. В действительности же она одобряла политику подготовки к войне за захват бурских республик, энергично проводившуюся правительством Р. Солсбери. Когда же Южная Африка была охвачена огнем войны, королева Виктория в тронной речи от 30 января 1900 г. призвала английские войска «вести войну до победного конца для сохранения Британской империи и укрепления господства Англии в Южной Африке» [53, т. 78, стр. 1—2]. Протестуя против идеализации королевы Викторией английскими реакционерами, газета «Джастис» правильно утверждала, что Виктория, подобно членам правительства Р. Солсбери, была виновна в возникновении англо-бурской войны [291, 11.XI.1899].

Весьма активное участие в подготовке Англии к войне за захват бурских республик принимал лорд А. Ч. де Ротшильд — некоронованный король лондонского Сити.

А. Ч. де Ротшильд не был членом правительства. Однако он был в дружеских отношениях и в тесном деловом контакте со многими монополистами и видными политическими деятелями, в том числе с Д. Чемберленом, С. Родсом, А. Бальфуrom. «Никто из частных финансистов никогда не имел таких доверительных отношений с ведущими членами английских правительств, какие... имел Альфред Ч. де Ротшильд», — отмечал Дж. Л. Гарвин [164, т. 3, стр. 256]. Стоя за спиной правительства Р. Солсбери, А. Ч. де Ротшильд участвовал в обсуждении важнейших политических вопросов, организовал неофициальные встречи влиятельных политических деятелей, магнатов финансового капитала, иностранных дипломатов.

В 1889 г. в доме А. Ч. де Ротшильда, во время перегово-

ров о создании «Бритиш Саут Африка Чартеред К^о», состоялось знакомство Д. Чемберлена с С. Родсом. В 1897—1899 гг. А. Ч. де Ротшильд неоднократно имел неофициальные встречи с Д. Чемберленом, во время которых они обсуждали важные политические вопросы, в частности положение в бурских республиках [164, т. 3, стр. 380]. Являясь сторонником сговора Англии с Германией относительно бурских республик, А. Ч. де Ротшильд организовал несколько неофициальных встреч Д. Чемберлена с первым секретарем германского посольства в Лондоне бароном Г. Эккардштейном [164, т. 3, стр. 256]. В разгар англо-бурского конфликта, 20 сентября 1899 г., накануне важного совещания английского кабинета министров, при закрытых дверях, в течение нескольких часов с А. Ч. де Ротшильдом вел переговоры А. Бальфур — первый лорд казначейства, лидер консерваторов в палате общин [291, I.X.1899].

Рассмотрим ход подготовки Англии к войне. Правящие круги этой страны стали готовиться к войне вскоре после провала в 1881 г. попытки английских колонизаторов осуществить вооруженный захват Южно-Африканской Республики и аннексировать ее. Подготовка к войне выразилась в борьбе за окружение бурских республик английскими владениями, в дипломатических переговорах с великими державами, в организации шовинистической и милитаристской пропаганды в Англии, в отправке Англией войск в Южную Африку, в преднамеренном обострении взаимоотношений между Англией и Южно-Африканской Республикой.

В 80—90-х годах Англия захватила огромные, сопредельные с бурскими республиками территории — почти весь Зулуленд, Бечуаналенд, междуречье Замбези — Лимпопо, на которые претендовали также Германия, Португалия и бурские республики. В результате захвата этих территорий Англией бурские республики оказались зажатыми между английскими колониальными владениями. Английская дипломатия провела энергичную подготовку к войне, фактически исключив возможность вступления в нее держав в защиту буров. Правящие круги Англии уделили очень большое внимание подготовке английского общественного мнения к войне. Выражая недовольство тем, что многие англичане не поддерживали требований ойтландеров, Д. Чемберлен призывал правительство и монополистов усилить пропаганду милитаристских и шовинистических идей [164, т. 3, стр. 367]. Мутный поток этих империалистических, антигуманных идей вскоре захлестнул Англию, заражая сознание широких слоев населения. Особенно усердствовала продажная желтая пресса во главе с газетой «Дейли Мэйл». Следует отметить, что, разжигая воинственные настроения, правящие круги и лидеры ойтландеров пытались изобразить себя защитниками африканцев.

Движимые желанием скрыть захватнические и расистские цели своей политики в Южной Африке, они лицемерно утверждали, будто бы Англия не может больше допускать беспощадного угнетения африканцев бурами [53, т. 7, стр. 633—634].

Сообщая об идеологической подготовке правящих кругов Англии к войне, германский посол в Лондоне граф П. Гатфельд писал: «Д. Чемберлен... уже давно направляет усилия на то, чтобы подогреть здешнее общественное мнение и побудить его к энергичным действиям против Трансвааля... Теперь едва ли найдется англичанин, который возражал бы против насильственного установления господства Англии в Трансваале» [49, т. 14, стр. 385]. Однако Д. Чемберлен не был склонен переоценивать результаты обработки английского общественного мнения в милитаристском и шовинистическом духе. Именно поэтому он рекомендовал английскому правительству учесть, что в Англии есть немало противников войны, и терпеливо выжидать момента, когда Южно-Африканская Республика сама предоставит достаточно серьезный повод для объявления войны. Он считал, что в таком случае английское правительство получило бы возможность возложить ответственность за развязывание войны на буров и тем самым ослабить влияние ее противников [164, т. 3, стр. 458].

В конце 90-х годов XIX в. правительство Р. Солсбери преднамеренно провоцировало обострение англо-бурских отношений. Используя заключение Южно-Африканской Республики соглашений в 1893 г. с Португалией и в 1895 г. — с Голландией о выдаче преступников, а также состоявшиеся в 1896 г. переговоры между швейцарским и бурским правительствами о присоединении Южно-Африканской Республики к Женевской конвенции⁴, английское правительство обвинило правительство Крюгера в нарушении Лондонской конвенции от 1884 г. [26, оп. 929, д. 2, л. 120; 53, т. 75, стр. 664]. В действительности же эти дипломатические акции бурского правительства не были нарушением конвенции 1884 г., ибо она не предусматривала предварительной санкции Англии на заключение Южно-Африканской Республикой международных договоров и соглашений. Стремясь обострить отношения с бурскими республиками, английское правительство в конце 90-х годов неизменно отвергало все предложения правительства Крюгера о передаче требований ойтландеров на рассмотрение третейского суда.

Предоставление ойтландерам избирательного права не являлось конечной целью английских сторонников войны, и принятие бурами этого требования отнюдь не гарантировало бы ее предотвращения. Более того. Настаивая на предостав-

⁴ Женевская конвенция от 1864 г. предусматривала улучшение участи раненых и больных в действующих армиях.

лении бурским правительством избирательного права ойтландерам, английские правящие круги вовсе не были заинтересованы в том, чтобы оно удовлетворило это требование. Они скорее были заинтересованы в отказе бурского правительства удовлетворить его. Такой отказ мог быть использован ими как достаточно веский повод для развязывания войны. Намыслы английского правительства были раскрыты Д. Чемберленом. В сентябре 1899 г. он уведомил А. Милнера о том, что в случае, если бурское правительство уступит давлению со стороны Англии и предоставит ойтландерам избирательные права, война все равно будет развязана, так как английское правительство немедленно потребует полного разоружения Южно-Африканской Республики, официального признания ею вассальной зависимости от Англии и включения ее территории в состав Южно-Африканской федерации. «Мы должны сыграть по правилам,— писал Д. Чемберлен,— и прежде чем мы выдвинем дальнейшие требования, мы должны испробовать все возможные предложения о предоставлении ойтландерам избирательных прав и получить от буров полный отказ принять их. Тогда мы предъявим наши дальнейшие требования и начнется война. Но прежде чем мы пойдем на это, мы должны иметь в Южной Африке достаточные вооруженные силы для обороны до тех пор, пока туда будут доставлены наши основные воинские контингенты...» [164, т. 3, стр. 459].

Правительство Крюгера не только противодействовало притязаниям Англии, но, в свою очередь, предъявляло ей требования. Оно потребовало от Англии компенсации убытков, понесенных Южно-Африканской Республикой в связи с вторжением на ее территорию английского вооруженного отряда во главе с Джемсоном, отмены королевской хартии, выданной в 1889 г. «Бритиш Саут Африка Чартеред К^о», пересмотра Лондонской конвенции от 1884 г. Однако, учитывая мощь Англии, правительство Крюгера неоднократно предлагало разрешить англо-бурские разногласия с помощью третейского суда. К тому же под давлением Англии оно пошло на некоторые уступки: в 1897 г. приняло закон, затруднявший вынесение решения о выселении совершивших преступления ойтландеров из Южно-Африканской Республики, снизило пошлины на ввозимые промышленные товары, обязало «Южно-Африканскую компанию взрывчатых веществ» снизить продажную цену динамита на 12,5 фр. с тонны [26, оп. 929, д. 2, л. 121; 32; 164, т. 3, стр. 142]. Но эти частичные уступки не удовлетворили английских империалистов, которые все более упорно настаивали на выполнении своих главных требований.

Готовясь к войне против Англии, бурские республики в 1896 г. заключили между собой военный союз. /

Ведя борьбу против захвата Англией созданных ими республик, бурские колонизаторы защищали господствовавшие в этих странах крайне реакционные порядки, основанные на беспощадном расовом угнетении, жестокой эксплуатации буррами африканцев. Бурские колонизаторы защищали свое политическое господство, расистские порядки, свою земельную собственность, возникшую в результате ограбления ими африканцев. Еще задолго до начала войны большинство буров и африканеров Капской колонии и Натала вынашивало захватнические планы, конечной целью которых было создание «Великой Южно-Африканской Республики», включающей в свои пределы территорию этих колоний, бургских республик и сопредельных с ними земель. В этой огромной стране буров и африканеры хотели установить свое безраздельное экономическое и политическое господство, основанное на жесточайшем расовом угнетении и эксплуатации африканского большинства населения Южной Африки.

Накануне англо-бурской войны подавляющее большинство буров поддерживало проводившуюся президентом П. Крюгером политику противодействия притязаниям Англии. Но часть буров выступала с осуждением этой политики и придерживалась проанглийских взглядов. В Южно-Африканской Республике во главе проанглийской группировки стояли генерал П. Жубер, судья Э. Эсселен, члены фольксраада К. Йеппе и Л. Мейер, а в Оранжевой Республике — Фрезер. Они выступали за сговор с английским правительством и за предоставление ойтландерам избирательных прав. Однако политическое влияние проанглийской группировки было тогда незначительным.

Теперь посмотрим, как углублялся англо-бурский конфликт, приведший к войне.

С 31 мая по 5 июня 1899 г. в Блумфонтейне состоялась конференция английских и бургских представителей. Возглавлявший английскую делегацию А. Милнер настаивал на том, чтобы правительство Крюгера отменило сложную избирательную систему для ойтландеров и предоставило избирательные права тем из них, кто прожил в этой стране не менее пяти лет. Крюгер отверг это требование, но согласился предоставить право выбирать членов законодательной палаты ойтландерам, прожившим в Южно-Африканской Республике семь лет, а не четырнадцать, как это было предусмотрено законом от 1893 г. А. Милнер отклонил это предложение, и Блумфонтейнская конференция закончилась безрезультатно [180 стр. 529]. Вслед за тем состоялись неофициальные переговоры между правительствами бургских республик при участии Я. Х. Хофмейра, возглавлявшего правое крыло движения африканеров Капской колонии, боровшихся за создание Великой Южно-Африканской Республики.

В результате этих переговоров буры выдвинули следующий проект предоставления избирательного права ойтландерам: тем из них, кто прибыл в Южно-Африканскую Республику до 1890 г., предоставить избирательное право по истечении двух с половиной лет; ойтландерам, прибывшим после 1890 г. и прожившим в этой республике не менее двух лет, предоставить его через пять лет; ойтландерам, которые будут прибывать в дальнейшем, предоставлять избирательное право через семь с половиной лет проживания в этой стране. Этот проект был отвергнут Англией. Вскоре буры заявили о своем согласии немедленно предоставить избирательное право ойтландерам, прибывшим до 1890 г., а ойтландерам, приехавшим позднее, предоставить его по истечении девятилетнего срока пребывания в Южно-Африканской Республике; всем, кто прибудет в республику в дальнейшем и заявит о своем желании получить избирательное право, оно может быть предоставлено по истечении семилетнего срока проживания в этой стране. Если бы английское правительство согласилось принять этот проект, то на основании его избирательное право немедленно получили бы около сорока тысяч ойтландеров [53, т. 74, стр. 429—430, 472]. Но, стремясь к войне, правительство Р. Солсбери отклонило его.

Выступая в парламенте 28 июля 1899 г., Д. Чемберлен открыто угрожал Южно-Африканской Республике войной и призвал английский народ «в случае необходимости, поддержать свое правительство в осуществлении любых мер, которые оно найдет нужным предпринять для того, чтобы обеспечить справедливое отношение к британским подданным в Трансваале» [53, т. 75, стр. 715—716].

19 августа 1899 г. правительство Южно-Африканской Республики заявило о своем согласии предоставить избирательное право ойтландерам, прожившим в этой стране не менее пяти лет, однако лишь при условии отказа Англии от вмешательства во внутренние дела этой страны и от притязаний на сюзеренитет по отношению к ней. Оно предложило Англии передать прочие ее притязания на рассмотрение третейского суда. Но английское правительство отвергло это предложение и, преднамеренно осложняя и без того весьма натянутые взаимоотношения с правительством Крюгера, потребовало, чтобы оно разоружило войско Южно-Африканской Республики. В речи, произнесенной в Хайберри 26 августа 1899 г., Д. Чемберлен вновь угрожал бурским республикам войной. Несколько дней спустя он опять стал настаивать на принятии бурским правительством требований, предъявленных Англией на Блумфонтейнской конференции [164, т. 3, стр. 437—441]. Правительство Крюгера тогда заявило о своем согласии безусловно предоставить избирательное право ойтландерам, прожившим в этой стране более семи лет. Но это не удовле-

творило английское правительство. 8 сентября оно, по настоянию Д. Чемберлена, приняло решение об отправке в Наталь десяти тысячного войска. В тот же день оно уведомило правительство Крюгера о своем категорическом отказе признать Южно-Африканскую Республику суверенным государством. При этом английское правительство вновь потребовало немедленного предоставления избирательного права все ойтландерам, прожившим в этой стране пять и более лет предоставления им четверти всех мест в фольксрааде, равного с бурами права выбирать президента и разрешения пользоваться в фольксрааде английским языком наравне с языком африкаанс. Оно уведомило правительство Южно-Африканской Республики, что в случае принятия им этих требований Англия даст согласие на учреждение Крюгером А. Милнером арбитражной комиссии для рассмотрения остальных спорных вопросов [164, т. 3, стр. 443]. Проанглийская группировка в Южно-Африканской Республике выступила за принятие правительством Крюгера этих требований. Опасаясь, что война приведет к разгрому движения за создание «Великой Южно-Африканской Республики», Я. Х. Хофмейер также пытался склонить правительство Крюгера принять требования английского правительства [164, т. 3, стр. 443].

Считая, что правительство Крюгера отвергнет эти требования, Д. Чемберлен тогда же составил проект ультиматума. Отклонение последнего бурами должно было послужить поводом для начала войны. Проект ультиматума требовал, чтобы трансваальское правительство отменило законы против ойтландеров, изданные после 1881 г., предоставило ойтландерам после их годовичного пребывания в Южно-Африканской Республике равные права с бурами, ввело самоуправление для европейского населения Витватерсранда, свободу вероисповедания, гарантировало независимость судов, предоставило всем английским подданным условия наибольшего благоприятствования во всех сферах их экономической и политической деятельности. Проект ультиматума требовал также запрещения ввоза оружия в Южно-Африканскую Республику через португальские колонии и сокращения ее вооружения [164, т. 3, стр. 464]. Как видим, он фактически предусматривал установление английского господства в Южно-Африканской Республике.

Однако ультиматум не был предъявлен правительству Крюгера, так как оно предварило английское правительство и направило ему новые предложения. Протестуя против вмешательства Англии во внутренние дела Южно-Африканской Республики, правительство Крюгера призвало Англию к мирному решению всех спорных вопросов, к отводу английских войск от границ Южно-Африканской Республики, к удалению из Южной Африки всех дополнительно присланных англий-

ских войск, к возвращению в Англию всех войск, находившихся на пути в Южную Африку [164, т. 3, стр. 471—472]. Но английское правительство сочло, что эти требования буров могут быть использованы как достаточный повод для того, чтобы развязать войну. Военный министр лорд Г. Ленсдаун писал в связи с этим Д. Чемберлену: «Примите мои поздравления. Я думаю, что Крюгер не мог более удачно сыграть Вам на руку, чем он это сделал, предъявив эти требования» [164, т. 3, стр. 472].

10 октября 1899 г. Д. Чемберлен поручил А. Милнеру уведомить правительство Крюгера о том, что английское правительство отказывается обсуждать эти требования.

Правительство Р. Солсбери достигло, наконец, своей цели: оно вплотную подошло к войне за захват бурских республик.

А. Милнер, в свою очередь, призывал английское правительство скорее начать войну. 31 августа 1899 г. он сообщил Д. Чемберлену, что администрация Капской колонии и Натала и проживающие там англичане «желают быстрых и энергичных действий и готовы прибегнуть к самым крайним мерам» [100, стр. 125]. А. Милнер прибег даже к фальсификации документов. Уличивший его в этом лидер левых буржуазных либералов Д. Ллойд-Джордж 2 марта 1900 г. сообщил в палате общин, что А. Милнер утаил телеграмму президента Оранжевой Республики М. Штейна, полученную 27 сентября 1899 г., и искажил текст его телеграммы от 28 сентября 1899 г.

В первой же из этих телеграмм М. Штейн сообщил А. Милнеру содержание принятой фольксраадам резолюции, предлагавшей правительству Оранжевой Республики «продолжать далее делать все, что в его силах, чтобы сохранить и упрочить мир и содействовать разрешению существующих разногласий мирными средствами». В телеграмме от 28 сентября 1899 г. М. Штейн, отметив наличие договора, обязывающего Оранжевую Республику помочь Южно-Африканской Республике, в случае, если она подвергнется нападению, предложил А. Милнеру свои услуги для мирного разрешения конфликта между Южно-Африканской Республикой и Англией. Но А. Милнер преднамеренно скрыл миролюбивые предложения М. Штейна и сообщил правительству Р. Солсбери, будто Оранжевая Республика угрожает Англии войной [53, т. 79, стр. 1579—1583].

Правительства бурских республик понимали, что Англия в ближайшее время начнет войну. По мнению Крюгера, правительство Р. Солсбери «стремилось сделать столкновение неизбежным и медлило с посылкой ультиматума лишь с целью выиграть время для сосредоточения вооруженных сил, достаточных для поражения Трансвааля» [100, стр. 129]. Же-

лая лишить Англию возможности выиграть время, бурские правительства взяли военную инициативу в свои руки.

В конце сентября 1899 г. бурские войска сконцентрировались у границ. Они составляли три группы. Одна из них — численностью до 25 тыс. человек, при 40 орудиях, 16 пулеметах, во главе с генералом П. Жубером — была расположена по линии Фолксрюс — Валкестром — Фрейхейд. Другая численностью до 6 тыс. человек, при 20 орудиях и 6 пулеметах находилась на линии Спрингсфонтейн — Аливал-Норт. У Мафепинга тоже стояло бурское войско (до 10 тыс. человек, при 20 орудиях и 8 пулеметах), во главе с генералом П. Кронье.

11 октября 1899 г. бурские войска перешли границу Натала. Вступление их на территорию Натала выражало не только готовность отразить подготавливавшуюся Англией вооруженную агрессию, но и стремление захватить эту английскую колонию и тем самым встать на путь борьбы за захват всей Южной Африки. Вступление бурских войск в Наталь явилось для правительства Р. Солсбери прекрасным поводом для осуществления агрессивных замыслов английских империалистов. Англия приступила к военным действиям с целью захвата бурских республик, но якобы только для защиты английских колоний в Южной Африке от буров. «Я призвала свои войска к оружию, чтобы они отразили вторжение войск Южно-Африканской Республики и Оранжевого Свободного Государства в мои южноафриканские колонии», — заявила в парламенте королева Виктория [53, т. 78, стр. 1—2].

Так началась англо-бурская война, одна из первых войн эпохи империализма, война за передел Южной Африки. Возникновение войны означало, что английские империалисты перешли от «мирной» к вооруженной борьбе за захват бурских республик. Они хотели завладеть богатейшими естественными ресурсами республик, подвергнуть жесточайшей капиталистической эксплуатации и расовой дискриминации африканское население, усилить экономическую мощь, стратегические позиции и политическое влияние Англии. Сражаясь против английских захватчиков и надеясь на помощь со стороны империалистических стран, бурские колонизаторы стремились отстоять свое господство в республиках, созданных ими в результате захвата принадлежавших африканцам земель. Бурские колонизаторы боролись также за изъятие из рук Англии ее южноафриканских колоний и за создание «Великой Южно-Африканской Республики». Социально-политический строй этой огромной страны был бы основан на жесточайшей эксплуатации и расовой дискриминации африканцев.

АНГЛО-БУРСКАЯ ВОЙНА 1899—1902 гг.

ХОД ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Англия стала готовиться к мобилизации сухопутных сил за два с половиной года до начала войны. В мае 1897 г. мобилизационный комитет приступил к обсуждению вопроса о сроках мобилизации и к разработке деталей ее проведения. Однако при подготовке к войне английские милитаристы допустили серьезные просчеты в определении численности войск, подлежащих отправке в Южную Африку, и характера их оснащения. Мобилизационный комитет предполагал использовать для действий против бурских республик 4586 кавалеристов, 1163 конных стрелка, 4917 артиллеристов, 1600 инженеров, 31 386 пехотинцев. С учетом лиц других служб, офицеров и штабных намечалось использовать в Южной Африке 48 800 человек [115, т. 6, стр. 240—241].

В начале 1899 г. английские войска в Южной Африке были немногочисленны. Они состояли из двух кавалерийских полков, трех батарей полевой артиллерии, одной горной батареи, двух рот крепостной артиллерии, шести батальонов пехоты. После провала Блумфонтейнской конференции английское правительство отправило в Южную Африку новые воинские соединения. Желая скрыть от английского народа подготовку к войне, Д. Чемберлен пытался оправдать отправку войск заявлением о том, что Англии необходимо быть готовой «к любой случайности» и удовлетворить просьбу натальской колониальной администрации об усилении обороны Наталя [53, т. 76, стр. 263].

К октябрю численность английских войск в Южной Африке достигла примерно 24 тыс. человек, что составляло около половины от численности бурских войск. Но в распоряжении английского правительства были мощные ресурсы живой силы, вследствие чего оно имело возможность в короткий срок создать в Южной Африке огромный перевес в численности английской армии над войсками буров. На 1 октября 1899 г. общая численность английских войск в метрополии составляла 218 046 человек. Эти войска состояли из регулярной армии—107 739 человек, запаса регулярной армии—81 133 человека, запаса регулярной армии из лиц, состоявших в милиции,—29 174 человека [115, т. 6, стр. 256].

Уже в течение первых десяти месяцев войны из Англии и ее средиземноморских владений на южноафриканский театр военных действий было отправлено около 100 тыс. солдат и офицеров регулярной армии, в том числе 6958 кавалеристов, 12 774 артиллериста, 67 936 пехотинцев, 3598 инженеров [115, т. 6, стр. 250]. За 30 месяцев войны (т. е. без учета двух ее последних месяцев) военное министерство отправило в Южную Африку 230 тыс. солдат регулярной армии [53, т. 104, стр. 374]. Кроме того, из Англии в Южную Африку было отправлено 60 из имевшихся 124 батальонов пехоты милиционных войск, 6 артиллерийских рот, 3 инженерные роты и 2 инженерных отделения этих же войск.

Были использованы также 97 тыс. резервистов регулярной армии и милиционных войск, явившиеся наиболее боеспособной частью действующей армии. Кроме того, 28 апреля 1900 г. был опубликован королевский указ, разрешавший всем бывшим солдатам поступить на сверхсрочную службу для несения ее как в метрополии, так и за пределами последней, и предусматривавший выплату им в дальнейшем повышенной пенсии. На основании этого приказа на сверхсрочную службу вернулись 1465 бывших солдат [115, т. 6, стр. 259]. К тому же за время войны в действовавшей армии были оставлены 50 тыс. человек из числа тех, которые должны были быть переведены в резерв [53, т. 6, стр. 259]. 24 декабря 1899 г. в Англии был издан указ о создании добровольческого конного корпуса имперских йоменов. Каждый йомен, вступающий в корпус со своей экипировкой и седельным снаряжением, получал дотацию в размере 25 ф. ст. и пользовался тем же довольствием, что и солдаты регулярной армии. В результате вербовки, проведенной в Англии и в Ирландии, в этот корпус было зачислено несколько десятков тысяч человек, из которых 35 520 человек было отправлено в Южную Африку [115, т. 6, стр. 268—272].

В конце 1899 г. в Англии началась также вербовка волонтеров. Во время войны было завербовано 270 тыс. волонтеров, из которых 19 856 человек было отправлено в действующую армию [115, т. 6, стр. 275; 53, т. 104, стр. 607—608].

Боевые качества волонтеров были низкими. Многие из них плохо владели оружием. Отмечая это, военный министр Д. Бродрик указывал на необходимость организовать обучение волонтеров в военных лагерях и удалить с театра военных действий волонтеров, не обладающих достаточной подготовкой [53, т. 104, стр. 391—393]. Милиционные и волонтерские войска, а также корпус имперских йоменов составляли так называемые вспомогательные войска, возглавлявшиеся генеральным инспектором, пост которого сначала занимал генерал Келли-Кенни, а затем — генерал Тернер.

В ходе войны в Южную Африку были также направлены

английские воинские части из Индии, Австралии, Новой Зеландии, Канады. Численность войск, оставленных в метрополии, а также в Индии и в других частях империи, была незначительной. Это беспокоило правящие круги Англии, которые опасались усиления национально-освободительной борьбы народов Индии и вмешательства держав в войну. Д. Бродрик считал, что обороноспособность метрополии «оказалась тогда в опаснейшем положении» [53, т. 104, стр. 775].

В начале войны численность бургских войск составляла 45 тыс. — 60 тыс. человек.

Буры не имели постоянной армии. Их войска (командо) сформировались только после объявления о мобилизации. Военнообязанным считался каждый бур в возрасте от 16 до 60 лет. Все военнообязанные должны были явиться с собственным оружием, небольшим количеством боеприпасов, верховой лошастью и восьмидневным запасом продовольствия [87, стр. 479; 53, т. 78, стр. 604]. В бургских войсках было мало чинов; до сентября 1900 г. они были выборными. Группа бойцов численностью от 30 до 100 человек выбирала фельдкорнета; фельдкорнеты дистрикта выбирали команданта; команданты трех или более дистриктов выбирали генерала. Во главе войск стоял командант-генерал, избираемый на пять лет бургскими бойцами и офицерами [293, т. 4, № 1, 1900, стр. 30; 87, стр. 1].

В начале англо-бургской войны командант-генералом войск Южно-Африканской Республики был вице-президент П. Жубер, являвшийся сторонником сговора с англичанами. Вследствие этого верховное командование фактически осуществлял президент Крюгер. В начале октября 1899 г. команданты войск Оранжевой Республики — Лукас Стенекамп, Антоний Ломбард, Ян де Вилис, Ганс Науде и Нел, соответственно представлявшие округа Хейлброн, Фреде, Харрисмит, Бетлехем и Кронстад, избрали генералом Мартинуса Принслоо, являвшегося ранее командантом округа Винбург. Во главе войск этой республики встал П. Кронье, которого буры чтили за храбрость и энергичную защиту их интересов. С отменой в сентябре 1900 г. принципа выборности командного состава назначение командантов было вверено командант-генералу; команданты получили право назначать фельдкорнетов, а последние — капралов. Пытаясь сохранить численность бургских войск, бургские власти стали выплачивать 5 шилл. в день каждому бойцу, остающемуся в войске. Но содержание, установленное бургским офицерам в 1898 г., было значительно сокращено [36, стр. 24—28].

Бургские бойцы обычно не проходили специального обучения. Будучи скотоводами и охотниками, они были прекрасными наездниками и стрелками. Однако усиление экспансии английских колонизаторов в Южно-Африканской Республике

и вторжение на ее территорию в 1895 г. английского вооруженного отряда во главе с Д. Джемсоном побудили буров привлечь нескольких немецких и американских военных специалистов для обучения бурских командиров и для работы в качестве инструкторов в бурской военной школе в Претории [293, т. 3, № 12, 1899, стр. 378].

Дисциплина в бурских войсках в начале войны была слабой. В ходе войны против английских захватчиков она улучшилась, но, как отмечал Х. Девет, «до самого конца войны не установилась такой, какой должна была бы быть» [87, стр. 8].

В бурских войсках не было ни интендантской, ни медицинской службы. К началу войны в распоряжении трансваальского правительства было только два врача, один из которых служил при артиллерийском корпусе, а другой — в полиции. Во время англо-бурской войны на средства правительства Южно-Африканской Республики было создано лишь семь госпиталей. Почти вся врачебная помощь бурам была организована Обществами Красного Креста Южно-Африканской Республики и европейских стран. Прибывшие на помощь сражающимся бурам три голландских, немецкий, бельгийско-немецкий, русский, русско-голландский и ирландско-американский отряды Обществ Красного Креста, в составе которых находилось лишь 44 врача, не смогли существенно улучшить медицинское обслуживание бурских войск [36, стр. 118—119, 313—314].

Качество боевой техники, которой располагали английские и бурские войска, было, примерно, равноценным — они имели магазинные винтовки, станковые пулеметы системы «Максим», скорострельные орудия полевой артиллерии, тяжелые артиллерийские орудия, бездымный порох.

Готовясь к войне против Англии, правительство Крюгера еще в середине 90-х годов значительно увеличило расходы на вооружение. В 1895 г. они составили 1 485 244 ф. ст., в 1896 г. — 2 007 372 ф. ст., в 1897 г. — 1 793 279 ф. ст. [291, 10.II.1900; 145, стр. 13]. По сравнению с многомиллионными расходами Англии на вооруженные силы, эти затраты Южно-Африканской Республики были ничтожными. Однако для этой республики они были большими, так как ее государственные доходы были невелики. В 1895 г. они выразились в сумме 3 539 955 ф. ст., в 1896 г. — 4 807 513 ф. ст., в 1897 г. — 4 480 217 ф. ст. [26, оп. 929, д. 6, лл. 5—6].

Перед войной правительство Крюгера закупило оружие в Германии, во Франции и в Англии. Еще в 1894 г. оно заказало винтовки Маузера германской фирме Круппа и французской фирме «Шнейдер и К°» в Крезе. В течение последних трех предвоенных лет в Южно-Африканскую Республику из Европы через Мозамбик было доставлено около 20 тыс. винтовок. В 1897 и в 1898 гг. правительство Крюгера затратило

205 436 ф. ст. на покупку в Европе винтовок и пушек. За те же годы оно истратило 162 990 ф. ст., на покупку амуниции для бурского войска, а также 77 838 ф. ст. на постройку новых и исправление старых фортов [26, оп. 929, д. 6, лл. 5, 6, 7; 53, т. 78, стр. 132]. По данным Ромейко-Гурко, к началу англо-бурской войны на вооружении войска Южно-Африканской Республики было 80 артиллерийских орудий различных систем, 37 пулеметов системы «Максим», 35 тыс. винтовок, по 1138 снарядов на каждое орудие крупного калибра, по 3124 снаряда на каждое орудие мелкого калибра [36, стр. 40—44, 293—294, 298]. Однако оснащенность боевой техникой находившихся в Южной Африке английских войск во много раз превышала оснащенность бурских войск.

Огромное превосходство в численности войск и в количестве вооружения, которым располагала Англия, явилось важной причиной ее победы над бурами.

Обратимся к краткому изложению хода военных действий.

Вступление бурских войск на территорию Наталя сорвало выработанный английским командованием план ведения войны в Южной Африке. Он предусматривал вторжение английских войск в Оранжевую Республику и в Южно-Африканскую Республику с территории Капской колонии и Наталя. По этому плану, до прибытия из Англии в Южную Африку крупных воинских соединений, находившиеся там английские войска численностью в 14 тыс. человек во главе с генералом Д. Уайтом должны были оборонять сухопутные границы Капской колонии и Наталя.

Наступление бурских войск в Натале от Лонгс-Нека и Харрисмита на Ледисмит заставило генерала Д. Уайта сосредоточить у Данди и Гленко войска численностью в 4 тыс. человек во главе с генералом В. Пэнн-Саймонсом и численностью в 10 тыс. человек — у Ледисмита. 20 октября 1899 г. наступавшие с востока буры во главе с Лукасом Мейером нанесли тяжелое поражение войску В. Пэнн-Саймонса. Англичане потеряли более двухсот человек убитыми и ранеными; много солдат было взято в плен. В. Пэнн-Саймонс был убит; командование его войском было вверено генералу Юлу.

Желая помочь войску генерала Юла, Д. Уайт поручил генералу Д. Френчу отбить у буров железнодорожную станцию Эландслаагте. Однако в сражении при Эландслаагте войска Д. Френча потерпели поражение и отступили к Ледисмиту.

К 29 октября 1899 г. находившиеся в северной части Наталя во главе с генералом Д. Уайтом английские войска численностью свыше 12 тыс. человек, при 48 орудиях, включая морскую бригаду с тяжелыми орудиями, сосредоточились в Ледисмите. Бурские войска численностью до 8 тыс. человек, при 21 орудии, под командованием генералов Х. Девета и П. Жубера блокировали этот важный железнодорожный

центр, расположенный на дальних подступах к Претории и к Блумфонтейну. Предпринятая осажденными английскими войсками попытка сразу же деблокировать Ледисмит окончилась неудачей. Потеряв в сражениях при Ломбардс-Копе и Николсонс-Неке около полутора тысяч человек убитыми, ранеными и пленными, осажденные в Ледисмите английские войска отказались от активных действий и стали ждать прибытия на помощь новых воинских контингентов. Таким образом, в начале войны бурам удалось сковать в северной части Натала крупные воинские соединения англичан и временно лишить их возможности развернуть наступление на столицы бурских республик.

В ноябре 1899 г. бурские войска, наступая на юг от р. Тугелы, задержали продвижение только что прибывших в Наталь английских войск во главе с генералом Х. Хиллардом и этим сорвали их попытку помешать переброске бурских войск к Исткорту и Питермарицбургу. Однако буры не сумели использовать достигнутые ими тогда в Нагале успехи: они упустили возможность захватить Исткорт, Питермарицбург и Дурбан, не приняли необходимых мер для того, чтобы в дальнейшем сорвать продвижение английских войск, имеющих целью деблокировать Ледисмит. К тому же буры не приложили достаточных усилий для взятия Ледисмита. Неудачный исход предпринятой ими 6 декабря 1899 г. попытки штурмом взять Ледисмит побудил их в дальнейшем к излишней осторожности. Они, в частности, допустили ошибку, воздержавшись от повторного штурма Ледисмита в январе 1900 г., когда блокированные там английские войска были уже утомлены осадой.

В ходе военных действий на этом фронте, еще в середине ноября 1899 г., отряд буров, руководимый Луисом Ботой, взял в плен близ станции Чивли Уинстона Черчилля, находившегося в Южной Африке в качестве корреспондента газеты «Морнинг пост»¹. Кратковременное пребывание его в плену в Претории и бегство из плена в декабре того же года явились для английских империалистов источником для прославления его «героизма» [см. 135, стр. 311].

В начале войны бурские войска, возглавляемые Корнелисом Вессельсом, действуя в юго-западной части Оранжевой Республики, блокировали центр добычи алмазов Кимберли, в котором находились английские войска численностью до 2 тыс. человек во главе с полковником Кеквичем. Демонстрируя свою уверенность в том, что Англия в скором времени победоносно завершит войну, Сесил Родс оставался в осажденном Кимберли.

¹ В середине 1900 г. У. Черчилль покинул Южную Африку. Он вернулся в Англию, где вскоре был избран в палату общин.

В октябре 1899 г. бурские войска под командованием генералов П. Кронье и Снимана вступили также на территорию Бечуаналенда и блокировали г. Мафекинг, расположенный на дальних подступах к Претории и к Йоганнесбургу. В осажденном Мафекинге находились английские войска численностью до тысячи человек во главе с полковником Бэйдн-Пауэллом. Осада бурскими войсками Мафекинга нарушила важную для англичан коммуникационную линию между Капской колонией и Родезией.

Бурское командование предприняло осаду Ледисмита, Кимберли и Мафекинга с целью овладеть ими как важными стратегическими базами и преградить английским войскам вероятные пути наступательных операций. Однако, осадив эти города, буры очень растянули свои позиции, не обеспечив их резервами [36, стр. 215]. Рассчитывая на помощь со стороны африканеров, бурские отряды в ноябре 1899 г. вступили в северо-восточную часть Капской колонии. Английское командование попыталось взять военную инициативу в свои руки; в ноябре 1899 г. английские войска численностью до 12 тыс. человек под командованием лорда Метуэна, имея 35 орудий, предприняли попытку деблокировать Кимберли. Но в сражении у р. Моддер они понесли большие потери от бурских войск, руководимых Дж. Х. Делареем и П. Кронье, который во главе двухтысячного отряда, имея четыре орудия, прибыл из-под Мафекинга [53, т. 104, стр. 837—838]. В этом сражении англичане потеряли около 500 человек убитыми и ранеными. Ранен был и лорд Метуэн. В сражении на р. Моддер английское командование допустило тактические ошибки — оно не использовало разведку, не создало резервов, предприняло атаку буров с фронта на открытой местности без демонстрации на другом участке. 29 ноября (10 декабря) 1899 г. войска лорда Метуэна в сражении при Магерсфонтейне потеряли около тысячи человек убитыми и ранеными. В этом сражении английским командованием вновь были допущены серьезные тактические ошибки: продвижение английских войск было предпринято колоннами без авангарда и без предварительной высылки разведчиков, атаки были проведены фронтально, причем с недостаточным количеством войск, действия артиллерии и пехоты были несогласованны.

Попытка английских войск во главе с главнокомандующим генералом Редверсом Буллером перейти в наступление в Натале для деблокирования Ледисмита также окончилась неудачей. Заставив буров отступить за р. Тугела, они 15 декабря 1899 г. фронтально атаковали их на открытой местности у Колензо, не оставив резерва, но были отбиты, потеряв более тысячи человек убитыми, ранеными, пленными. В этом сражении бурам удалось захватить 11 орудий Армстронга, что существенно пополнило их артиллерийское оснащение. После

сражения у Коленсо буры не попытались развить достигнутый ими успех и даже не преследовали разбитые войска Р. Буллера.

В декабре 1899 г. буры одержали победу в сражении у Стромберга, в северной части Капской колонии, над английскими войсками, руководимыми генералом Гетэкротом. В этом сражении буры взяли в плен более шестисот человек. В 20-х числах января 1900 г. бурские войска во главе с генералами Луисом Ботой и П. Кронье нанесли поражение войскам Уоррена при Симонс-Копе. В то же время буры одержали победу в сражении у Бракфонтейна.

Уже в начале войны обнаружилась устарелость тактических приемов английской армии в наступательном бою. Такими приемами были огневая подготовка атаки с близкого расстояния и атака в сомкнутом строю. Они были малоэффективны против применявшегося бурами рассыпного строя. К тому же английские солдаты были обучены лишь залповому огню, а не прицельной стрельбе.

Выявились также серьезные недостатки в организации медицинского обслуживания английских войск. С ноября 1899 г. в действовавшей армии свирепствовала эпидемия брюшного тифа, было много больных пневмонией и гриппом. Смертность была большой. Быстро росло число раненых. Английское командование ощущало острый недостаток госпиталей, больничных коек, врачей, медикаментов, постельного белья и пр. [53, т. 85, стр. 93; 53, т. 89, стр. 293; 53, т. 103, стр. 34].

Английские империалисты были весьма обеспокоены поражениями, которые несли английские войска в Южной Африке в начале войны. Джингоисты упрекали правительство Р. Солсбери, в особенности военного министра Г. Ленсдауна, в том, что Англия была не подготовлена к войне, что действовавшая в Южной Африке армия не имела достаточного количества артиллерийских орудий, лошадей, седел, не была в должной мере обеспечена обозом и т. д. [19, д. 65, т. 2, № 8, Приложение № 1]. Они обвиняли английское командование в допущенных им тактических ошибках. Группа английских офицеров во главе с полковником Гоугом потребовала даже, чтобы военное министерство расследовало причины поражения английских войск, руководимых лордом Метуэном, в сражении у р. Моддер. Однако министерство отклонило это требование, указав, что такое расследование «не может быть проведено до тех пор, пока офицеры, которые будут давать отчет в своей деятельности, заняты в активных военных операциях на поле боя» [53, т. 81, стр. 28—29].

В течение первого периода войны, с 11 октября 1899 г. до февраля 1900 г., буры сохраняли в своих руках военную инициативу; они осуществили несколько наступательных операций и выиграли ряд сражений. Но стратегический план буров,

которого они придерживались, предпринимая осаду Ледисмита, Кимберли и Мафекинга и организовав вторжение в Капскую колонию, не предусматривал дальнейших наступательных действий. Блокада бурами Ледисмита, Кимберли и Мафекинга была в основном пассивной. Буры не овладели ни одним из осажденных городов, не нанесли английским войскам решающего поражения до прибытия в Южную Африку из Англии новых воинских контингентов и боевой техники. Расчеты буров на то, что все африканеры восстанут против английского господства, и на вмешательство держав в войну для защиты бурских республик оказались необоснованными.

Буры могли бы нанести тяжелый удар по интересам английских монополистов в республиках, конфисковав их недвижимую собственность, в первую очередь горнопромышленные предприятия. Но они не только воздержались от конфискации приисков, но даже приняли меры к охране их от повреждений. Стремление правительства Южно-Африканской Республики сохранить в неприкосновенности золотые прииски объяснялось отчасти тем, что некоторые его члены владели акциями золотодобывающих компаний; к тому же оно опасалось, что в случае разгрома приисков осложнятся взаимоотношения бурских республик с другими странами и Англия потребует от буров уплаты огромной контрибуции [36, стр. 220—221; 31, оп. 467, д. 754/812, лл. 12—21; 79, стр. 10].

Не оказали бурам существенной помощи и иностранные добровольцы. Во время войны на стороне буров действовали 13 иностранных добровольческих отрядов. Из них 4 отряда были созданы из числа иностранцев, проживавших в Южно-Африканской Республике до начала войны. Это были: голландский отряд в составе 120 человек, немецкий отряд численностью в 200 человек во главе с полковником Адольфом Шилем, скандинавский отряд, состоявший из 40 человек, «Ирландская бригада» из 150 человек во главе с отставным полковником войск США — Блэком. Голландский и немецкий отряды просуществовали недолго: они понесли большие потери в сражении при Эландслаагте 21 октября 1899 г. и вскоре были распущены. Скандинавский отряд потерял половину своего личного состава в сражении под Магерсфонтейном в декабре 1899 г., а остальные его бойцы влились в бурские войска. Более долговечной оказалась «Ирландская бригада». Она участвовала в осаде Ледисмита, а после его сдачи была переброшена на территорию Оранжевой Республики, где 3 мая 1900 г. приняла участие в сражении у Брандфорда. В дальнейшем бойцы этой бригады примкнули к партизанам [36, стр. 300—302].

Иностранные добровольцы, прибывшие в Южную Африку, создали девять отрядов. Это были: французский отряд (35 человек), итало-немецкий отряд (70 человек), иностранный легион (300 человек), иностранный отряд (100 человек), аме-

риканский отряд разведчиков (40 человек), отряд прибывших из США ирландцев (46 человек), черногорский отряд (10 человек), русский отряд (20—30 человек во главе с поручиком запаса Ганецким), русско-голландский отряд (40 человек во главе с полковником Е. Я. Максимовым). На первом этапе войны эти отряды действовали разрозненно. Отметим, что иностранные добровольцы идеализировали буров — игнорировали их колонизаторскую политику и ошибочно видели в них подлинных борцов за свободу.

В начале 1900 г. численность английских войск в Южной Африке была резко увеличена. На пост главнокомандующего был назначен лорд Ф. Робертс, а начальника штаба — лорд Г. Китченер. По сведениям, сообщенным в палате общин заместителем военного министра Виндгемом, к февралю 1900 г. в Южной Африке находились около 180 тыс. английских солдат и офицеров, из которых войска регулярной армии составляли 126 тыс. человек [53, т. 78, стр. 905—906]. В феврале 1900 г. английские войска перешли в наступление. Начался второй период войны.

В феврале 1900 г. английские войска численностью свыше 50 тыс. человек под командованием Ф. Робертса, имея 136 орудий, заставили буров снять осаду с Кимберли. Продолжая наступление, англичане нанесли поражение бурскому войску во главе с генералом П. Кронье, защищавшему подступы к Блумфонтейну на правом берегу р. Моддер восточнее Паардеберга [53, т. 104, стр. 837—838]. Генерал П. Кронье вместе с четырехтысячным отрядом сдался в плен. Важной причиной поражения войска П. Кронье явилось то, что буры не овладели железнодорожной линией на участке Де-Ар — Кимберли, имевшей большое значение для снабжения наступающих английских войск.

Сдача отряда во главе с П. Кронье, которого буры считали «героем, никогда не знавшим страха перед неприятелем» [87, стр. 42], была для них тяжелым ударом. «Никакое перо не в состоянии описать того, что испытывал я, узнав о сдаче и пленении П. Кронье, и какое ужасное впечатление произвела эта сдача на бюргеров!» — вспоминал Х. Девет [87, стр. 65]. Однако воля буров к дальнейшей борьбе не была сломлена.

Продолжая наступать, войска, руководимые генералом Френчем, нанесли ряд поражений отрядам буров, которыми командовали генералы Х. Девет и Дж. Х. Деларей, и 29 февраля (13 марта) 1900 г. вступили в Блумфонтейн. «Мы отдали этот город, не сделав ни единого выстрела в его защиту», — писал Х. Девет [87, стр. 78]. В конце марта 1900 г. Ф. Робертс сосредоточил в Блумфонтейне около 60 тыс. английских войск предназначенных для дальнейших наступательных операций.

Вскоре после вступления английских войск в Блумфонтейн буры под командованием генерала Х. Девета одержали победу

в сражениях у Саннаспоса, а также при Корнспруйте и Реддерсбурге. Но эти победы имели местное значение и в целом не изменили неблагоприятного для буров хода войны.

В начале марта 1900 г. английские войска во главе с Редверсом Буллером освободили от осады Ледисмит. За время осады находившиеся в этом городе английские войска потеряли около полутора тысяч убитыми, ранеными и умершими от болезней. В марте войска генерала Гетэкра овладели Стромбергом и Бюргерсдорпом и приступили к изгнанию бурских войск с территории Капской колонии. Тогда же войска генерал-майора Клементса перешли на северный берег р. Оранжевой и стали освобождать от бурских войск район Форесмит — Коффифонтейн. Поражение буров в войне становилось очевидным.

В конце марта 1900 г. в связи с кончиной генерала П. Жубера главное командование бурскими войсками было вверено генералу Луису Боте. Но смена командования не повлияла на исход войны. Не повлияли на него и действия европейских добровольцев.

В начале 1900 г. отряды добровольцев объединились в европейский легион, командиром которого был избран полковник французской армии граф Вильбуа де Марейль. Но уже в апреле 1900 г. английские войска в сражении при Босгофе нанесли легиону тяжелое поражение. Вильбуа де Марейль был убит. Командиром легиона стал Е. Я. Максимов. Вскоре между начальниками отрядов легиона возникли острые разногласия, заставившие Е. Я. Максимова отказаться от командования им. Возглавляемый Е. Я. Максимовым русско-голландский отряд в апреле 1900 г. участвовал в ряде мелких операций, а также в сражениях при Табанчу и Тубе. Но в мае 1900 г. в сражении при Ветривере он был почти полностью уничтожен [95, стр. 184]. К этому времени европейский добровольческий легион фактически распался.

В мае 1900 г. английские войска взяли Кронстад и деблокировали Мафекинг, в котором уже с начала 1900 г. свирепствовали голод и болезни. 31 мая 1900 г. английские войска, не встретив серьезного сопротивления, взяли Йоганнесбург. 5 июня 1900 г. буры без боя сдали Преторию. В конце мая Крюгер, покинув Преторию, переехал в Ватервальбовен, затем в Мачадодорп. В августе он перебрался в Нелспруит, а в начале сентября — в Лоренсу-Маркиш, откуда в октябре 1900 г. на борту голландского парохода «Гельдерланд» направился в Европу. В конце ноября он прибыл в Марсель.

После взятия англичанами Блумфонтейна многие буры Оранжевой Республики прекратили вооруженную борьбу. По словам Х. Девета, буры в это время «до такой степени растеряли последние остатки храбрости и собственного достоинства, что, казалось, невозможно было ожидать от них и в буду-

щем, чтобы они оказали еще какое-либо сопротивление неприятелю. Отряды были окончательно деморализованы» [87, стр. 78].

Считая, что бурским бойцам необходима передышка, Х. Девет распустил до 25 марта 1900 г. находившиеся под его командованием отряды округов Блумфонтейн, Ледибранд, Вепенер, Фиксбург, Бетлехем и Винбург. Командирами этих отрядов были Пит Фури, Кроутер, Фуше, де Виллие, Микал Принслоо и Вилонел, состоявшие под начальством генералов Я. Вессельса, А. Кронье, К. Фронемана, В. Кольба и Филиппа Боты. Отряды, находившиеся под начальством генерала Дж. Х. Деларея, также на некоторое время были распущены [87, стр. 80]. Но отряды округов Кронстада, Хейлбронна, Харрисмита и Фреде продолжали вести борьбу вблизи Драконовых гор.

Вступление английских войск в столицы бурских республик и объявление английского правительства 27 мая 1900 г. об аннексии Оранжевой Республики не привели к завершению войны. Правительство этой страны в прокламации от 11 июня 1900 г. заявило об отказе признать аннексию Оранжевой Республики Англией и о том, что буры будут продолжать борьбу [20, д. 103, л. 12; 26, оп. 929, д. 10, лл. 45—46]. И действительно, буры перешли к партизанской войне. Она явилась третьим, последним и наиболее продолжительным периодом англо-бурской войны.

В исторической литературе высказывались различные мнения по вопросу о том, когда началась партизанская война в Южной Африке. По мнению Лео Маркварда, первые партизанские отряды были созданы в сентябре 1900 г. [221, стр. 209]. Питер Гиббс считал, что возникновение партизанской войны совпало с наступлением 1901 г. [166, стр. 257]. Некоторые современники англо-бурской войны относили ее начало ко второй половине 1901 г. [29, 1901, д. 915, л. 101]. Указанные мнения не были, однако, достаточно аргументированными. Анализ развития военных действий подтверждает точку зрения А. Виноградского о том, что буры стали постепенно переходить к партизанской войне вслед за решением, которое они приняли вскоре после захвата Блумфонтейна англичанами [80].

Еще на состоявшемся 17 марта 1900 г. в Кронстаде военном совете по предложению президента Оранжевой Республики М. Штейна, которое поддержали Крюгер, а также генералы Х. Девет, Дж. Х. Деларей и другие командиры, было решено изменить тактику ведения войны и перейти к вооруженному нападению на врага более подвижными отрядами, преимущественно на флангах и в тылу [36, стр. 318]. Это решение было одобрено военным советом, состоявшимся в Кронстаде 20 марта 1900 г. и проходившим при участии М. Штейна, Крюгера, генералов П. Жубера, Х. Девета, Дж. Х. Деларея и

других видных бурских военачальников. На совете было единодушно отвергнуто требование английского правительства о безусловной капитуляции и принято решение «всеми силами продолжать войну» [87, стр. 84]. На основании этих решений 25 марта 1900 г. у р. Санд стали создаваться вооруженные отряды буров. Однако большинство буров не приняло участия в партизанской войне против английских агрессоров. Многие буры из Форесмита и Якобсдаля, а также почти все буры из Филипполиса, Смитфелда, Вепенера, Блумфонтейна, Хопстада, Босхофа, Бетули, Рувилы, Ледибранда прекратили вооруженную борьбу против англичан. Многие из этих буров вскоре вступили в английскую армию [87, стр. 87; 53, т. 103, стр. 1016, 1270]. Английское командование сформировало из них отряды «национальных разведчиков» и использовало их в войне против партизан.

Первые партизанские отряды буров были созданы в конце марта 1900 г. В середине 1900 г. партизанская война усилилась. Только за 29 дней, с 6 июня по 4 июля 1900 г., действуя в Южно-Африканской Республике вдоль железных дорог, партизаны предприняли 255 боевых операций. Так, например, 6—9 июня 1900 г. они взорвали железнодорожный путь у Рудевала и сожгли там станционные здания и девять деревянных мостов; 21 июня 1900 г. они повредили у Рудевала железнодорожный путь и захватили товарный поезд; 3 сентября 1900 г. партизаны спустили под откос поезд на 54-м километре к северу от Претории; 17 сентября они разрушили телеграфную связь с Ференигингом и т. д. [167, стр. 131—141].

В разгар партизанской войны численность участвовавших в ней буров достигала 20 тыс. человек [87, стр. 229—230, 385]. Возглавленный генералом Х. Деветом партизанский отряд (2,5 тыс. человек) в конце марта, в апреле, мае и июне 1900 г. упорно сражался в Оранжевой Республике в районе Корнспруйта, Вепенера, Линдлея, Хейлбрана, Кронстада, Рудевала. Но преследуемый десятитысячным английским войском генерала Хантера, отряд Х. Девета в середине августа 1900 г. ушел в северную часть страны [293, т. 5, № 5, 1901, стр. 131—132]. В конце 1900 г. отряд Х. Девета действовал у Саннаспоса, Мостертс-Нека, Деветсдорпа. В январе 1901 г. партизаны Х. Девета перешли р. Оранжевую близ Филипполиса, вступили в Капскую колонию и продвинулись до Санд Дрифта. Но, преследуемые войсками генерала Плумера, они в феврале 1901 г. вернулись на территорию Оранжевой Республики.

Еще в июне 1900 г. партизаны, руководимые генералом Луисом Ботой, осуществляли операции вдоль железной дороги Претория — побережье залива Делагоа, задерживая продвижение английских войск в восточную часть Южно-Африканской Республики. К западу от Претории действовал партизанский отряд генерала Дж. Х. Деларея. К юго-востоку от

Претории партизаны во главе с Христианом Ботой вели борьбу против наступавших на север войск генерала Р. Буллера. К северу от Претории вдоль железной дороги на Питерсбург операциями партизан руководил Гроблер. Вблизи Претории боролись партизанские отряды каждый численностью в 200—300 человек во главе с генералами Дютуа, Сниманом, Дайтвези, Остгаузенем, Лемером, Смитом и командантами Вильоеном Фуриесом и Маланом.

В конце 1900 г. партизанские отряды, возглавляемые Дж. Герцогом, Филиппом Ботой, Гасброком, Круйцингером, вступили на территорию Капской колонии у Филиппополиса и Бетули. Они стали продвигаться к Стромбергу, Штейбургу, Крадоку, перерезали магистраль Де-Ар — Кимберли, подошли к Карнарвону и к Бофор-Уэсту. Однако надежды бурских партизан на то, что их вступление в Капскую колонию вызовет всеобщее антианглийское восстание африканеров, оказались тщетными. Многие африканеры не верили в возможность победы буров и не оказали им поддержки.

В феврале 1901 г. партизаны приняли решение раздробить свои крупные отряды на мелкие, полагая, что обладающие большой мобильностью мелкие отряды смогут успешнее бороться против английских захватчиков. О масштабах вооруженной борьбы в 1901 г. между партизанами и английскими войсками некоторое представление дают следующие сведения: в первой половине 1901 г. потери партизан убитыми, ранеными и пленными достигли 5672 человек [291, 6.VII. 1901]. По материалам гаагского «Южно-Африканского бюро известий», в ноябре 1901 г. произошло 225, а в декабре того же года — 309 вооруженных столкновений между партизанами и английскими войсками [37, вып. 20, 1903, стр. 277—293].

В конце войны успешно действовал партизанский отряд, руководимый Я. Х. Смэтсом. Перейдя р. Оранжевую, он развернул борьбу на территории Капской колонии, дошел почти до Порт-Элизабет и затем вступил в Кальвинию. В 1902 г. этот отряд действовал в западной части Капской колонии, дойдя в апреле даже до медных рудников в Окипе [127, стр. 23—24]. Однако в это время численность сражавшихся партизан была уже незначительна: в марте 1902 г. она составляла лишь 8—10 тыс. человек [53, т. 104, стр. 805—807].

В правящих кругах Англии утверждали, что действия бурских партизан являлись «самым изнурительным для английских солдат и наиболее истребительным методом ведения войны» [53, т. 89, стр. 38; 53, т. 104, стр. 741]. Борьба английских захватчиков против бурских партизан была упорной и ожесточенной. Осуществляя против партизан наступательные операции большого масштаба, английские войска оцепляли обширные районы и, сжимая кольцо окружения, громили партизан. Г. Китченер отмечал, что в ходе одной из

таких операций, предпринятых в конце февраля 1902 г., английские войска перебили и взяли в плен более 600 пеших и более 450 конных партизан, захватили много военного снаряжения, около 2 тыс. лошадей, 28 тыс. голов крупного рогатого скота, 16 тыс. овец [53, т. 104, стр. 7]. Тяжелый удар по партизанскому движению нанесло также сооружение англичанами до 8 тыс. блокгаузов, обеспечивших прикрытие важных военных объектов ружейно-пулеметным огнем [53, т. 104, стр. 428]. Англо-бурская война близилась к концу. Судьба бурских республик была решена.

Правящие круги Англии теперь уже не пытались скрыть свои захватнические цели и открыто требовали аннексии бурских республик. Так, например, в речи, произнесенной в палате лордов 30 января 1900 г., герцог Сомерсет заявил: «Сколько бы ни потребовалось времени для ведения войны — будь то шесть месяцев или шесть лет, наша страна намерена добиться установления своего господства в Южной Африке раз и навсегда. Флаги обеих республик должны навсегда исчезнуть, и английский флаг должен развеяться от Замбези до мыса Доброй Надежды» [53, т. 78, стр. 5—6].

Монополисты тяжелой и военной промышленности, судовладельцы спешили нажиться на войне. Они выполняли огромные правительственные заказы на поставку по высокой цене оружия и военного снаряжения и на доставку в Южную Африку колоссальных грузов. Поставщики лошадей, мулов, фуража, продовольствия, амуниции также получали баснословные прибыли. Война обогатила также магнатов Сити. Они нажились на государственном долге, возросшем с апреля 1899 г. до апреля 1901 г. с 635 млн. ф. ст. до 688 млн. ф. ст. В начале 1904 г. он составлял 798,3 млн. ф. ст., включая долговые обязательства военных лет на сумму в 75 млн. ф. ст. Резко возросли доходы «Английского Банка» от операций по учету векселей, а также общее количество совершаемых им операций [136, стр. 376, 377, 434]. Война сопровождалась разгулом спекуляций и хищений.

Однако английские правящие круги считали, что война не должна быть продолжительной, ибо она резко осложнит внутреннее положение Англии, а также нанесет большой ущерб ее военному престижу. Огромный дефицит бюджета военных лет, рост государственного долга, налогового бремени, усиление недовольства народных масс и антивоенного движения, участие Англии в подавлении антиимпериалистического восстания в Китае — все это побуждало английское правительство уже в 1900 г. стремиться к скорейшему завершению войны [53, т. 89, стр. 32—33; 53, т. 98, стр. 101]. В связи с этим Д. Чемберлен писал А. Милнеру: «Война, по меньшей мере, стоит миллион ф. ст. в неделю. В Англии почти не осталось войск, — к счастью, мы можем рассчитывать на флот,

но если бы было предпринято вторжение в метрополию, я не знаю, как бы мы могли ему противостоять. Если в течение долгого времени не будет перелома в войне, то я думаю, что народное недовольство примет серьезные размеры и будет угрожать существованию правительства, несмотря на то, что оно располагает огромным большинством мест в парламенте» [114, т. 4, стр. 28].

Несмотря на желание скорее завершить войну, правящие круги продолжали требовать безусловной капитуляции буров и аннексии республик: в марте 1900 г. Р. Солсбери категорически отверг предложение П. Крюгера и М. Штейна о заключении мира на основе признания Англией независимости республик [53, т. 80, стр. 700—702]. По той же причине не увенчались успехом переговоры Луиса Боты с Г. Китченером о заключении мира, состоявшиеся в феврале—марте 1901 г. в Мидделбурге.

Проявленное бурскими партизанами упорство в войне против английских захватчиков побудило английских империалистов искать путей для сговора с лидерами буров. Но непременным условием сговора по-прежнему оставалось признание бурами аннексии Англией республик. Эдуард VII и Р. Солсбери сочли теперь необходимым пообещать бурам ввести самоуправление в бывших бурских республиках и уравнивать буров в правах с проживавшими там англичанами [53, т. 89, стр. 27]. По мнению Г. Китченера, английскому правительству следовало уже тогда гарантировать бурам денежную компенсацию за реквизированное у них во время войны продовольствие, субсидию для восстановления разгромленных ферм, амнистию сражавшимся против англичан бурам [114, т. 4, стр. 31—32, 56].

В начале 1902 г. многие партизаны тоже стали склоняться к мысли о сговоре с английскими захватчиками. К этому времени дальнейшая вооруженная борьба буров была уже бесперспективной. Английские войска разграбили и сожгли множество бурских ферм, захватили почти весь принадлежавший бурам скот, а также запасы продовольствия. Сражавшиеся буры были обречены на голод, а загнанные в концентрационные лагеря бурские женщины и дети — на вымирание. Тяжесть положения бурских партизан усугублялась тем, что на них нападали и их истребляли ненавидевшие бурских колонизаторов африканцы. Возможность дальнейшего сопротивления буров английским захватчикам была исчерпана.

9 апреля 1902 г. виднейшие военные и политические деятели бурских республик собрались в Клерксдорпе на совещание по вопросу о целесообразности заключения мира и о его условиях. В совещании приняли участие представлявшие Южно-Африканскую Республику вице-президент Схалк-Бюргер, генералы Луис Бота, Дж. Х. Деларей, государст-

венный секретарь Ф. В. Рейтц, государственный прокурор Л. Якобс, а также Л. Мейер и Я. Крэг; Оранжевую Республику представляли президент М. Штейн, государственный секретарь В. Бребнер, судья Я. Герцог, генералы Х. Девет и К. Оливер. На совещании было принято решение начать переговоры с лордом Г. Китченером о заключении мира. Участники совещания постановили, что условия мира должны предусматривать признание Англией независимости бурских республик, заключение между ними и Англией вечного союза, а также соглашений о таможах, почте, телеграфе и железнодорожном транспорте. Они соглашались на «установление равных прав в народном образовании для английского и голландского языков» и требовали, чтобы в будущем все англо-бурские разногласия передавались на рассмотрение суда, создаваемого заинтересованными сторонами на равных правах. Они требовали, чтобы мирный договор предусматривал также амнистию всех буров, участвовавших в войне против Англии.

После совещания в Клерксдорпе представители бурских республик направились в Преторию для встречи с Г. Китченером. Она состоялась 12 апреля 1902 г. Г. Китченер отверг предложенные представителями буров условия мира, так как английское правительство отдало ему распоряжение «не обсуждать предложений, не признающих аннексию бурских республик Англией» [114, т. 4, стр. 57]. Но бурские представители заявили, что они не имеют права решать вопрос о ликвидации этих республик и что решение его зависит от воли бурского народа. Они попросили перемирия для обсуждения этого вопроса на сходах сражавшихся буров. Они пытались также выяснить, какие права предоставила бы Англия бурам в случае признания ими аннексии республик. Требуя от буров максимальных уступок, Д. Чемберлен 16 апреля 1902 г. телеграфировал А. Милнеру: «В дальнейших переговорах с бурскими лидерами вы должны стремиться как можно дольше не раскрывать своих карт и не давать им абсолютно никаких обещаний... Дата предоставления им самоуправления не может быть точно определена» [114, т. 4, стр. 58—59].

18 апреля 1902 г. генералы Х. Девет, Луис Бота и Дж. Х. Деларей покинули Преторию и, разъехавшись по различным округам, приступили к проведению собраний партизанских отрядов для выяснения отношения сражавшихся буров к требованию Англии о признании ими аннексии бурских республик. На проведенных собраниях было решено настаивать на признании Англией независимости бурских республик и были избраны уполномоченные для проведения переговоров о заключении мира [87, стр. 377—379]. В середине мая 1902 г. на совещании бурских уполномоченных в Ференингинге было принято решение приступить к переговорам о заключении мира:

Выступая за прекращение вооруженной борьбы, вице-президент Схальк-Бюргер, генералы Л. Бота, Я. Х. Смэтс и Дж. Х. Деларей утверждали, что продолжение ее было бы бесперспективным, так как у буров теперь не было надежд на всеобщее восстание африканеров Капской колонии и Натала и на помощь великих держав. За продолжение войны выступал лишь генерал Х. Девет [114, т. 4, стр. 60]. Участники совещания направили генералов Луиса Боту, Х. Девета, Я. Х. Смэтса, Дж. Х. Деларея и судью Я. Герцога в Преторию для дальнейших переговоров с Г. Китченером о заключении мира.

Во время переговоров в Претории бургские представители, отказавшись от требования полной независимости, соглашались на сохранение контроля со стороны Англии над внешней политикой обеих республик и на предоставление самоуправления району Витватерсранда. Однако они добивались амнистии для всех сражавшихся буров, а также восставших против английского господства африканеров. Категорически настаивая на признании бурами аннексии республик Англией, Г. Китченер считал целесообразным согласиться на удовлетворение некоторых требований буров. Большинство членов английского правительства разделяло ту же точку зрения, что и Г. Китченер; А. Милнер же продолжал настаивать на безусловной капитуляции буров.

27 мая 1902 г. Д. Чемберлен телеграфировал в Преторию условия мира. Они предусматривали: признание бурами аннексии Англией территории Южно-Африканской Республики и Оранжевой Республики, предоставление Англией бурам субсидии в размере 3 млн. ф. ст. для восстановления разрушенных ферм, разрешение применения языка африкаанс в школах и судах, учреждение административных органов в качестве первого шага по пути введения самоуправления, лишение избирательных прав африканеров, участвовавших в антианглийском восстании.

28 мая эти условия были сообщены бургским представителям, которые доставили их в Ференигинг на рассмотрение совещания уполномоченных. Луис Бота и Дж. Х. Деларей выступили за заключение мира на предложенных английским правительством условиях; за принятие их проголосовало подавляющее большинство участников совещания. Присутствовавший в Ференигинге М. Штейн сложил с себя полномочия президента Оранжевой Республики. 31 мая 1902 г. в Претории был подписан мирный договор.

Огромное превосходство английских вооруженных сил в Южной Африке в живой силе и в технике, отказ большинства буров от участия в партизанской войне и большинства африканеров от участия в антианглийском восстании, фактический отказ держав от помощи бургским республикам предрешили

их военное поражение. Столетняя ожесточенная борьба английских и бурских колонизаторов за господство в Южной Африке привела к победе империалистической Англии, располагавшей ресурсами огромной колониальной империи. Желая приблизить победу, английское правительство и командование использовали в войне против буров не только мощные вооруженные силы, но и зверские способы ведения войны. Англия «ведет войну с максимальной жестокостью и минимальной гуманностью», — справедливо отмечал в английском парламенте депутат Стречи [53, т. 98, стр. 749]. По мнению Х. Девета, «способы ведения войны Англией в Южной Африке были ужасными, противоречащими всем принципам цивилизации» [87, стр. 72].

Нарушая подписанные Англией международные договоры о правилах ведения войны — С.-Петербургскую конвенцию от 1868 г. и Гаагскую декларацию от 1899 г., запрещавшие применение разрывных пуль, английское правительство и командование снабжали действовавшие в Южной Африке британские войска разрывными пулями дум-дум. Британские войска использовали их в сражениях при Гленко, Эландслакте, Николсонс-Неке.

Демократические силы Англии решительно осуждали применение британскими войсками пуль дум-дум. О применении англичанами этих пуль с возмущением писала пресса многих стран. Гневные голоса протеста против применения англичанами пуль дум-дум звучали на многочисленных враждебных Англии митингах во Франции, Бельгии, Голландии, Германии, США и в других странах [144, стр. 47—48; 20, д. 74, приложение «Le Petit Bleu» 22.XI.1899]. Не отвергая факта использования английскими войсками этих пуль, правящие круги Англии пытались утверждать, что применение их не являлось нарушением С.-Петербургской конвенции, поскольку Южно-Африканская Республика не участвовала в ее подписании [53, т. 80, стр. 22—23].

Несмотря на широкое осуждение применения английской армией разрывных пуль, правительство Р. Солсбери не запретило их использования. Оно ограничилось тем, что в ноте от 13 января 1900 г. объявило о своем решении прекратить производство разрывных пуль [20, д. 74, Приложение].

Антигуманным способом ведения войны Англией была также «политика опустошения». Английское правительство и командование приступили к ее проведению в середине 1900 г. в связи с тем, что после занятия английскими войсками Претории тысячи буров не сложили оружия и развернули партизанскую войну. «Политика опустошения» выразилась в массовом сожжении и в конфискации британскими войсками и военными властями принадлежавших сражавшимся бурам ферм и другого имущества [53, т. 89, стр. 90]. Она была «рас-

считана на то, чтобы сделать дальнейшее сопротивление буров невозможным» [53, т. 104, стр. 403].

Переход к этому способу ведения войны был осуществлен войсками лорда Метуэна, которые по приказу лорда Ф. Робертса стали сжигать бургские фермы, расположенные на десятикилометровой полосе вдоль железных дорог и используемые бургскими партизанами в качестве опорных пунктов для борьбы против английских войск [53, т. 89, стр. 192, 260—261]. Тем самым английский главнокомандующий фактически санкционировал полнейший произвол английских захватчиков в бургских республиках.

Х. Девет отмечал, что приказ Ф. Робертса «был приведен в исполнение не только на указанном расстоянии, но и по всей стране. Дома сжигались до основания или взрывались динамитом... Мебель, всевозможные домашние вещи, а также семена и корм — все предавалось пламени, а скот — овцы, быки и лошади — уводился... Опустошение росло с каждым днем, принимая все более и более отвратительные размеры...» [87, стр. 258—259].

Во второй половине 1900 г. английские войска сожгли множество бургских ферм, в частности, в дистриктах Яггерсфонтейн и Потчестром. Города Ботавилл и Винтерсбург были сожжены войсками, которыми руководил генерал Хантер; бургские жилища, расположенные вблизи этих городов, также были преданы огню [53, т. 89, стр. 404]. По сведениям, сообщенным в парламенте Д. Чемберленом, английские войска к началу 1901 г. разгромили и сожгли 634 фермы [53, т. 104, стр. 576]. Выступая в марте 1902 г., Д. Чемберлен говорил уже о «тысячах сожженных ферм» [53, т. 104, стр. 434—435]. Английские завоеватели сожгли, в частности, дом, в котором жили жена, дети и родственники бургского команданта Д. Герцога. Захватив членов его семьи, англичане отправили их в лагерь для военнопленных, расположенный близ Порт-Элизабет, где восьмилетний мальчик Джеймс Герцог умер от воспаления легких. Извещение о его смерти гласило: «В Порт-Элизабет умер военнопленный Д. Герцог в возрасте 8 лет» [53, т. 89, стр. 1240].

Один из участников разгрома бургских ферм — лейтенант канадской артиллерийской части Моррисон — оставил следующее описание сожжения ферм английскими захватчиками: «По пути следования мы предали сожжению территорию на 6 миль вокруг, разгромили деревню Вилпорт и цветущий город Даллстром. Наш отряд оставил позади себя огонь и дым, которые можно было наблюдать из Белфаста... Я видел, как из домов выбегали женщины и дети, как из окон выбрасывали их одежду. Кавалеристы быстро удалились, а несчастные женщины и дети, крайне перепуганные нашим внезапным налетом, продолжали стоять во дворах или садах, беспомощ-

по наблюдая, как их дома исчезают в огне и в дыму» [53, т. 89, стр. 193].

Английские войска истребляли бурские посеы и отнимали у буров скот, обрекая их на голод. В тех случаях, когда английские войска не имели возможности угнать скот с собой, они истребляли его [37, вып. 20, 1903, стр. 90—91]. «Англичане бесцельно распоряжались нашим имуществом... убивали скот, разоряли жилища»,— писал Х. Девет [87, стр. 6]. Г. Китченер, сменивший в начале 1900 г. Ф. Робертса на посту главнокомандующего английскими войсками в Южной Африке, с чрезвычайной энергией проводил политику опустошения. В ноябре 1901 г. А. Милнер сообщил Д. Чемберлену о том, что Г. Китченер достиг больших успехов в борьбе против партизан, добился значительного сокращения их численности, опустошил многие дистрикты, лишив буров возможности получать продовольствие и военное снаряжение [114, т. 4, стр. 44—45].

«Политика опустошения» угрожала бурам полным разорением и ликвидацией экономической основы их господства в этих республиках. Она была направлена не только против сражавшихся буров, но также против мирного бурского населения — женщин, детей, стариков. Этот способ ведения войны означал нарушение английским правительством и командованием очень важного принципа международного права, согласно которому война должна вестись только против вооруженных сил, но не против мирного населения противника.

Грубым нарушением этого принципа явилось также создание в 1900 г. английским командованием в Южной Африке концентрационных лагерей для женщин, детей, стариков — членов семей сражавшихся буров. Создавая эти лагеря, английское командование хотело предотвратить оказание мирным бурским населением помощи партизанам, а также использовать заключенных в качестве заложников и тем самым заставить партизан прекратить дальнейшее сопротивление [53, т. 104, стр. 420, 436].

Г. Китченер в конце 1900 г. сообщил генералу Л. Боте, что английское командование откажется от организации концентрационных лагерей только в том случае, если партизаны не будут привлекать мирное население к соучастию в войне. Но Л. Бота не пошел на такое соглашение [53, т. 104, стр. 436]. Правящие круги Англии в дальнейшем использовали этот отказ для необоснованных обвинений Л. Боты в том, что он был повинен в создании в Южной Африке концентрационных лагерей [53, т. 104, стр. 436].

К апрелю 1901 г. концентрационные лагеря уже существовали в Барбертоне, Хейделбурге, Йоганнесбурге, Клерксдорпе, Мидделбурге, Почефстроме, Стандертоне, Ференингинге, Фолксрюсе, Мафекинге, Айрине [53, т. 92, стр. 895—

896]. К концу 1901 г. в этих лагерях находилось около 150 тыс. человек [53, т. 104, стр. 368]. По данным Уокера, в конце войны в них были заключены около 110 тыс. буров и около 100 тыс. африканцев [266, стр. 505].

Условия жизни в концентрационных лагерях были ужасными: лагеря были до крайности перенаселены, их обитатели не имели ни элементарных бытовых удобств, ни доброкачественной воды и пищи, ни необходимой одежды, ни медицинской помощи. Об этом свидетельствовали посетившие эти лагеря английские врачи Кендэл Фрэнк, Пратт Юл, Тернер и многие другие очевидцы. В гейдельбургском концентрационном лагере положение заключенных «было достойно чрезвычайной жалости... У них не было даже матрацев и одеял» [53, т. 104, стр. 405].

Англичане обращались с обитателями всех концентрационных лагерей, как с осужденными. Им запрещалось покидать территорию лагеря. Некоторые лагеря были огорожены колючей проволокой [53, т. 104, стр. 406—408]. Узников зачастую подвергали наказаниям. Наиболее распространенной мерой наказания «провинившихся» был перевод их на половину и без того крайне скудного рациона. Этому наказанию подвергали не только «провинившихся» взрослых, но и их детей [53, т. 104, стр. 406—408]. В концентрационных лагерях свирепствовали тиф, пневмония, горловые и другие болезни. Смертность была огромной: в течение одного года — с января 1901 г. по январь 1902 г. — скончалось 2484 взрослых и 14 284 ребенка [64, стр. 28, 402]. В ноябре 1901 г. в лагере Мафекинг из 4 тыс. узников были больны около 2 тыс. человек. В октябре и ноябре 1901 г. в этом лагере скончались около 500 человек [87, стр. 414—417, 486]. В апреле 1901 г. в Йоганнесбургском лагере умерло 68% находившихся там детей в возрасте до 8 лет. В апреле, мае и июне 1901 г. в лагере Айрин умерли 1139 детей моложе восьми лет [26, оп. 929, д. 10, лл. 187—188]. Вдова генерала П. Жубера, посетившая в ноябре 1901 г. лагерь Айрин, писала: «Я убедилась, что бедствия там действительно безгранично велики... Люди мрут с голоду, чахнут от горя и истощения...» [37, вып. 20, 1903, стр. 138—139].

По мере создания концентрационных лагерей в Англию стали поступать сведения об отчаянном положении загнанного в них мирного бурского населения. Однако английское правительство не приняло необходимых срочных мер для улучшения положения узников. Оно ограничилось лишь образованием по назначению военного министра «Дамского комитета» для обследования условий их жизни. В состав этого комитета вошли шесть человек во главе с г-жой Фоусетт. На образование комитета ушел целый месяц, в течение которого в лагерях умерли 576 детей. Поездка членов комитета из

Лондона в Южную Африку заняла еще один месяц, в течение которого погибло еще 1545 детей [53, т. 104, стр. 430]. Прибыв в Южную Африку, члены комитета посетили 33 лагеря; они беседовали с обитавшими там узниками и выявляли их неотложные нужды [53, т. 104, стр. 421—422]. Однако деятельность «Дамского комитета» была неэффективной. Она не привела к существенному улучшению жизни в лагерях. В ответ на жалобы узников на крайне тяжелые условия их жизни английские власти обычно обещали немедленно освободить заключенных, если они сумеют «склонить своих мужей, сыновей, братьев и прочих родственников к прекращению военных действий» [26, 1895, д. 1, л. 138].

В связи с отчаянным положением узников в концентрационных лагерях в Претории был создан женский бурский комитет. Он обратился к находившемуся в Претории консульскому корпусу с жалобой на тяжелые условия жизни узников и с просьбой о вмешательстве консулов в их защиту. Эта жалоба была доведена консулами до сведения главнокомандующего лорда Г. Китченера; однако английские военные власти не приняли никаких мер, улучшающих положение узников. Это побудило женский бурский комитет повторить свою жалобу. В ответ на это в Претории, по решению консульского корпуса, была создана комиссия в составе французского, германского, португальского и австро-венгерского представителей для расследования положения заключенных в лагерях. Выполнив эту работу, комиссия в середине 1901 г. представила консульскому корпусу отчет, свидетельствующий о тяжелом положении узников [26, 1895, д. 1, л. 138]. Но и консульская комиссия не добилась улучшения условий их жизни, ибо правительства держав уклонились от вмешательства в этот вопрос.

«Политика опустошения» и создание концентрационных лагерей вызвали решительное осуждение в Англии со стороны Социал-демократической федерации, Независимой рабочей партии, прогрессивных тред-юнионистских деятелей, ирландских социалистов, ирландских буржуазных националистов [53, т. 89, стр. 1145—1155]. Левые либералы также сначала выступили с осуждением жестоких способов ведения войны Англией. Однако в дальнейшем они отказались от осуждения «политики опустошения» и ограничились лишь требованием о безотлагательном улучшении условий жизни буров, заключенных в концентрационных лагерях [53, т. 104, стр. 402—412, 426—430]. Жестокие способы ведения войны Англией вызвали массовое осуждение в европейских странах.

Английские правящие круги тщетно стремились доказать необходимость «политики опустошения» и создания концентрационных лагерей. Так, например, Д. Чемберлен и Д. Бродрик утверждали, будто сожжение бурских ферм

было неизбежной мерой в борьбе против бурских партизан [53, т. 89, стр. 1269—1273]. К тому же Д. Бродрик фарисейски заявлял, что заключение бурских женщин и детей в концентрационные лагеря было выражением заботы о них со стороны Англии [53, т. 95, стр. 592]. Д. Чемберлен пытался уверить всех в том, что цель создания концентрационных лагерей — это защита бурских женщин, детей и стариков от насилий со стороны африканцев [53, т. 104, стр. 434—435]. Уинстон Черчилль, выступая в палате общин 18 февраля 1901 г., полностью пренебрегая фактами, заявил, что англичане воюют в Южной Африке «необычайно гуманно и благородно» [53, т. 89, стр. 408].

Следует отметить, что условия жизни в английских лагерях для военнопленных буров тоже были очень тяжелыми. К концу войны в этих лагерях находилось около 32 тыс. буров [266, стр. 505]. Многие пленные были отправлены англичанами в лагеря, созданные в Индии, на Бермудских островах, на о. Св. Елены. Среди пленных, отправленных на о. Св. Елены, находились, в частности, П. Кронье и руководитель немецких добровольцев — полковник А. Шиль.

В лагере на о. Св. Елены не хватало палаток, постелей и пр.; многие пленные, среди которых были дети и старики, жили под открытым небом [293, т. 4, 1900, № 12, стр. 377]. Военнопленные, находившиеся в расположенном близ Бомбея лагере Ахмед-Нагар, содержались под строжайшим контролем. Среди военнопленных, находившихся в лагере Ахмед-Нагар и на Бермудских островах, было много бурских детей и подростков в возрасте от 10 до 16 лет [53, т. 104, стр. 165].

ОРГАНИЗАЦИЯ АНГЛИЙСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ ПОСТАВОК В ДЕЙСТВУЮЩУЮ АРМИЮ

Уже в начале войны командование английской действующей армии стало требовать от военного министерства присылки в Южную Африку крупных воинских контингентов, ветеринарных врачей, артиллерийских орудий и другого вооружения, а также лошадей, мулов и пр. Эти требования были вскоре удовлетворены. Но в организации английским правительством поставок для действующей армии обнаружились существенные недостатки [26, 1895, д. 1, л. 106; 53, т. 104, стр. 844].

Поставки вооружения для действующей английской армии находились в ведении Армейского департамента вооружений, возглавлявшегося полковником Бэйнбриджем. Ему были подчинены принадлежавшие государству заводы по производству орудий и лафетов и мастерская по производству амуниции в Вулвике, мелкие оружейные заводы в Энфилд Локе и в Бирмингеме, фабрика по производству поро-

ха в Уотгэм Эбби, суконная фабрика в Пимлико. В связи с войной численность рабочих, занятых на этих предприятиях, возросла с 18 948 человек в 1899 г. до 25 360 человек в 1901 г.; стоимость продукции, выпускавшейся этими предприятиями, поднялась с 3159 тыс. ф. ст. в 1898/99 г. до 4853 тыс. ф. ст. в 1900/01 г. [115, т. 6, стр. 448—449]. Однако количество продукции, поставляемой этими предприятиями, было далеко не достаточным для удовлетворения потребностей действовавшей армии. Вследствие этого очень большие правительственные заказы на поставку вооружения, амуниции и других товаров были размещены в частных промышленных предприятиях. Большие поставки для действующей армии выполняли также служба ремонта и интендантская служба военного министерства.

О размерах поставок, осуществленных за время войны для действующей английской армии, можно отчасти судить по следующим данным: с октября 1899 г. по июнь 1902 г. Транспортный департамент адмиралтейства, руководимый контр-адмиралом Э. Чичестером, доставил в Южную Африку 93 500 палаток, 1 246 600 одеял, 1997 тыс. пар ботинков, 339 323 лошади, 103 тыс. мулов, 76 100 седел, 3772 тыс. подков, более одного миллиона тонн продовольствия, фуража и т. д. [115, т. 6, стр. 292—293, 448—452].

В октябре 1899 г. в распоряжении английских войск в Южной Африке было только 15 тыс. лошадей. Уход за ними был организован плохо. В действующей армии не хватало ветеринарных врачей; каждый из служивших там ветеринаров должен был обслуживать 1200 верховых животных. Падение лошадей и мулов от голода и эпизоотии был весьма значительным [53, т. 94, стр. 1271—1273].

24 февраля 1900 г. главнокомандующий лорд Ф. Робертс телеграфировал из Паардеберга правительству в Лондон: «Пожалуйста, организуйте быстро доставку лошадей в большом количестве для артиллерии, кавалерии и конных стрелков. Без них я ничего не смогу сделать в этой стране». 9 марта 1900 г. он повторил свою просьбу в телеграмме, отправленной из Поплар Гроув [53, т. 104, стр. 848].

В годы войны английские власти купили для действующей армии много лошадей и других верховых животных. В Южной Африке было приобретено более 120 тыс. лошадей. Но еще больше их было куплено в Канаде, США, Австралии, Индии, в Австро-Венгрии, Аргентине и других странах. С 1 января 1898 г. до начала марта 1902 г. в Южную Африку по контрактам, заключенным британским военным министерством и адмиралтейством, а также правительствами доминионов и властями колоний, было доставлено более 293 тыс. лошадей и около 97 тыс. мулов [53, т. 104, стр. 152, 371]. С начала войны до конца 1901 г. на покупку лошадей для бри-

танских войск, находившихся в Южной Африке, служба ремонта израсходовала 15 млн. ф. ст. [53, т. 103, стр. 1272—1273]. Вследствие упущений, имевших место по вине этой службы, руководимой генерал-майором Трумэнном, значительная часть указанной выше огромной суммы была фактически расхищена. Многие правительственные агенты, поставлявшие лошадей, продовольствие и другое снабжение для действующей армии, занимались взяточничеством, воровством и спекуляцией: они за взятку покупали животных без учета их качеств по крайне высоким ценам. Такие преступные сделки были совершены не только в Англии и в Ирландии, но также в США, Аргентине, Австралии, Австро-Венгрии, Испании и других странах. Так, например, английский полковник Сен-Квинтин купил в Австро-Венгрии 3800 лошадей низкого качества по баснословной цене 29 ф. ст. за лошадь [53, т. 103, стр. 846—848]. За доставку этих лошадей из Фиуме в Южную Африку была взята непомерно высокая плата в размере 26 ф. ст. 3 шилл. 4 пенса за каждую лошадь [53, т. 103, стр. 851]. Майор британской армии Петерс был повинен в злоупотреблениях, допущенных им при закупке лошадей в Аргентине. Несмотря на то что доставка верховых животных в Южную Африку стоила дорого, она зачастую была скверно организована: животных плохо кормили, отсутствовал необходимый ветеринарный надзор. Многие из доставленных в Южную Африку животных были непригодны для использования, значительная часть их пала.

Огромные барыши наживали также поставщики мяса. Особенно наживалась на снабжении мясом британских войск «Южно-Африканская и австралийская холодильная К°». Она покупала мясо по цене 3 пенса за 1 фунт, расходовала около 2 пенсов на доставку его войскам и продавала по 11 пенсов за 1 фунт, получая прибыль в размере 6 пенсов с каждого фунта мяса [53, т. 103, стр. 559—560]. Покупая в Сиднее говядину по 2,75 пенса за фунт и баранину по 1,75 пенса за фунт, подрядчик мистер Биргль поставлял их в действовавшую армию по цене 5,5 пенса, 7 пенсов и 11 пенсов за фунт [53, т. 103, стр. 846—849]. Большие хищения были допущены при поставках для действующей армии вина и спирта, на покупку которых правительство израсходовало около 1 млн. ф. ст.

Скверная работа службы ремонта и интендантской службы военного министерства, вопиющие хищения и спекуляция, процветавшие при поставках в действующую армию верховых животных, продовольствия и предметов первой необходимости, явились неиссякаемым источником нападок в парламенте со стороны оппозиции и многих консерваторов на правительство Р. Солсбери, в особенности на Г. Ленсдауна, занимавшего до октября 1900 г. пост военного

министра, и на сменившего его Д. Бродрика. Из множества речей, произнесенных в парламенте по этому вопросу, остановимся на двух наиболее ярких.

Выступая в палате лордов 20 февраля 1902 г., лорд Каррингтон потребовал расследования вопроса о заключении правительством Р. Солсбери контрактов на поставку для британских войск в Южной Африке мяса, одежды, вина, медикаментов, лошадей, фуража и т. п. С резкой критикой деятельности службы ремонта и интендантской службы выступил также лорд Твидмаут. Он потребовал создания обеими палатами парламента объединенной комиссии для расследования всех заключенных с начала войны военным министерством сделок и контрактов о поставках для находившихся в Южной Африке британских войск.

Опасаясь позорных для правительства разоблачений, премьер Р. Солсбери решительно выступил против требования об образовании такой комиссии. Он заявил, будто расследование «дезорганизовало бы работу общественных учреждений и парализовало бы военные действия» [53, т. 103, стр. 886]. С целью замазать скандальные факты он предложил расследовать злоупотребления, допущенные агентами службы ремонта и интендантской службы, после окончания войны [53, т. 103, стр. 886]. Защищая правительство и оправдывая свою собственную деятельность, Г. Ленсдаун заявил, что не следует уделять внимания вопросу о том, сколь велика прибыль, получаемая поставщиками для действующей британской армии, а надо выяснить, была ли каждая из заключенных правительством с поставщиками сделок наилучшей из всех возможных [53, т. 103, стр. 564—569]. Ясно, что попытка выяснить это была бы нереальной.

Д. Бродрик также старался не допустить создания парламентской комиссии для расследования многочисленных злоупотреблений, допущенных службой ремонта и интендантской службой [53, т. 105, стр. 10—11]. Выступая в палате общин 4 марта 1902 г., Д. Бродрик отметил, что война в Южной Африке потребовала от Англии очень больших усилий, вследствие чего «имели место поспешные покупки... по слишком высоким ценам»; желая оправдать эти злоупотребления военного министерства, Д. Бродрик выразил уверенность в том, что «палата общин возражала бы, если бы, вследствие высоких цен, необходимое снабжение не было бы доставлено туда, где в нем была нужда» [53, т. 104, стр. 370].

подавляющее большинство членов палаты лордов поддержало правительство в его стремлении замазать вопрос о вопиющих недостатках в работе службы ремонта и интендантской службы. 24 февраля 1902 г. палата лордов 88 голосами против 25 отвергла предложение лорда Твидмаута об образовании парламентской комиссии для рассле-

дования всех контрактов и закупок военного министерства для снабжения британских войск в Южной Африке во время войны [53, т. 103, стр. 885—888]. Желая положить конец обсуждению в парламенте позорящих правительство фактов взяточничества, воровства, спекуляции и других злоупотреблений при поставках для действующей армии, лорд-канцлер граф Холсбери обвинил всех лордов, выступивших с разоблачениями, в отсутствии патриотизма, в «стремлении дискредитировать правительство и убедить буров в том, что в Англии есть большая партия, которая хочет им помочь» [53, т. 105, стр. 144—147]. Холсбери утверждал, будто критика деятельности правительства со стороны членов оппозиции содействует продлению войны, скорейшего окончания которой добивалось правительство [53, т. 105, стр. 144—147]. Итак, пытаясь предотвратить дальнейшее падение своего престижа, правительство Р. Солсбери не допустило расследования парламентом фактов хищения и спекуляции, свидетельствовавших о коррупции органов государственного управления.

ОТНОШЕНИЕ АФРИКАНЦЕВ И АФРИКАНЕРОВ К АНГЛО-БУРСКОЙ ВОЙНЕ

Вопрос об отношении коренного населения Южной Африки к англо-бурской войне 1899—1902 гг. почти не исследован. Буржуазные ученые, игнорируя историю африканских народов, не уделили ему внимания. Господство расистского режима в Южно-Африканской Республике препятствует изучению истории этих народов, в частности интересующего нас вопроса, прогрессивными представителями немногочисленной африканской интеллигенции. Мы, к сожалению, располагаем скудными источниками для его изучения. Некоторые сведения об отношении коренного населения Южной Африки к войне содержатся в прессе тех лет, в парламентских речах английских политических деятелей, в мемуарной литературе и в книге «Банту в прошлом и в настоящем», автор которой С. М. Молема происходил из племени баролонгов [226]. Отметим, что сообщаемый С. М. Молемой фактический материал является несколько односторонним, так как С. М. Молема умолчал о враждебном отношении подавляющего большинства африканцев к английским и бургским колонизаторам и необоснованно утверждал, что коренное население Южной Африки всегда было преисполнено дружелюбием по отношению к англичанам и самоотверженно помогало им в войне за захват бургских республик [226, стр. 291]. Имеющиеся в нашем распоряжении сведения опровергают это мнение. Перейдем к их рассмотрению.

Накануне войны Д. Чемберлен высказывал опасение, что африканцы Капской колонии и Наталя воспользуются оже-

сточенной борьбой между англичанами и бурами и восстанут против английского господства [53, т. 75, стр. 703]. Власти Капской колонии тоже боялись массового восстания африканцев в случае возникновения войны. Англо-бурская война тяжело отразилась на положении африканского населения бурских республик: многие краали были разрушены; в результате разгрома англичанами бурских ферм и резкого сокращения добычи золота множество африканских батраков и рабочих осталось без работы. Они были обречены на голод и нищету. Если к началу войны на приисках Витватерсранда трудились около 100 тыс. африканцев, то к ее окончанию — только около 30 тыс. африканцев. Их и без того низкая заработная плата была уменьшена почти на $\frac{1}{3}$ [114, т. 4, стр. 330].

Во время войны правительство Р. Солсбери не оказало никакой помощи африканскому населению бурских республик, пострадавшему от военных действий. Д. Чемберлен цинично заявил в парламенте, что правительство «не располагало информацией, указывающей на необходимость принятия специальных мер для оказания помощи туземцам» [53, т. 95, стр. 260].

Резкое ухудшение положения коренного населения Южной Африки во время войны усиливало угрозу его выступления против колонизаторов. Отмечая враждебное отношение подавляющего большинства африканцев к бурам и англичанам, Г. Тил писал: «Туземные племена... численностью превосходящие европейцев в пропорции 6:1, с удовлетворением смотрят на смертельную вражду между англичанами и бурами... Туземцы не любят ни англичан, ни буров...» [261, стр. 444]. В. Дж. Лейдс тоже подчеркивал враждебное отношение африканцев к европейским колонизаторам [200, стр. 113]. По мнению Э. Галеви, африканцы «таили в себе глухую вражду к белым того и другого лагеря» [83, стр. 81]. Г. Гайндман утверждал, что африканцы «были бы рады, если бы в результате этой войны исчезли и буры и англичане» [291, 20.VII.1901].

Английские колонизаторы, с полным на то основанием, считали, что в случае антианглийского восстания африканцев Капской колонии и Натала и массового участия африканцев на стороне буров победа Англии в этой войне практически была бы невозможной [291, 11.VIII.1900]. Они опасались, что буры будут подстрекать африканцев Капской колонии и Натала к восстанию против английского господства и привлекать африканцев бурских республик к участию в войне против Англии. В свою очередь, буры боялись, что англичане поднимут на борьбу и привлекут к участию в войне против буров африканское население Южно-Африканской и Оранжевой республик. В этом случае сопротивление буров английским агрессорам было бы сломлено в кратчайший срок.

Вместе с тем английских и бурских колонизаторов страшила возможность роста освободительной борьбы африканцев против колониализма. Они опасались, что если африканцы получат оружие, то используют его для борьбы за освобождение от колониального гнета «белых». Эти соображения заставили английских и бурских колонизаторов в основном воздержаться от вооружения африканцев и от широкого привлечения их к участию в военных действиях.

Правительство Р. Солсбери дало соответствующее указание английскому командованию. «Тем самым мы, без сомнения, очень многим пожертвовали,— утверждал по этому поводу Д. Чемберлен.— Если бы мы захотели, мы имели бы по 20 тыс. басутских всадников на флангах буров, а также крупные вооруженные отряды африканцев в Капской колонии или в любом другом месте. Но мы обдуманно отказались от преимущества, которое мы могли бы таким образом немедленно получить... Мы не сомневаемся в том, что туземцы могли бы быть с успехом использованы в качестве солдат на поле боя в войне против буров; но, учитывая сложившуюся в Южной Африке обстановку, мы сочли нецелесообразным привлекать африканцев к участию в военных действиях» [53, т. 98, стр. 1123—1124]. А. Бальфур тоже отмечал, что правительство Р. Солсбери с начала войны решило не вооружать и не привлекать к участию в ней африканцев. «С общего молчаливого согласия было решено, что война будет вестись между двумя заинтересованными европейскими нациями»,— заявил он [53, т. 79, стр. 57]. «Мы тщательно соблюдали свое решение не привлекать туземцев к активному участию в военных действиях»,— утверждал военный министр Д. Бродрик [53, т. 104, стр. 811]. Однако огромные трудности, с которыми английские и бурские колонизаторы столкнулись в этой войне, побудили их в ряде случаев отступить от этого намерения.

Желая сократить потери Англии в живой силе и приблизить победу над бурскими республиками, английское командование все же вооружило несколько тысяч африканцев и привлекло их к участию в войне. При этом Д. Чемберлен и Д. Бродрик заявили, будто, вооружая африканцев, англичане тем самым выражали заботу о них, помогая им защищаться от буров. Сообщив в палате общин, что английские военные власти в Южной Африке, с санкции правительства, вооружили часть басуто «для самозащиты их от буров», Д. Чемберлен сказал: «Я думаю, что от нас не будут требовать, чтобы мы рекомендовали басуто не защищаться, если буры нападут на них и сожгут их селения» [53, т. 98, стр. 1125]. Касаясь вопроса о вооружении английским командованием части африканского населения, Д. Бродрик сказал: «Хорошо известно, что трудности, с которыми столкнулся лорд Г. Китченер,

пытаясь не привлекать туземцев к участию в войне, оказались огромными вследствие того, что туземцы неоднократно подвергались нападению со стороны буров, и очень трудно было не допустить, чтобы туземцы не мстили тем, кто на них нападал» [53, т. 104, стр. 827].

Английское военное командование использовало африканцев, хорошо знавших местные условия, в качестве разведчиков, кучеров, проводников на гужевом транспорте, сторожей для охраны складов и железнодорожного пути [53, т. 98, стр. 1125]. Несколько тысяч вооруженных англичанами африканцев приняли участие в военных действиях, предпринятых англичанами для обороны Мафекинга во время осады его бурами.

В конце 90-х годов на юго-западе Мафекинга проживало около 6 тыс. баролонгов. Желая возложить на них оборону этой части города, англичане создали вооруженные отряды баролонгов, возглавленные вождями Весселсом, Лекоко и их помощниками Сайласом Молейой и Полем Монтсиоа. Боевыми действиями этих отрядов руководил штаб генерала Бэйдн-Пууэлла. Английское командование использовало баролонгов также в качестве связистов, которые поддерживали связь с находившимися к северу от Мафекинга английскими войсками во главе с генералом Пламером и сообщали англичанам сведения о расположении бурских войск вокруг города [226, стр. 280—282].

Вооруженные отряды баролонгов отбивали атаки буров.

Так, например, предпринятая бурами 25 октября 1899 г. попытка форсировать дорогу, ведущую в юго-западную часть Мафекинга, была отбита баролонгами, которые были допущены англичанами к артиллерийским орудиям. В другом бою—13 мая 1900 г.—баролонги разбили отряд буров численностью до 300 человек, вторгшийся в юго-западную часть Мафекинга. По данным С. М. Молемы, буры потеряли в этом бою 60, а баролонги—18 человек убитыми и ранеными; 108 буров были взяты баролонгами в плен.

После снятия осады с Мафекинга лорд Ф. Робертс уполномочил Ч. Парсонса и майора Хэнбери Трэсея поздравить баролонгов Мафекинга с победой, поблагодарить их за боевое сотрудничество с британскими войсками и вручить их вождям адрес. В этом адресе Ф. Робертс отметил лояльность баролонгов Мафекинга по отношению к Англии и поздравил их с «благополучным исходом мужественной защиты ими их жилищ и собственности от нашествия врага» [226, стр. 284]. По окончании войны английские колонизаторы хотели использовать участие баролонгов в обороне Мафекинга для того, чтобы и впредь заручиться их поддержкой. «Мы вместе воевали во имя общей цели,—заявил тогда глава гражданского мафекингского магистрата Бэлл,—мы достигли этой

цели и отныне не можем не испытывать чувство товарищества, которое ярко обнаружилось в только что миновавшие дни» [226, стр. 285]. Ту же мысль высказал Д. Чемберлен при посещении Мафекинга в начале 1903 г.: «Я счастлив,— заявил он,— что баролонги были лояльными по отношению к Англии и что они хорошо послужили ей в борьбе против ее врагов. Они являются друзьями англичан...» [114, т. 4, стр. 343].

Английское командование использовало вооруженных им африканцев также в сражении под Дорденпортом. В этом сражении в результате действий африканцев, погибло немало буров, в том числе член фолксраада Южно-Африканской Республики И. Х. Барнард [95, стр. 288]. В начале 1901 г. имели место случаи, когда английские власти с разрешения Г. Китченера вооружали в Натале зулусов племен динизулу и узибебу и подстрекали их нападать на буров [53, т. 94, стр. 1023]. В мае 1900 г. побуждаемые англичанами африканцы пытались совершать набеги из Родезии на территорию Южно-Африканской Республики. В августе того же года по подстрекательству англичан возникли волнения африканских племен в окрестностях Коматипорта [36, стр. 133]. В целом, однако, число африканцев, с оружием в руках сражавшихся на стороне английских захватчиков, было сравнительно невелико и достигало лишь нескольких тысяч человек [37, вып. 20, стр. 140].

Во время войны английскому командованию удалось подкупить некоторых африканцев и привлечь их к совершению диверсий — порче железнодорожного пути, организации крушения поездов, взрыву мостов и т. п. Кроме того, английское командование и местные власти принуждали африканцев под руководством и надзором английских специалистов и офицеров сооружать укрепления, ремонтировать железные и шоссейные дороги, строить склады, бараки и пр. В одной только Капской колонии на таких работах были использованы около семи тысяч африканцев [53, т. 104, стр. 803]. Условия принудительного труда африканцев на объектах, имевших военное значение, были очень тяжелыми. Вследствие этого африканцы старались уклониться от выполнения принудительных работ.

Привлечение английским командованием даже незначительного числа африканцев к участию в войне за захват бурских республик вызвало широкое осуждение как в Англии, так и за ее пределами. В Англии и консерваторы и либералы опасались, что, получив оружие, африканцы используют его для борьбы против колониального гнета [53, т. 94, стр. 1023]. Английские революционные социал-демократы и ирландские социалисты, являясь противниками захвата бурских республик, в свою очередь осудили привлечение английским коман-

дованием африканцев к участию в этой войне [53, т. 79, стр. 468—469]. Эта мера английского командования встревожила и германских империалистов, увидевших в вооружении англичанами нескольких тысяч африканцев подрыв устоев колониализма. Выступая в рейхстаге 1 марта 1900 г., д-р Боккель осудил английское командование за то, что оно «в войне против белых, против народа европейского происхождения, каким являются буры, вооружают различные дикие племена огнестрельным оружием... Отныне коренное черное население, враждебно относящееся ко всем белым, будет склонно к худшему виду грабежа и кровопролития»,— заявил он [67, т. 5, стр. 4378]. По мнению немецкого расиста — империалиста П. Рорбаха, привлечение английским командованием африканцев к войне против буров являлось весьма опасным актом, равноценным «самоубийству белой расы», ослабляющим господство белой расы в Южной Африке [241а, стр. 85].

Бурское командование также привлекло африканцев к участию в войне. Оно использовало их для фортификационных работ, перевозки артиллерийских орудий, ухода за лошадьми, в разведке, в качестве боевой силы [53, т. 94, стр. 1455]. Известно, что отряды африканцев сражались на стороне буров во время осады Мафекинга и при Ваал-Крантце [226, стр. 41—49, 282—283; 53, т. 94, стр. 1455]. Буры использовали вооруженных африканцев для несения сторожевой службы во время осады Ледисмита и привлекли около пяти тысяч банту к сооружению укреплений и рытью окопов вокруг Претории.

Во время войны правительство Южно-Африканской Республики широко использовало принудительный труд африканцев. В частности, оно предоставило право созданным тогда комитетам по сбору урожая привлекать к работе всех африканцев, работавших ранее на бурских фермах, которые во время войны остались без хозяев; в случае отказа африканцев от этой работы их подвергали телесным наказаниям, денежному штрафу, тюремному заключению. Прибывшие на помощь бурам иностранные санитарные отряды также использовали труд африканцев, которые помогали подбирать раненых, стирали белье и готовили пищу для раненых и для лечащего персонала, ухаживали за находившимися в распоряжении отрядов лошадьми и мулами.

Во время войны между английскими и бурскими колонизаторами развернулась упорная борьба за привлечение на свою сторону басуто, проживавших на территории Басутоленда, находившегося с 1868 г. под британским протекторатом. Англичане стали создавать вооруженные отряды басуто для борьбы против буров. Учитывая важное стратегическое значение Басутоленда и близость Блумфонтейна от его границ, буры в свою очередь пытались привлечь коренное на-

селение Басутоленда на свою сторону и не допустить его участия в военных действиях на стороне англичан. Президент М. Штейн в специальной прокламации, обращенной к басуто, призывал их не оказывать содействия англичанам [296, 7.XII. 1899]. Но коренное население Басутоленда не захотело поддержать ни английских, ни бурских колонизаторов. Используя поражения английских войск в первые месяцы войны, оно восстало против англичан. Английское командование опасалось, что восставшие басуто вторгнутся в Наталь и поставят действовавшие там против буров английские войска в тяжелое положение, принудив их вести борьбу на два фронта. Оно опасалось также вторжения восставших басуто в Капскую колонию и присоединения к ним ее африканского населения, среди которого, по данным переписи 1901 г., насчитывалось около 40 тыс. басуто [105, стр. 80]. Отметим, что восставшие басуто не примкнули к бурам для совместной борьбы против англичан. Более того. Проявляя враждебное отношение к бурским колонизаторам, они приняли меры против вступления бурских войск на территорию Басутоленда, сосредоточив крупные отряды на его границе с Оранжевой Республикой.

Подобно басуто, коренное население Зулуленда враждебно относилось к английским и бурским колонизаторам. Вследствие этого попытки как тех, так и других привлечь зулусов на свою сторону для участия в войне окончились провалом [53, т. 79, стр. 57—58]. Неудачной была также попытка буров поднять на борьбу против англичан коренное население Бечуаналенда, который с 1885 г. был протекторатом Англии, а в октябре 1899 г. был аннексирован Южно-Африканской Республикой [226, стр. 279—280; 239а, стр. 236—237].

Коренное население Свазиленда тоже не приняло участия в англо-бурской войне. Еще в 1894 г. Англия формально признала протекторат Южно-Африканской Республики над Свазилендом. В марте 1895 г. президент Крюгер в специальной прокламации объявил о распространении на Свазиленд законов возглавляемой им страны. Однако вскоре англичане стали бороться за захват Свазиленда. В начале второй половины 90-х годов им удалось захватить Замбаан и Умбегезу, присоединить их к Зулуленду и заручиться поддержкой со стороны верховного вождя свазиев Буну. Но в 1898 г. Буну бежал в Наталь, опасаясь расправы со стороны правительства Южно-Африканской Республики, обвинившего его в причастности к убийству ставленника буров — вождя Мбаба. Во время англо-бурской войны буры и англичане продолжали вести ожесточенную борьбу за обладание Свазилендом. Под давлением англичан бурской администрации пришлось покинуть Свазиленд, вскоре оказавшийся в огне вооруженной борьбы английских и бурских колонистов. Опасаясь враждеб-

ных действий со стороны коренного населения этой территории, английские власти стали проводить против свазиев массовые репрессии [200, стр. 318—375; 197, стр. 6—7; 53, т. 83, стр. 580].

Как видим, враждебное отношение подавляющего большинства коренного населения Южной Африки к английским и бурским колонизаторам определило то, что оно не приняло участия в англо-бурской войне. Жестокий колониальный гнет буров по отношению к африканцам исключил возможность широкой поддержки буров африканцами в войне против английских захватчиков и, следовательно, явился важной причиной поражения буров в этой войне. Аналогичной была причина, исключавшая возможность поддержки в этой войне большинством африканцев английских колонизаторов. Однако враждебное отношение подавляющего большинства африканцев к английским и бурским колонизаторам не вылилось в то время в массовое восстание за ликвидацию колониализма. Освободительная борьба коренного населения Южной Африки находилась еще на ранней стадии развития. Она была разрозненной, стихийной. Зарождавшийся африканский промышленный и сельскохозяйственный пролетариат не обладал еще ни классовым самосознанием, ни революционной партией и не был в состоянии возглавить массовую антиколониальную и антиимпериалистическую борьбу коренного населения Южной Африки.

Рассмотрим теперь вопрос об отношении африканеров к англо-бурской войне.

Накануне войны за захват бурских республик английские правящие круги были обеспокоены деятельностью африканеров, требовавших передела Южной Африки, ликвидации господства Англии в Капской колонии, Натале, Басутоленде, Бечуаналенде, Южной Родезии, захвата Свазиленда, объединения всех этих территорий с бурскими республиками и создания «Великой Южно-Африканской Республики». Еще в начале 80-х годов XIX в. многие африканеры стали требовать «объединения Южной Африки от Капштадта до р. Замбези под собственным флагом» [38, ед. хр. 4651]. Программа созданного африканерами в 1882 г. в Капской колонии Союза африканеров (Бонда) призывала к «формированию южно-африканской национальности путем воспитания подлинного патриотизма и подготовки к достижению конечной цели — к созданию Объединенной Южной Африки» [180, стр. 649]. К этому же призывала принятая в 1889 г. программа Африканерской национальной партии. Сторонники Союза африканеров хотели, чтобы «Великая Южно-Африканская Республика» была основана на безраздельном политическом и экономическом господстве африканеров и буров, на беспощадной эксплуатации и жесточайшем расовом угнетении ими афри-

канцев, которые были бы подавляющим большинством населения этой огромной страны.

Союз африканеров имел отделения в Натале и в бурских республиках. Большинство буров, живших в этих республиках, поддерживало программу Бонда. Накануне войны руководителями Бонда были Ян Хендрик Хофмейр и Ян Христиан Смэтс. В 1896 г. последний переселился из Кейптауна в Южно-Африканскую Республику, где вскоре стал членом Верховного суда, а затем — министром юстиции.

Английские империалисты, стремившиеся к захвату бурских республик и к объединению под британским флагом всей Южной Африки, весьма враждебно относились к идее создания «Великой Южно-Африканской Республики». В марте 1897 г., напутствуя отъезжавшего из Англии А. Милнера, назначенного на пост верховного комиссара Капской колонии, Д. Чемберлен резко осудил африканерских и бурских сторонников Бонда и объявил их требования «несовместимыми с высшими британскими интересами» [222, стр. 339]. «Мы навсегда сохраним в Южной Африке позицию господствующей державы», — заявил он тогда же [222, стр. 339]. Поддерживая захватническую политику правительства Р. Солсбери в Южной Африке, правое крыло английской либеральной партии — либералы-империалисты — призывали к борьбе против сторонников Бонда. В отличие от них либералы центра, требуя «мирного» захвата бурских республик, призывали английское правительство к сговору с африканерами и к проведению в Южной Африке такой политики, которая «вызвала бы сочувствие африканеров, проживавших в Капской колонии и являвшихся подданными Великобритании» [53, т. 75, стр. 654].

Среди африканеров Капской колонии не было единой точки зрения по вопросу об отношении к надвигавшейся англо-бурской войне. «Помните, что война, вероятно, будет фатальной для Трансвааля и Оранжевой Республики и для африканерского националистического движения», — писал накануне войны Я. Х. Хофмейр [180, стр. 552]. Сторонники Бонда провели тогда в Капской колонии около двухсот антивоенных митингов. Опасаясь, что борьба против угрозы англо-бурской войны будет содействовать росту антивоенных настроений в Англии, правящие круги метрополии пытались скрыть от английского народа эти выступления. Реакционная английская пресса умолчала о них [291, 12.V.1900; 180, стр. 556].

Присутствовавшие на Блумфонтейнской конференции Я. Х. Хофмейр и Я. Х. Смэтс пытались добиться мирного урегулирования англо-бурского конфликта и склонить руководителей бурских республик к принятию требований Англии о предоставлении ойтландерам избирательных прав [127, стр. 16].

Желая содействовать предотвращению войны, члены Бон-

да, являвшиеся членами парламента Капской колонии, в начале сентября 1899 г. опубликовали заявление, в котором, в частности, говорилось: «Мы полностью симпатизируем нашим трансваальским братьям в это трудное время, ценим уступки, сделанные ими в целях сохранения мира, и призываем их избежать войны, которая может стать роковой не только для наших интересов в Трансваале, но и для африканской партии в Капской колонии» [50, стр. 541]. Такая позиция этих деятелей Бонда была с одобрением встречена либералами-империалистами и либералами центра. Выступая в парламенте, либерал центра лорд Кампердаун выразил благодарность Я. Х. Хофмейру за то, что он «учитывает могущество и желания Англии... и прилагает много усилий, чтобы склонить президента Крюгера пойти на дальнейшие уступки ей» [53, т. 75, стр. 627].

Во время англо-бурской войны многие африканеры, имевшие тесные экономические связи с английскими колонизаторами, заняли проанглийскую позицию и даже образовали вооруженные отряды, которые под руководством английского командования вместе с английскими войсками сражались за захват бурских республик Англией [117, стр. 91]. В отличие от них сторонники Бонда осудили захватническую политику Англии и обвинили правительство Р. Солсбери в том, что оно развязало войну.

В начале войны некоторые члены Бонда стали проводить в Капской колонии тайные сходки и готовиться к вооруженному антибританскому восстанию с целью изгнать английских колонизаторов из Южной Африки и создать совместно с бурами «Великую Южно-Африканскую Республику» [19, д. 65, т. 2, лл. 377—378]. Но большинство членов Бонда во главе с Я. Х. Хофмейром воздержалось от участия в подготовке восстания, считая, что оно будет обречено на поражение, за которым последует полный разгром африканерского националистического движения. Я. Х. Хофмейр предвидел победу Англии в войне, но считал, что господство Англии в Южной Африке будет непрочным.

Хофмейр полагал, что сторонникам Бонда необходимо было избежать серьезных потерь, сохранить свои ряды и терпеливо выжидать благоприятного момента для осуществления их заветной мечты — создания «Великой Южно-Африканской Республики» [175, стр. 173].

Вступление бурских войск на территорию Наталя и поражения, которые в начале войны понесли английские войска, побудили сторонников восстания перейти к решительным действиям. В ноябре 1899 г. в Капской колонии вспыхнуло антианглийское восстание африканеров. Государственный секретарь Южно-Африканской Республики Ф. У. Рейтц сразу же обратился ко всем африканерам Капской колонии с воззвани-

ем, в котором призвал их к борьбе против английского господства за создание Великой Южно-Африканской Республики.

К началу 1900 г. численность восставших африканеров достигла 14 тыс. человек. Восстание охватило северную часть Капской колонии, граничившую с юго-западной частью Оранжевой Республики, в особенности районы Приски, Кенхардта, Бристауна, Беркли-Иста.

Английское командование и колониальные власти приняли энергичные меры для подавления восстания. Во главе английских войск, действовавших против восставших африканеров и против вступивших в Капскую колонию бурских войск, стояли генералы Д. Френч и Гетэкр. В декабре 1899 г. войска генерала Д. Френча овладели Колсбергом. Бурские войска отступили на территорию Оранжевой Республики. Это несколько ослабило размах восстания. Но вскоре оно вновь начало расширяться. В январе и феврале 1900 г. оно частично охватило южную, западную и центральную части Капской колонии. В огне восстания оказалось 17 дистриктов, включая Викторию-Уэст, Фрейзерберг, Гордонию и Кальвинию. В феврале 1900 г. восставшие захватили Ван-Вейксвейл, где были сосредоточены значительные запасы хлеба. Крупный отряд повстанцев под командованием Лукаса Стенекампа двинулся из Приска на Карнарвон, на защиту которого был отправлен отряд новозеландской пехоты. Отряд восставших во главе с Коре Йосте занял г. Кенхардт и объявил о присоединении этой территории к Оранжевой Республике. В районе Брандфлея действовал отряд во главе с крупным африканерским землевладельцем Титом Моольманом. Во главе одного из самых активных отрядов стоял бурский капрал из Йоганнесбурга — Маритц. В середине 1900 г. около двух тысяч восставших африканеров вели совместно с бурами бой на территории Оранжевой Республики у Фентерсбурга и Харрисмита.

В начале восставшие не имели общего плана действий. Лишь в декабре 1899 г. группа повстанцев — членов Бонда — на тайной сходке в одном из краалей близ Кейптауна приняла решение взять Кейптаун, свергнуть английские власти, захватить А. Милнера в качестве заложника. Но восставшим не удалось осуществить этот план.

Отметим, что в ходе восстания повстанцы пытались организовать бойкот английских товаров населением занятой ими территории, а также провести сбор денег для устройства складов для товаров, произведенных бурами. Во время восстания по инициативе правых сторонников Бонда в Кейптауне была создана возглавленная Я. Х. Хофмейром комиссия по сбору пожертвований для оказания материальной помощи сражавшимся республикам. Собранные ею к маю 1900 г. 70 тыс. ф. ст. были переданы в распоряжение бурских правительств.

С переходом английских войск в наступление участники восстания, опасаясь разгрома бурских войск, стали требовать прекращения военных действий и безусловного признания Англией независимости бурских республик. Эти требования были поддержаны всеми сторонниками Бонда на митингах в Парле в марте 1900 г., в Уиллистоне в апреле 1900 г., в Грааф-Рейте на конгрессе представителей Бонда в мае 1900 г. и др. [180, стр. 564; 291, 12.V.1900].

Восстание африканеров поставило английские власти в Капской колонии в трудное положение. Преобладавшие в парламенте этой колонии члены Бонда протестовали против войны Англии за захват бурских республик. Один из них — врач Гофман — в начале войны открыто предложил свои услуги правительству Оранжевой Республики. По распоряжению колониальных властей он был арестован и предан военному суду. В правительстве Капской колонии тоже шла ожесточенная борьба по вопросу об отношении к войне и к восстанию африканеров. Премьер-министр капского правительства В. Ф. Шрейнер требовал беспощадной расправы с восставшими африканерами. Но сторонники Бонда — министры Дж. Мерриман, Дж. Зауер и Те-Ватер — осуждали войну Англии за захват бурских республик и настаивали на амнистии всем участникам восстания. В мае 1900 г. под давлением сторонников Бонда В. Ф. Шрейнер был вынужден подать в отставку. Но А. Милнер отказался ее принять и предложил ему сформировать новое правительство без участников сторонников Бонда. Последовали многочисленные аресты сторонников Бонда. Это ослабило их влияние в капском парламенте. Последний, по требованию В. Ф. Шрейнера, принял постановление о предании восставших африканеров военному суду. Назначенный английским правительством в июле 1900 г. на пост премьер-министра Капской колонии Гордон Спригг совместно с А. Милнером и Г. Китченером завершил подавление восстания [50, стр. 253, 261; 267, стр. 106, 118, 202—204, 217].

Восстание африканеров было обречено на неудачу: оно охватило лишь меньшую часть африканеров, отряды восставших действовали разрозненно; в начале восстания они не имели даже единого плана действий; на подавление восстания были брошены крупные соединения английских войск. К тому же, являясь расистами и колонизаторами, восставшие воздержались от привлечения африканцев к борьбе против английских колонизаторов.

В начале 1901 г. на всей территории Капской колонии было введено военное положение. Военные суды выносили смертные приговоры, осуждали на каторгу, принимали решения о конфискации имущества осужденных. Терроризируя сторонников Бонда, английские власти стали проводить публичные казни и принуждать присутствовать на них родственников

осужденных и нелояльных африканеров. Так, например, в Дордрехте (дистрикт Мидделбург) на казни африканера Мэреса по предписанию английских властей присутствовали двадцать враждебно относившихся к англичанам африканеров [53, т. 97, стр. 1115; 53, т. 99, стр. 418]; по приказу майора К. Вайсмана Кларка все африканерское мужское население городка Крэдок присутствовало на казни африканера Иоханнеса Петруса Готца, состоявшейся 12 июля 1901 г. по приговору военного суда [53, т. 99, стр. 28—30].

Зверства английских колонизаторов фактически были санкционированы правительством Р. Солсбери. Выступая в парламенте по поводу публичных казней африканеров, Д. Бродрик воздержался от их осуждения и высказался за передачу вопроса об их применении всецело на усмотрение Г. Китченера. В то же время он заявил, что необходимо любыми мерами предотвратить возможность нового антианглийского восстания африканеров [53, т. 98, стр. 130—131]. За десять месяцев, с марта по декабрь 1901 г., военные суды вынесли 23 смертных приговора, осудили на пожизненную каторгу 126 человек, на каторгу сроком на десять лет — 17 человек, вынесли множество приговоров к каторжным работам на сроки менее десяти лет [53, т. 105, стр. 123—135]. Эти приговоры зачастую выносились по ложным доносам «комитетов общественной безопасности», созданных английскими властями для подавления восстания. Английские власти конфисковали имущество восставших африканеров и заключили членов их семей в концентрационные лагеря [17, стр. 92].

Восстание африканеров оказало бурам некоторое содействие в войне против Англии, однако далеко не достаточное для того, чтобы существенно повлиять на ее ход и результаты. Восставшие в защиту бурских республик считали, что предотвращение захвата их Англией должно было быть непременным условием осуществления ими их главной, крайне реакционной конечной цели — создания африканерами и бурами «Великой Южно-Африканской Республики», страны жесточайшего колониального и расового угнетения африканцев. Отказ большинства африканеров от участия в вооруженном антианглийском восстании объективно содействовал захвату бурских республик Англией.

АНГЛИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО И АНГЛО-БУРСКАЯ ВОЙНА

АНГЛИЙСКИЕ БУРЖУАЗНЫЕ ПАРТИИ И ВОЙНА
В ЮЖНОЙ АФРИКЕ

Английские реакционные буржуазные историки, пытаясь оправдать политику Англии в Южной Африке в конце XIX—начале XX в., утверждают, что она выражала интересы всей английской нации и была единодушно поддержана народными массами. Однако многочисленные источники, характеризующие отношение классов и партий в Англии к этой войне, опровергают указанную точку зрения о гармонии классовых интересов в Англии в годы англо-бурской войны и убеждают нас в том, что в Англии в то время кипела классовая и партийная борьба. Для доказательства этого необходимо рассмотреть вопрос об отношении к войне существовавших в то время в Англии политических партий и организаций.

Консервативная партия, стоявшая у власти в 1896—1905 гг., выражала интересы финансовой олигархии, в первую очередь монополистов и банкиров, в руках которых находилась горнодобывающая, металлургическая, судостроительная и военная промышленность и наиболее мощные банки. Озабоченные утратой Англией мирового промышленного первенства и ростом в стране рабочего движения консерваторы требовали проведения энергичной агрессивной колониальной политики для захвата территорий, имеющих мощные сырьевые ресурсы и важное стратегическое значение. Эта партия была ярким сторонником войны за захват бурских республик.

Консерваторы усиленно пропагандировали крайне реакционные, шовинистические и милитаристские идеи. Важной причиной пропаганды этих идей являлось отсутствие в Англии всеобщей воинской повинности. В. И. Ленин отмечал, что в Англии «отсутствие обязательной воинской повинности делает народ свободнее в вопросе об отношении к войне *в том смысле*, что каждый волен отказаться вступить в войско, и поэтому правительство... вынуждено напрягать все усилия, чтобы развить „народный“ энтузиазм к войне...» [8а, стр. 266].

Развязав захватническую войну, консерваторы лицемерно пытались уверить английский народ и мировое общественное

мнение в том, что Англия вела ее во имя гуманных целей и демократических принципов. Р. Солсбери обвинял буров в том, будто они начали не спровоцированную Англией войну, «поставили Британскую империю перед фактом вступления бурского войска на территорию британской колонии и навязали Англии дорогостоящую войну» [53, т. 80, стр. 701—702]. Он лживо утверждал, что Англия «не добывается в Южной Африке ни золота, ни территории, а хочет только обеспечить равноправие всех народов и рас» [291, 18.II.1899]. Д. Чемберлен тоже пытался уверить всех в том, будто целью политики Англии в Южной Африке являлось «достижение равноправия белых наций и справедливости для черных» [53, т. 78, стр. 615—616]. «В силу необходимости Англия ведет справедливую войну»,— утверждал он [53, т. 78, стр. 616—617].

В отличие от консерваторов, единодушно требовавших войны за захват бурских республик, либералы не имели по этому вопросу единой точки зрения. Либералы-империалисты, стоявшие на правом фланге либеральной партии, подобно консерваторам, ревностно защищали интересы той части английской финансовой олигархии, которая требовала войны. Лидером этой группы либералов был ярый реакционер и милитарист, зять Ротшильда, лорд Арчибалд Розбери. Его ближайшими единомышленниками были Г. Асквит и Эдуард Грей.

Либералы-империалисты призывали к проведению захватнической политики, к дальнейшему расширению пределов Британской империи, к борьбе за «более великую Англию». В хоре с консерваторами они заявляли, что война Англии за захват бурских республик была справедливой. «Мы можем вести эту войну с чистыми руками и с чистой совестью»,— утверждал в парламенте Г. Асквит [53, т. 78, стр. 735].

Подобно консерваторам, либералы-империалисты считали, что установление прочного господства Англии в Южной Африке может быть достигнуто лишь в результате сговора англичан с бурами. В связи с этим А. Розбери и Г. Асквит выступали за амнистию буров, участвовавших в борьбе против Англии, за оказание бурам денежной помощи для восстановления разрушенных во время войны хозяйств [53, т. 89, стр. 505—512; 296, 17.XII.1901].

Центральная группа либеральной партии, возглавлявшаяся Г. Кемпбелл-Баннерманом, В. Харкортон и Брайсом, поддерживала идею захвата бурских республик Англией. Но, в отличие от консерваторов и от правых либералов, либералы центра протестовали против войны как способа захвата этих стран. Они считали, что Англия должна была добиться захвата этих республик «мирными» средствами, в результате политики «твердого, но мирного давления на их правительства» [53, т. 75, стр. 661; 53, т. 78, стр. 170, 174].

Такая тактика либералов центра была вызвана тем, что они выражали взгляды той части финансовой олигархии, которая не была связана с горнодобывающей, металлургической и военной промышленностью, не получала правительственных военных заказов и не имела возможности нажиться на поставках для английских вооруженных сил. Эта часть капиталистов опасалась того, что война повлечет временное сокращение английского внутреннего рынка и затруднит сбыт производимой ими продукции.

Однако, как только вспыхнула война, Г. Кемпбелл-Баннерман и его сторонники оказали энергичную поддержку правительству Р. Солсбери. Они заявили, что горячо желают ее скорейшего победоносного завершения и будут всемерно содействовать победе [53, т. 77, стр. 70]. В парламентской речи от 30 января 1900 г. Г. Кемпбелл-Баннерман выразил свою готовность «поддерживать ведение этой войны... в целях скорейшего и успешного ее завершения и установления господства Англии в Южной Африке» [53, т. 78, стр. 83—84]. Призывая либералов голосовать за предоставление правительству денег на ведение войны, он заявил: «Мы все объединены как патриоты, поддерживающие войну» [53, т. 78, стр. 84]. Вместе с тем либералы центра обвиняли правительство Р. Солсбери в том, что оно развязало войну, не подготовившись к ней, и этим нанесло тяжелый удар по престижу Англии [53, т. 78, стр. 13—26, 474—475].

Либералы центра считали, что Англия ведет войну за захват бурских республик не ради гуманных целей, но ради золота и алмазов. Так, например, либерал Чаннинг в речи в палате общин от 5 февраля 1900 г. с полным на то основанием утверждал, что Англия ведет войну в интересах монополистов — владельцев алмазных приисков в Кимберли и золотых приисков в Трансваале, которые, установив ранее свой контроль над экономикой бурских республик, добиваются «захвата политической машины Южной Африки» [53, т. 78, стр. 651]. Однако, вопреки логике, либералы центра уклонялись от оценки этой войны как несправедливой. Оправдывая ее, Брайс заявил в парламенте: «Я не называю эту войну „несправедливой“ и не вдаюсь в вопрос о морали или о справедливости, так как я рассматриваю вопрос о войне с точки зрения британских интересов» [53, т. 78, стр. 592—593].

Либералы центра считали, что взятие английскими войсками Претории должно было повлечь немедленное заключение мира. С их точки зрения, правительство Р. Солсбери допустило ошибку, продолжив войну после взятия трансваальской столицы и все еще требуя от буров безусловной капитуляции. Г. Кемпбелл-Баннерман полагал, что в это время английскому правительству следовало немедленно пойти на

сговор с бурами и обратиться к ним с декларацией, которая, «обеспечивая за империей все то, на что претендует Англия (т. е. захват бурских республик.— *И. Н.*), рассеяла бы опасения буров, восстановила бы их личные права и тем самым побудила бы их сложить оружие» [53, т. 89, стр. 89]. Он считал, что английскому правительству надо было тогда пообещать бурам самоуправление по образцу Австралийского Союза и склонить их к немедленному заключению мира [53, т. 89, стр. 90]. Он полагал, что предоставление Англией самоуправления южноафриканским колониям явилось бы лучшим способом пресечения борьбы буров против установления господства Англии в Южной Африке. «Если вы хотите владеть Южной Африкой,— заявил Г. Кемпбелл-Баннерман,— вы должны завоевать доверие и расположение бурского населения... британское господство должно стать приятным и приемлемым для буров, иначе ни все богатства вашей казны, ни все ваши войска, ни... опыт ваших колониальных чиновников и правителей не смогут удержать за вами Южную Африку» [53, т. 89, стр. 92]. Он осуждал мнение Р. Солсбери о том, что новым южноафриканским колониям Англии можно будет предоставить самоуправление лишь через многие годы после окончания войны [53, т. 89, стр. 94, 417—419].

Левые либералы (радикалы) во главе с Ллойд-Джорджем накануне англо-бурской войны, желая снискать расположение английских трудящихся, выступали за сохранение мира. Они создали «Комитет действия» для борьбы против угрозы возникновения войны. Им было собрано более 50 тыс. подписей под «Национальным меморандумом», призывавшим к мирному урегулированию англо-трансваальских разногласий. Борьбу за сохранение мира вел также «Трансваальский комитет», созданный левыми либералами в Манчестере. Когда же началась война, левые либералы выступили с ее осуждением. В ноябре 1899 г. они создали «Комитет примирения с Южной Африкой», а в начале 1900 г.— комитет «Долой войну!». Левые либералы обвиняли правительство Р. Солсбери в том, что оно в угоду крупным капиталистам ведет несправедливую войну с целью захвата бурских республик и их золотоносных недр. Ллойд-Джордж справедливо считал, что одним из главных виновников возникновения войны был министр колоний Д. Чемберлен, а также его родственники, владевшие акциями фирм, выполнявших правительственные заказы для вооруженных сил [53, т. 78, стр. 759—761]. Некоторые левые либералы приняли участие в организации и проведении митингов протеста против войны.

Левые либералы осуждали зверства, чинившиеся английскими захватчиками в Южной Африке. Порицая английское командование за предписание предавать огню фермы бурских партизан и приведя многочисленные факты их сожже-

ния, Ллойд-Джордж заявил в палате общин: «Мне стыдно, что мои соотечественники виновны в таких деяниях» [53, т. 89, стр. 404]. Он протестовал против создания английским командованием в Южной Африке концентрационных лагерей, против увеличения расходов на ведение войны, против усиления косвенного налогового обложения.

Вскоре после возникновения войны Ллойд-Джордж стал призывать к заключению мира. Он осуждал требование английского правительства о безусловной капитуляции буров и считал, что после вступления английских войск в Преторию правительство должно было немедленно предложить бурам условия мира. «Сколь бы ни было ошибочным начать эту войну,— заявил он,— еще более серьезной ошибкой было не предложить условий мира сразу же после взятия Претории» [53, т. 89, стр. 397]. В разгар войны против бурских партизан он призывал положить конец «ужасному кровопролитию и трате на него государственных средств» [53, т. 89, стр. 399].

Протестуя против войны, Ллойд-Джордж, однако, не требовал отказа Англии от захвата бурских республик. Он выступал за включение бурских республик в Британскую империю и за предоставление им прав доминиона [53, т. 89, стр. 399]. Он считал, что образование в Южной Африке британского доминиона будет гарантией установления там прочного господства Англии и предотвратит необходимость содержания в этой части Африканского континента многочисленных британских войск [53, т. 104, стр. 802—803]. Таким образом, протест Ллойд-Джорджа против войны Англии в Южной Африке, против огромных расходов на ее ведение и зверств по отношению к бурам на деле означал осуждение лишь способов осуществления захватнической политики Англии в Южной Африке, но не ее целей. Осуждая войну как способ захвата бурских республик, протестуя против увеличения расходов на нее и против роста налогового бремени, Ллойд-Джордж выражал недовольство части мелкой буржуазии, не имевшей возможности нажиться на войне и принужденной оплачивать известную долю расходов на ее ведение. Следует отметить, что в конце войны Ллойд-Джордж вовсе отказался от критики политики Англии в Южной Африке. «Я не хочу обсуждать эту политику... я не хочу утверждать ни то, что она является хорошей, ни то, что она является плохой»,— заявил он в палате общин [53, т. 104, стр. 459]. Ллойд-Джордж голосовал за утверждение подписанного в Претории грабительского мирного договора.

Мы видим, что ни либеральная партия в целом и ни одна из ее фракций не выступили с требованием отказа правительства Р. Солсбери от агрессивного курса во внешней политике, в частности от захвата бурских республик. Резолюция, принятая вопреки либералам-империалистам на митинге На

циональной федерации либеральной партии в декабре 1901 г., хотя и содержала протест против истребления английскими войсками буров и настаивала на переговорах о заключении мира, однако не требовала отказа Англии от захвата бурских республик [291, 14.XII.1901]. Разногласия между консерваторами, с одной стороны, и либералами центра и левыми либералами — с другой, а также разногласия внутри либеральной партии не касались агрессивной сущности империалистической внешней политики Англии. Они касались лишь вопроса о способе осуществления этой политики.

Несмотря на поражения английских войск в течение первых месяцев войны и нарастание недовольства народных масс Англии политикой консерваторов, либеральная партия не смогла добиться усиления своего влияния. Во второй половине 90-х годов XIX в. и на первом этапе англо-бурской войны в результате парламентских выборов 1895 г. большинство мест в палате общин в количестве 399 принадлежало консерваторам и примкнувшим к ним либералам-юнионистам, имевшим соответственно 329 и 70 представителей. Оппозиция располагала 270 местами, из которых 189 принадлежали либералам и 81 место — ирландским националистам.

Слабость либеральной партии и ее парламентской фракции ярко проявилась во время выступления, предпринятого либералами против кабинета Р. Солсбери в палате общин в январе 1900 г. В то время в палате общин возникла упорная борьба вокруг внесенной либералами поправки к ответному адресу на тронную речь королевы Виктории. В этой поправке выражалось сожаление по поводу того, что правительство Р. Солсбери не подготовило Англию к войне в Южной Африке. Принятие этой поправки вызвало бы правительственный кризис и сделало бы неизбежной отставку правительства. Вследствие этого консерваторы единодушно боролись против ее принятия. В этой борьбе они вышли победителями; за указанную поправку голосовало 135 членов палаты общин, а против нее — 155 [53, т. 73, стр. 392]. Таким образом, попытка либералов добиться отставки правительства окончилась провалом.

Правительство Р. Солсбери осталось у власти вследствие слабости либеральной партии, неспособной выдвинуть в противовес консерваторам самостоятельную политическую программу, которую смогли бы поддержать народные массы. Оно осталось у власти также вследствие относительной слабости английского рабочего движения, в значительной мере зараженного шовинизмом.

Добившись перелома в ходе войны в пользу Англии и объявив об аннексии бурских республик, правительство Р. Солсбери в октябре 1900 г. провело новые выборы в парламент. Оно пошло на эту меру в расчете упрочить господ-

ство консервативной партии. Выборы принесли победу консерваторам, но им не удалось добиться усиления своего влияния в парламенте.

Весной 1901 г. политическое положение в Англии оставалось напряженным. Война все еще требовала огромных материальных затрат и усилий. Многие либералы и консерваторы продолжали обвинять правительство Р. Солсбери в том, что оно не смогло обеспечить быстрого победоносного ее завершения. Росло недовольство народных масс войною, увеличением расходов на ее ведение, на усиление армии и на строительство военно-морского флота, а также налоговой политикой правительства. Росло число антивоенных выступлений. Но, несмотря на острую классовую и партийную борьбу, правительству Р. Солсбери по-прежнему не угрожала немедленная отставка.

В целях скорейшего победоносного завершения войны, а также отказа Англии от политики «блестящей изоляции» и перехода к заключению агрессивных военных союзов, правящие круги провели в середине 1901 г. изменения в составе кабинета министров. Поражения, которые английские войска понесли в первые месяцы войны, стоили Г. Ленсдауну портфеля военного министра. Однако он не был удален из кабинета министров. Ему, стороннику отказа Англии от политики «блестящей изоляции», был вверен портфель министра иностранных дел, ранее находившийся в руках премьер-министра Р. Солсбери, проводившего политику отказа Англии от заключения военных союзов. На пост военного министра был назначен Джон Бродрик, а морского министра — Селборн, который был правой рукой Д. Чемберлена. Назначение Г. Ленсдауна на пост министра иностранных дел вызвало немало нареканий и кривотолков, так как в правящих кругах высказывалось недовольство его деятельностью на посту военного министра. Что же касается Селборна, то многие иронически утверждали, что главным его достоинством было то, что он являлся зятем Р. Солсбери. Критикуя произведенные в правительстве изменения, А. Бальфур писал: «Мы не можем рассчитывать ни на популярность, ни на энтузиазм соотечественников в отношении нас» [170, стр. 323].

Изменения, проведенные в составе английского правительства, не коснулись Джозефа Чемберлена. Неистовый империалист, неутомимый и циничный защитник интересов финансовой олигархии, лютей враг рабочего класса, он сохранил не только портфель министра колоний, но и огромное влияние на политическую жизнь страны.

Правительство Р. Солсбери оставалось у власти до середины июля 1902 г. Оно вышло в отставку вскоре после подписания в Претории грабительского мира.

Итак, разногласия между консервативной партией и

большинством членов либеральной партии по поводу англо-бурской войны не были принципиальными: обе буржуазные партии были сторонницами проведения захватнической империалистической политики в Южной Африке, и расхождения между консерваторами и частью либералов касались лишь вопроса о способах ее осуществления.

ОТНОШЕНИЕ АНГЛИЙСКИХ РАБОЧИХ К АНГЛО-БУРСКОЙ ВОЙНЕ

В начале эпохи империализма в английском рабочем движении продолжалась упорная борьба двух тенденций: революционному направлению, которое выражало интересы сознательного пролетариата, противостояло правое, реформистское направление, зараженное идеями буржуазного либерализма, выражавшее настроения рабочей аристократии и несознательных рабочих. Наличие в английском рабочем движении сильного правого направления наносило очень большой ущерб борьбе передовых рабочих против колониализма и милитаризма. Борьба течений в английском рабочем движении определила отсутствие единой точки зрения рабочих на захватническую войну Англии в Южной Африке.

Вопрос об отношении к войне явился хорошей проверкой политической зрелости и классового самосознания английских рабочих организаций и партий. Он вызвал ожесточенную борьбу различных мнений. Анализ этой борьбы требует предварительного, хотя бы краткого, рассмотрения положения английского рабочего класса во время войны.

В годы англо-бурской войны положение английских народных масс было тяжелым. Правительство Р. Солсбери возложило на плечи английского народа основное бремя огромных расходов на ее ведение.

В конце 90-х годов XIX в. финансовое положение Англии было напряженным. Ее бюджет на 1899 финансовый год был дефицитным. Он предусматривал доходы в сумме 110 287 тыс. ф. ст. и расходы в сумме 112 927 тыс. ф. ст., включая расходы военного министерства в размере 20 617 200 ф. ст. при численности армии в 184 853 человека. Дефицит в 2640 тыс. ф. ст. был результатом увеличения ассигнований на вооруженные силы. Для погашения дефицита правительство увеличило старый и ввело новый гербовый сбор с иностранных и колониальных ценных бумаг и с капиталов акционерных обществ, предполагая получить в результате этой меры 450 тыс. ф. ст.; к тому же оно увеличило налог на вино, рассчитывая получить около 420 тыс. ф. ст.; помимо этого правительство решило сократить фонд погашения национального долга и выкупить консолей на 5 млн. ф. ст., а не на 7 млн., как это предполагалось ранее [19, д.

65, т. 1, л. 122]. Однако развязанная английским правительством война существенно изменила бюджет страны. В октябре 1899 г. парламент предоставил правительству субсидию для ведения войны в размере 10 млн. ф. ст., а в феврале 1900 г.—в сумме 13 млн. ф. ст. [53, т. 79, стр. 856—860]. С учетом этих сумм расходная статья бюджета 1899/1900 г. на деле достигла 133 810 тыс. ф. ст. Этот финансовый год завершился с тяжелым дефицитом в 17 770 тыс. ф. ст. [53, т. 80, стр. 58].

Затянувшаяся война потребовала дальнейших огромных расходов, осложнивших финансовое положение страны. Расходная часть бюджета на 1900/01 финансовый год достигла вместе с дополнительными кредитами 185 млн. ф. ст. Бюджет этого года предусматривал расходы военного министерства в сумме 61 499 400 ф. ст. при численности армии в 430 тыс. человек; расходы на военно-морской флот были определены в сумме 8460 тыс. ф. ст. [53, т. 79, стр. 1125]. На деле в течение этого года на войну в Южной Африке было израсходовано около 65 млн. ф. ст.; к тому же более 3 млн. ф. ст. было истрачено на вооруженную агрессию в Китае. В 1900/01 финансовом году расходы военного министерства составили 91 710 тыс. ф. ст., а расходы адмиралтейства — 29 520 тыс. ф. ст. В конце 1900/01 финансового года дефицит достиг 53 млн. ф. ст., а государственный долг, составлявший в апреле 1899 г. 635 041 тыс. ф. ст., повысился до 688 млн. ф. ст. вследствие новых внутренних займов [53, т. 92, Приложение I, стр. iii].

В связи с предстоящими в течение 1900/01 финансового года огромными расходами на ведение войны, весной 1900 г. парламент утвердил дальнейшее увеличение налогов, предложенное министром финансов М. Хикс-Бичем. На сей раз было решено несколько увеличить подоходный налог, который до войны взимался в размере 8 пенсов с каждого фунта стерлингов. Теперь он был поднят на 4 пенса и составил один шиллинг с каждого фунта стерлингов. Это должно было дать казне 6500 тыс. ф. ст. в год. В то же время было проведено значительное увеличение косвенных налогов. В целом увеличение налогов, осуществленное весной 1900 г., должно было дополнительно дать казне 12 317 тыс. ф. ст. в 1900/01 финансовом году [53, т. 80, стр. 53—78]. Помимо увеличения налогов правительство прибегло к новому внутреннему займу в размере 30 млн. ф. ст. В конце 1900 г. парламент предоставил еще 11 млн. ф. ст. для ведения войны [241, стр. 180].

1901/02 финансовый год оказался для Англии еще более напряженным. Расходная статья бюджета на этот финансовый год достигла наивысшей за время войны суммы — 187 602 тыс. ф. ст. «Рекордным» был и дефицит, выразившийся в сумме 55 347 тыс. ф. ст. [23, д. 61, лл. 154—155]. Желая сократить его за счет дальнейшего снижения жизненного

уровня народных масс, М. Хикс-Бич вошел в парламент с предложением ввести налог на сахар. Решение парламента о введении этого налога вызвало недовольство среди рабочих.

В связи с тяжелым финансовым положением правительство пошло на новое, теперь уже значительное повышение размера подоходного налога; однако оно не ввело налоги на крупную собственность, в частности на монополии и на крупное землевладение. Весною 1901 г. размер подоходного налога был поднят до 1 шилл. 2 пенсов с каждого фунта стерлингов. Однако он оставался ниже уровня, которого обычно достигал во время тяжелых для Англии войн: в годы наполеоновских войн он поднялся до 2 шилл., а во время Крымской войны — до 1 шилл. 4 пенсов с каждого фунта стерлингов [23, д. 61, лл. 155—156].

Наибольшие поступления средств в казну давали косвенные налоги. С 1898 по 1902 г. сумма поступивших в казну косвенных налогов более чем вдвое превысила сумму, взысканную в результате сбора налогов с недвижимого имущества. Общая сумма налогового обложения в годы англо-бурской войны возросла. О ее размерах и темпах ее роста говорят следующие данные: в 1899 г. она составила 108 336 тыс. ф. ст., в 1900 г. — 119 840 тыс. ф. ст., в 1901 г. — 130 385 тыс. ф. ст., а в 1902 г. — 142 998 тыс. ф. ст. [241, стр. 166—167, 235]. Как видим, за годы англо-бурской войны общая сумма налогового обложения в Англии возросла почти на 30%. Народные массы вынуждены были оплачивать часть огромных расходов на ведение чуждой их интересам захватнической войны в Южной Африке.

В годы войны номинальная заработная плата некоторых категорий трудящихся снизилась. С 1899 по 1901 г. от снижения ее пострадали около двух миллионов рабочих. К тому же заработок многих рабочих уменьшился вследствие произвольного сокращения предпринимателями продолжительности рабочего дня, лишившего рабочих полной занятости.

Рост цен на питание, предметы первой необходимости, жилище, топливо и т. п. вызвал снижение реальной заработной платы. «Цены на продукты питания и на предметы первой необходимости повысились. Цены на уголь в Лондоне стали недоступными, мыло и керосин вздорожали, цены на множество других товаров поднялись в результате войны», — писала газета «Кларион» [284, 13.I.1900]. М. Хикс-Бич был вынужден признать, что в Англии растут цены почти на все товары [53, т. 80, стр. 59]. Уделом многих миллионов англичан была нищета. «В Соединенном Королевстве не менее одной шестой части населения, т. е. не менее 8 млн. человек, живут в нищете, имея доход меньше одного фунта стерлингов в неделю», — отмечал С. Уэбб [269, стр. 8]. В течение 1902 г. в

Лондоне было официально зарегистрировано 34 случая смерти от голода [229, стр. 8].

В годы англо-бурской войны английские рабочие участвовали в стачечной и антивоенной борьбе. В 1899, 1900 и 1901 гг. в Англии состоялась 1991 стачка; численность бастующих достигла 543 764 человек; был потерян 9 599 951 рабочий день [47а, стр. 78].

Опасаясь дальнейшего усиления недовольства рабочих, капиталисты зачастую были вынуждены идти на частичное или даже полное удовлетворение требований бастующих. Согласно официальным данным, результаты стачек 1899—1901 гг. были следующими [47а, стр. 80].

Результаты стачек	Проценты от общего числа стачек		
	1899 г.	1900 г.	1901 г.
В пользу трудящихся	32,0	31,2	24,5
В пользу капиталистов	34,1	32,6	41,0
Компромиссный результат	32,8	34,1	29,0
Безрезультатные	1,1	2,1	5,5

Как видим, на первом этапе войны, во время неудач английских войск на фронтах в Южной Африке, число стачек, завершившихся полным или частичным удовлетворением капиталистами требований трудящихся, было более значительным, чем число таковых после того, как в ходе войны наступил перелом в пользу Англии.

Стачки 1899—1902 гг. выражали протест рабочих против жестокой эксплуатации, снижения уровня жизни, тяжелых условий труда на капиталистических предприятиях. Главными требованиями бастующих рабочих в те годы были: повышение оплаты труда, законодательное сокращение продолжительности рабочего дня, улучшение условий труда на производстве. Бастующие рабочие официально не выдвигали антивоенных требований. Стачки тех лет были еще разрозненными, локальными; ни одна из них не переросла во всеобщую, не достигла общенационального масштаба. Зараженные буржуазным либерализмом реформистские лидеры тред-юнионов препятствовали росту стачечной борьбы английских трудящихся.

Под влиянием неистовой шовинистической пропаганды, а также гонимые нищетой, безработицей и тяжелыми условиями труда и жизни многие английские рабочие вступали в ряды английской армии и участвовали в войне в далекой Африке за чуждые им интересы. Но, оказавшись в рядах сражавшихся британских войск, они постепенно освобожда-

лись от шовинистических иллюзий. «Я не встретил ни одного английского солдата или волонтера, кто бы не был утомлен или болен и не испытывал бы отвращения к этой войне», — сообщал Г. Р. Моват в письме из Зулуленда от 8 сентября 1900 г. [291, 20.X.1900]. Он отмечал также, что многие английские солдаты — бывшие рабочие — постепенно начинали понимать подлинные, захватнические цели войны. Затянувшаяся война и тяжелое положение народных масс в Англии содействовали ослаблению влияния на английские народные массы шовинистических идей, росту антивоенных настроений, некоторому усилению революционного направления в английском рабочем движении. Наиболее сознательные английские рабочие решительно осуждали войну Англии за захват бурских республик. «Пренебрегая неистовым воем джингоистов... здравомыслящие британцы — англичане, шотландцы и ирландцы — являются противниками этой грязной войны, — писала в начале войны социал-демократическая газета „Джастис“. — От Абердина и Эдинбурга на севере до Саутгемптона на юге поступают принимаемые на митингах единодушные протесты против этого второго издания пиратского набега Джемсона, осуществляемого британским правительством, имеющим в своем распоряжении всю мощь империи» [291, 21.XI.1899].

С гневным протестом против захватнической войны Англии в Южной Африке выступили Социал-демократическая федерация (СДФ)¹, Независимая рабочая партия (НРП)² и некоторые тред-юнионы, в особенности поддерживавшие Комитет рабочего представительства³. Наиболее решительным противником вооруженной агрессии Англии в Южной Африке была СДФ.

Накануне и во время англо-бурской войны преобладающим влиянием в СДФ располагали революционные социал-демократы. Официальным главою СДФ вплоть до сентября 1901 г. был лидер ее правого крыла Генри Майерс Гайндман. Но фактическое руководство ею находилось в руках лидеров революционного крыла Гарри Квелча и Ф. А. Ротштейна.

Выдающийся деятель социалистического и тред-юнионистского движения — Гарри Квелч находился тогда, как отмечал В. И. Ленин, «в первых рядах тех, кто боролся стойко и убежденно против оппортунизма и либеральной рабочей политики в английском рабочем движении» [8, стр. 440]. В годы англо-бурской войны он был редактором еженедельной газеты Социал-демократической федерации «Джастис» и ежемесячника «Социал-демократ». Его перу принадлежали многие яркие,

¹ Социал-демократическая федерация была основана в 1884 г.

² Независимая рабочая партия была создана в 1893 г.

³ Комитет рабочего представительства — так в 1900—1906 гг. называлась лейбористская партия в Англии.

написанные с позиций марксизма статьи, посвященные важнейшим вопросам внутреннего положения и внешней политики Англии, в частности империалистической агрессии Англии в Южной Африке. С интересными статьями, посвященными острым проблемам внутренней политики и англо-бурской войне, выступали также другие видные деятели революционного крыла СДФ — Ф. А. Ротштейн, Д. Эллам, И. Б. Бакс.

Одним из самых энергичных деятелей левого крыла СДФ был в те годы марксист Федор Аронович Ротштейн, проживавший в Англии с 1891 г. на положении политического эмигранта. Выступая на страницах «Джастис» и «Социал-демократа» с яркими статьями, Ф. А. Ротштейн беспощадно осуждал захватническую, грабительскую войну Англии в Южной Африке, клеймил позором английских империалистов, развязавших ее, протестовал против применявшихся ими зверских способов ее ведения; он доказывал, что эта несправедливая война противоречит интересам английского рабочего класса, утверждал, что для предотвращения захватнических войн и ликвидации милитаризма необходимо сокрушить порождающий их капитализм, требовал сохранения независимости бурских республик. Он гневно осуждал расизм и национализм и призывал рабочих и социалистов бороться за полное равноправие всех рас и народов, за ликвидацию Британской колониальной империи, за признание принципа «социалистического интернационализма» [291, 9.VI.1900; 293, 1900, т. 4, № 3, стр. 73]. Он решительно критиковал деятелей либеральной оппозиции за неспособность вести борьбу против захватнической войны, за приверженность к «овечьим методам антивоенной пропаганды», за отсутствие среди либералов таких людей, которые, подобно Э. Золя, могли бы самоотверженно бороться против мрачных сил реакции; он правильно констатировал упадок английского либерализма [291, 31.III.1900].

Накануне англо-бурской войны революционные социал-демократы упорно призывали к мирному разрешению разногласий между Англией и Южно-Африканской Республикой. Они осуждали правительство Р. Солсбери за то, что оно «втягивало Англию в позорную и опасную войну» [201, 2.IX.1899], и утверждали, что «война явилась бы отвратительным безумием» [291, 2.IX.1899]. Разоблачая захватнические и грабительские цели, которые английские империалисты преследовали в бурских республиках, «Джастис» писала: «С каждым днем становится все более очевидным, что разговоры о борьбе за равные политические права и за равное налоговое обложение служат только маскировкой для тех, кто хочет уничтожить, будь то дипломатическим путем или силой оружия, политическую независимость бурских республик. У президента П. Крюгера нет другого выбора, кроме как быть

съеденным под дипломатическим или военным соусом... С. Родс, А. Бейт и К° хотят быть хозяевами богатой страны Ранда. Чемберлен хочет уничтожить независимость Трансваальской Республики именно в их интересах, а не „во имя Британской империи“, „политической справедливости“ или других высокопарных фраз, прикрывающих грабеж» [291, 26.VIII.1899]. На состоявшейся перед войной конференции СДФ в Манчестере была принята резолюция, осудившая захватническую политику правительства Р. Солсбери в отношении бурских республик [291, 2.IX.1899].

В начале войны, разоблачая грабительские цели войны Англии в Южной Африке и несостоятельность утверждения лорда Р. Солсбери о том, что Англия ведет войну за освобождение ойтландеров и африканцев от тирании буров, за равноправие всех рас, «Джастис» писала: «Мы, не колеблясь, заявляем, что если бы в Трансваале не было золота, то не было бы никогда и этой войны; мы заявляем также, что за военным поражением Трансвааля последует его аннексия... в интересах шайки грабителей... наиболее покорным и послушным слугой которых является Р. Солсбери» [291, 18.XI.1899].

Революционные социал-демократы заклеили англо-бурскую войну как тягчайшее преступление, совершенное английскими капиталистами, правительством Р. Солсбери и ревностным джингоистом — Д. Чемберленом [291, 14.X.1899].

Большой заслугой революционного крыла СДФ явилось разоблачение того, что агрессивная политика Англии в Южной Африке была чуждой интересам английского народа.

Вскоре после начала войны Гарри Квелч писал, что она «не является ни популярной, ни народной, ни даже британской, ибо она ведется не в интересах английского народа, но для обогащения наиболее бесчестной шайки аферистов, спекулянтов и мошенников из всех когда-либо позоривших Англию» [291, 21.X.1899]. Он справедливо утверждал, что английские солдаты воюют за чуждые им цели. «Томми Аткинс⁴, — писал Г. Квелч, — получает в день за свою службу один шиллинг, за который рискует быть убитым. Он продает себя именно за эту цену не из любви к английской королеве и к стране, а под тяжким гнетом нужды, не в интересах „отечества“, а в интересах Чемберлена, Родса, Ротшильда, Эккштейна, Бейта и всей прочей „благородной“ шайки „англосаксов“ — расхитителей золота» [291, 6.I.1900]. В письме к Г. Квелчу Д. Эллам также утверждал, что английскому народу не нужен захват Трансвааля, что Англия ведет войну «в угоду богатым классам — аристократии и плутократии, благородным и неблагородным держателям акций «Чартеред

⁴ Томми Аткинс — нарицательное имя английского солдата.

Компани» и других компаний финансистов и биржевых спекулянтов, в целях обогащения и усиления своей власти» [291, 18.XI.1899]. В начале войны Г. Квелч выступил с осуждением «шовинистического патриотизма». Заявляя, что рабочие не должны разделять патриотических чувств в отношении капиталистического отечества, он призывал их к интернациональной пролетарской солидарности [291, 4.XI.1899].

Революционные социал-демократы гневно обвиняли английскую буржуазию и правительство в том, что они возложили основную тяжесть ведения грабительской войны на плечи английских рабочих [291, 30.XII.1899].

Заслугой революционных социал-демократов было то, что они вели борьбу против милитаризма и войны в тесной связи с борьбой за конечные цели революционного пролетариата. Они утверждали, что полная ликвидация милитаризма будет возможна лишь в результате уничтожения порождающего его капитализма и победы социализма [291, 6.I.1900], и выражали надежду, что социалисты во всех странах будут бороться за установление «международной дружбы» [38, ед. хр. 1042, л. 1].

Осуждая захватническую войну, революционные социал-демократы опубликовали 20 января 1900 г. «Манифест Социал-демократической федерации», в котором призывали англичан не вступать в добровольческие отряды для несения службы за пределами Англии, не допускать введения всеобщей воинской повинности, бороться за заключение мира, предусматривающего отказ Англии от захвата бурских республик. «Манифест Социал-демократической федерации» призывал не только к борьбе против захватнических войн и милитаризма, но и к ликвидации господства буржуазии, порождающего их. «Сбросьте апатию и безразличие, которые делают вас беспомощными в политике, и возьмите в свои руки контроль над нашей страной. Так, и только так, вы сможете освободиться от сокрушающего ярма лордов денежного мешка; так, и только так, вы сможете положить конец их пиратской империалистической политике за пределами Англии и добиться того, чтобы у себя на родине наслаждаться материальными благами, которые вы создаете, но которые у вас отбирает немногочисленное, эгоистичное меньшинство, монопольно владеющее средствами производства» [291, 20.I.1900].

Этот революционный манифест был высоко оценен германской социал-демократической прессой, справедливо отметившей, что СДФ призывает английский народ «к социальному освобождению» и к ликвидации национального угнетения [298, 24.I.1900].

Осуждая захватническую войну и протестуя против предоставления правительству средств на ее ведение, революци-

онные социал-демократы призывали правительство расходовать деньги не «на резню во славу Родса, Эккштейна, Бейта и других „благородных“ британцев», а на «пенсии престарелым, на образование, питание для голодающих детей и на все то, что улучшило бы положение миллионов трудящихся и страдающих людей в Англии» [291, 3.II.1900]. Они требовали также оказания существенной помощи миллионам голодающих в Индии [291, 3.II.1900]. Революционные социал-демократы сумели показать, что агрессия Англии в Южной Африке служила реакционным целям английских империалистов в области внутренней политики. «Из множества отрицательных результатов войны один из худших заключается в том, что война отвлекает внимание от важнейших внутриполитических проблем в Англии» [291, 18.XI.1899],— писала «Джастис».

Революционные социал-демократы предвидели, что завоевание бурских республик Англией очень тяжело отразится на положении коренного населения Южной Африки, в том числе на положении рабочих, трудившихся на золотых приисках [291, 18.XI.1899]. Они выражали свою готовность «помочь зулусам или любым другим туземцам в борьбе против угнетения их белыми, будь то против буров или англичан» [291, 13.I.1900]. «Если бы туземцы Южной Африки восстали против белых, британцев и буров, наши симпатии были бы на стороне туземцев» [291, 13.I.1900],— писала «Джастис». В разгар войны революционные социал-демократы предвидели усиление освободительной борьбы коренного населения Южной Африки против колониализма. «Завершение войны не будет означать ее действительного окончания и установления постоянного господства Англии в Южной Африке. Напротив. Оно может предвещать упадок Британской империи. Мы сеем ветер огнем, убийством и кровопролитием; пусть неизбежный ураган настигнет тех, кто породил его»,— писала «Джастис» [291, 23.XII.1899]. Газета выражала уверенность в том, что в будущем хозяином Южной Африки станет ее коренное население [291, 15.IX.1900]. Она высказывала предположение, что захват бурских республик «вызовет в будущем распад той самой империи, жертвой которой они стали» [291, 7.VI.1900].

Члены СДФ, и в первую очередь ее руководители, выступали с антивоенными статьями, лекциями, речами, организовывали митинги протеста против войны. Отрицательное отношение подавляющего большинства членов СДФ к развязанной английскими империалистами захватнической войне, к шовинизму и расовому угнетению было столь очевидным, что ее руководители ошибочно сочли возможным ограничиться антивоенной резолюцией, принятой на Манчестерской конференции, и не принимать резолюций по вопросу об отношении

к войне на конференциях СДФ, состоявшихся в 1900 и 1901 гг. В августе 1900 г. Стратфордская конференция СДФ, обсудив по предложению члена Исполкома СДФ И. Б. Бакса вопрос о положении в Южной Африке, не приняла антивоенной резолюции. «Все делегаты полагали, что такая резолюция не нужна, поскольку отрицательное отношение СДФ к войне было ясным еще до ее начала»,— писала в связи с этим «Джастис» [291, 11.VIII.1900]. Год спустя конференция СДФ в Бирмингеме вовсе не обсуждала вопрос о положении в Южной Африке и об отношении СДФ к этой войне. Воздержавшись от принятия на Стратфордской и Бирмингемской конференциях СДФ антивоенных резолюций, революционные социал-демократы упустили хорошую возможность для усиления антивоенной пропаганды. Ошибкой революционных социал-демократов явилось также то, что в самом начале войны они не выступили с требованием ее немедленного прекращения. «Мы осуждали войну с момента ее возникновения, но мы считали бесполезным предлагать заключение мира до тех пор, пока британские войска не одержат решительную победу»,— писал Г. Квелч [291, 3.III.1900]. Эта ошибочная позиция в тот момент объективно содействовала усилению британской империалистической вооруженной агрессии. Но уже в январе 1900 г. революционные социал-демократы стали требовать скорейшего заключения мира на основе отказа Англии от захвата бурских республик. Учитывая временное преобладающее влияние революционных социал-демократов в СДФ и желая сохранить в своих руках официальное руководство ею, Г. Гайндман накануне войны и в течение ряда месяцев во время ее совместно с ними участвовал в антивоенной борьбе. Это, однако, не означало, что Г. Гайндман в то время разделял идеи революционных социал-демократов. Временно сотрудничая с ними, он на деле, по выражению В. И. Ленина, оставался «очень и очень путаным буржуазным демократом» [6, стр. 394]. Это ярко проявилось во время решительного разрыва Г. Гайндмана с революционными социал-демократами, наступившего в августе—сентябре 1901 г., и в дальнейшей его деятельности.

Затянувшаяся война содействовала усилению влияния революционных социал-демократов на рядовых членов СДФ. В мае 1901 г. Исполком СДФ в составе Г. Квелча, Ф. А. Ротштейна, И. Б. Бакса, А. Уотса, У. Барвика, С. Дэвиса, М. Грэй, Г. Саундерс Джакобса, Ф. Джонса, Дж. Джонса и Г. Гайндмана принял революционный манифест. В нем выражалось сожаление по поводу того, что накануне возникновения войны в Южной Африке англичане, оказавшись под влиянием джингоистских идей, не помогли социал-демократам в борьбе против ее возникновения. Подчеркнув, что захватническая война, обогащающая капиталистов, чужда ин-

тересам английского народа, авторы манифеста заявили, что «жертв, понесенных английскими солдатами в борьбе за ликвидацию свободы храброго врага, было бы достаточно для сокрушения угнетающей английской народ капиталистической тирании». Манифест отмечал, что для предотвращения захватнических войн необходимо сокрушить капитализм. Он призывал английский народ примкнуть к СДФ и включиться в борьбу за ликвидацию частной собственности на орудия и средства производства и господства буржуазии [291, 11.V.1901].

Революционные требования манифеста вызвали отпор со стороны лидера правых социал-демократов Г. Гайндмана. Подписав этот манифест, он несколько дней спустя в письме к Г. Квелчу решительно осудил взгляды революционных социал-демократов. Он стал настаивать на том, чтобы СДФ заняла нейтральную позицию по отношению к англо-бурской войне. Это свидетельствовало о переходе Г. Гайндмана на враждебные английскому народу и народам Южной Африки позиции пособничества войне английских империалистов за захват бурских республик.

Пытаясь побудить СДФ занять нейтральную позицию по отношению к продолжавшейся войне, Г. Гайндман накануне конференции СДФ в Бирмингеме писал Г. Квелчу: «Задачей Социал-демократической федерации является распространение социализма... Я думаю, что за последние два года мы уделили Южной Африке вполне достаточно внимания» [291, 20.VII.1901].

Отказываясь от борьбы за немедленное заключение мира и за признание Англией независимости бурских республик, Г. Гайндман выдвинул абсурдное утверждение о том, что продолжение войны будет выгодным для английских рабочих, так как оно будет содействовать усилению их борьбы против английских капиталистов.

Отказ Г. Гайндмана от сотрудничества с революционными социал-демократами исключил возможность пребывания его у руководства СДФ, так как большинство ее членов находилось под влиянием революционных идей. На состоявшейся в августе 1901 г. в Бирмингеме конференции СДФ кандидатура Гайндмана не была выдвинута в состав Исполкома СДФ. Отстранение Г. Гайндмана от руководства СДФ содействовало некоторому усилению влияния в ней революционных социал-демократов. На выборах нового состава Исполкома наибольшее число голосов получили Ф. А. Ротштейн и Г. Квелч.

Революционные социал-демократы призвали Независимую рабочую партию к совместной борьбе против войны. Положительно оценивая позицию, занятую лидером НРП Дж. Кейром Гарди по отношению к войне, Г. Квелч выразил надежду

на то, что совпадение взглядов большинства членов этих партий на вопрос о характере войны Англии против бурских республик будет содействовать сплочению английских социалистов [291, 13.I.1900].

Революционная деятельность СДФ и классовая борьба в Англии в конце 90-х годов XIX в. и в начале XX в. содействовали численному росту этой партии за счет вступления в ее ряды наиболее сознательных рабочих. С 1898 по 1901 г. численность членов СДФ удвоилась, поднявшись с 4500 до 9000 человек [234, стр. 243]. Однако СДФ по-прежнему не являлась массовой политической партией английского рабочего класса. Она все еще не могла «приладиться к... теоретически беспомощному, но живому, массовому, могучему рабочему движению» [3, стр. 233]. Влияние СДФ на английское рабочее движение оставалось незначительным. Эта партия еще не имела своих представителей в палате общин. На парламентских выборах в октябре 1900 г. за двух кандидатов от СДФ было подано лишь около семи тысяч голосов [291, 13.X.1900].

Итак, революционные социал-демократы, в то время руководившие СДФ, вели упорную борьбу против несправедливой, империалистической войны Англии в Южной Африке, разоблачали грабительские цели и антинародную сущность этой войны, требовали ее скорейшего завершения, призывали к ликвидации колониализма, поддерживали борьбу коренного населения Южной Африки против английских и бурских колонизаторов; они осуждали милитаризм, требовали ликвидации постоянной армии, разоблачали буржуазную сущность шовинистических и расистских идей, призывали к сплочению социалистов для борьбы против войны, милитаризма, колониализма, империализма, выступали в защиту идей пролетарского интернационализма. Они вели эту борьбу в тесной связи с борьбой за ликвидацию господства буржуазии, за политическую власть рабочего класса, за социализм.

Однако в борьбе против империалистической войны Англии за захват бурских республик революционные социал-демократы не смогли сплотить вокруг себя большинство английского рабочего класса, не прибегли к организации в Англии массовых антивоенных стачек в масштабе промышленных предприятий и отраслей промышленного производства, не провели всеобщей забастовки с целью заставить правительство Р. Солсбери немедленно пойти на заключение мира.

Независимая рабочая партия, выражавшая интересы рабочей аристократии, пролетаризирующейся мелкой буржуазии и несознательных рабочих, также выступила с осуждением захватнической войны Англии в Южной Африке. Дж. Кейр Гарди справедливо утверждал, что эта война была развязана английскими капиталистами, желавшими завладеть бога-

тейшими естественными ресурсами бурских республик, подчинить их африканское население жестокой эксплуатации, отвлечь внимание английских рабочих от тяжелых условий их труда и жизни [191, стр. 8; 292, 6.I.1900; 57, стр. 34]. Оценивая перспективы господства Англии в Южной Африке, Дж. Кейр Гарди высказал уверенность в том, что оно будет непрочным и что Англия в дальнейшем утратит свои южноафриканские и другие колониальные владения [292, 9.V.1900].

Политика английского правительства, приведшая к войне в Южной Африке, а затем война привлекли пристальное внимание Национального административного совета НРП и обсуждались на ее конференциях. В состав совета тогда входили Дж. Кейр Гарди, Дж. Брюс Глэсиер, Ф. Литтлвуд, Ф. Броклехарст, Дж. Р. Макдональд, Ф. Сноуден, Дж. Пенни, Х. Рассел Сمارт. Они вели борьбу против захватнической войны и милитаризма с позиций мелкобуржуазного реформизма.

В отчетном докладе, с которым Национальный административный совет НРП выступил на VII ежегодной конференции этой партии в Лидсе в апреле 1899 г., отмечалось, что буржуазные политические деятели «старательно вынашивают достойный осуждения джингоизм, или жажду завоеваний, и вводят рабочий класс в заблуждение, побуждая его думать, будто бы его надежды на улучшение условий жизни могут быть осуществлены лишь в результате захвата новых рынков, сохранения военного преобладания Британии и ее господства на море» [63, стр. 4]. Осудив милитаризм, конференция потребовала разоружения, призвала к достижению «лучшего взаимопонимания между европейскими странами» и созыву в 1899 г. в Гааге мирной конференции [63, стр. 20].

В июле 1899 г. Национальный административный совет НРП принял резолюцию, обвинявшую правительство Р. Солсбери «в желании спровоцировать войну с целью захвата Трансвааля в интересах бессовестных эксплуататоров» [57, стр. 4]. В октябре 1899 г., как только началась война, совет принял резолюцию, призывавшую обе стороны выдвинуть взаимно приемлемые условия мира в целях скорейшего завершения войны. Многие члены НРП требовали немедленно прекращения военных действий и передачи англо-бурских разногласий, приведших к войне, на рассмотрение международного третейского суда [292, 20.I.1900].

VIII ежегодная конференция НРП, состоявшаяся в Глазго в апреле 1900 г., осудила грабительскую войну Англии в Южной Африке. Конференция потребовала немедленного прекращения войны, заключения мира, признания независимости Южно-Африканской и Оранжевой республик. Она отметила, что империализм и захватнические войны угрожают всеобщему миру, противоречат дружбе народов, прогрессу

человечества, интересам английского рабочего класса. «Эта война,— гласила принятая конференцией резолюция,— мешает освобождению рабочего класса от капитализма, так как она отвлекает рабочих от самых необходимых реформ в своей стране, разжигает ненависть между народами вместо того, чтобы укреплять международное братство, заставляет расплачиваться за войну ее противников» [55, стр. 4]. Конференция призвала членов НРП «решительнее бороться против милитаризма и условий производства, при которых финансисты могут навязывать всему обществу войну» [291, 21.IV. 1900].

В отчетном докладе, представленном IX конференции НРП, состоявшейся в апреле 1901 г. в Лестере, Национальный административный совет НРП вновь высказался за сохранение независимости бургских республик, осудил гонку вооружений и огромные затраты на войну в Южной Африке; он заявил, что «наиболее ужасающим фактом является то, что война была предпринята Англией с целью дать возможность капиталистам поработить цветное население и низвести до голодного уровня заработную плату белых людей в Южной Африке» [57, стр. 4].

В принятой резолюции конференция обвинила английское правительство в ведении истребительной войны в интересах капиталистов, осудила зверства, совершаемые англичанами в Южной Африке, а также милитаризм и рост расходов на ведение войны [57, стр. 36]. Прозвучавший на Лестерской конференции призыв председателя НРП Дж. Брюса Глэсиера⁵ вести борьбу за социализм, при котором не будет войн и наступит содружество всех народов [57, стр. 4], к сожалению, не нашел отклика ни в одной из резолюций, принятых этой конференцией.

По предложению Дж. Кейр Гарди Лестерская конференция приняла резолюцию, призывавшую созвать в кратчайший срок национальную конференцию всех осуждающих войну организаций и лиц для того, чтобы заставить английское правительство предложить бурам приемлемые для них условия мира [57, стр. 34]. Однако попытка руководителей НРП провести антивоенную конференцию натолкнулась на «нежелание многих осуждавших войну политических деятелей принять в ней участие» [64, стр. 3]. В связи с этим Национальный административный совет НРП на X ежегодной конференции НРП, состоявшейся в Ливерпуле весной 1902 г., выразил сомнение в целесообразности возобновления попыток созвать такую конференцию.

Ливерпульская конференция приняла резолюцию, которая

⁵ Дж. Брюс Глэсиер стал председателем Независимой рабочей партии в 1900 г. в связи с уходом с этого поста Дж. Кейр Гарди.

вновь констатировала, что Англия ведет в Южной Африке захватническую войну «исключительно в интересах капиталистов, владеющих приисками и желающих получить неограниченный источник дешевой рабочей силы». Протестуя против аннексии бурских республик, резолюция утверждала, что она «не оправдана с военной точки зрения, противоречит политической мудрости и национальной чести англичан» [64, стр. 28]. Эта резолюция осудила также создание английскими властями в Южной Африке концентрационных лагерей, приостановку действия конституции Капской колонии, введение там военного положения. НРП осудила также грабительский мир, подписанный в Претории в 1902 г.

Считая необходимым «противостоять милитаристскому и консервативному духу» [57, стр. 5], НРП приняла участие в парламентских выборах, состоявшихся в октябре 1900 г. Из девяти кандидатов в члены парламента, выдвинутых НРП, избранным оказался Дж. Кейр Гарди, уже являвшийся членом парламента в 1892—1895 гг. Лидер тред-юнионов железнодорожных служащих Ричард Бэлл, разделявший буржуазно-либеральные взгляды, выдвинутый совместно НРП и СДФ, тоже стал членом парламента. Руководители НРП расценили победу Дж. Кейр Гарди и Р. Бэлла как «призыв к борьбе не только для НРП, но и для лейбористского и социалистического движения всей нации» [57, стр. 7].

Во время войны Дж. Кейр Гарди голосовал в палате общин против предоставления правительству дополнительных средств для усиления армии и флота и против увеличения налогов [53, т. 98, стр. 931]. Выступая в палате общин, он требовал скорейшего окончания войны, отказа Англии от захвата бурских республик, протестовал против зверств, совершаемых англичанами в Южной Африке, в частности против массовых погромов английскими войсками бурских ферм [53, т. 104, стр. 524—528].

Осуждение Национальным административным советом и конференциями НРП империалистической войны Англии в Южной Африке выражало антивоенные и антимилитаристские настроения подавляющего большинства ее членов. Однако немногочисленная группа правых независимцев-шовинистов поддерживала эту войну. Эту группу возглавлял известный публицист, один из создателей НРП, Роберт Блэтчфорд — редактор выходившей в Манчестере с конца 1891 г. еженедельной газеты «Кларифон». Ближайшими сторонниками Р. Блэтчфорда были А. Томпсон, Монти Блонг, Том Кук.

Протест Независимой рабочей партии против захватнической внешней политики Англии, разоблачение грабительского характера войны, которую Англия вела в Южной Африке, борьба за мир, призыв к единству действий всех противников войны, протест против увеличения налогового бремени,

против господства консервативной партии имели прогрессивное значение. Вот почему влияние этой реформистской партии во время войны в Южной Африке несколько возросло, о чем свидетельствовал численный рост рядов НРП и успех, одержанный ею на парламентских выборах в октябре 1900 г. Если в начале 1899 г. НРП имела около 5 тыс. членов [63, стр. 27], то в 1901 г. она насчитывала около 13 тыс. членов [234, стр. 243]. Однако массовой партией она не стала. Враждебная научному социализму, она вела борьбу против войны с позиций мелкобуржуазного реформизма.

Несколько слов об отношении тред-юнионов к англо-бурской войне. Между многими рядовыми членами тред-юнионов и их руководителями шла борьба по вопросу об отношении к ней. Численность членов тред-юнионов в то время возрастала. Только в 1899 г. в тред-юнионы вступило более 152 тыс. человек: общая численность членов тред-юнионов составила тогда 1 800 869 человек. В 1900 г. в тред-юнионы вступили еще более 100 тыс. членов; общая численность членов тред-юнионов достигла тогда 2 млн. человек, т. е. составила почти 20% общего числа наемных рабочих Англии.

Идейный уровень тред-юнионистского движения был еще низким. Большинство его лидеров разделяло буржуазно-либеральные и шовинистические идеи и поддерживало захватническую политику Англии в Южной Африке. Но эти взгляды встречали сопротивление со стороны части рядовых членов тред-юнионов. На состоявшемся в сентябре 1899 г. в Плимуте конгрессе тред-юнионов многие делегаты выступили с осуждением войны против бурских республик и заявили, что она велась в интересах «английских капиталистов, почувявших золото и решивших захватить его» [59, стр. 85]. Они справедливо утверждали, что агрессивная политика английских капиталистов противоречила интересам английского народа. В принятой резолюции Плимутский конгресс призвал английское правительство к мирному урегулированию англо-бурских разногласий и отметил, что «война принесет огромные страдания и непоправимый ущерб трудящимся» [59, стр. 85—86]. В апреле 1900 г. члены тред-юнионов, осуждавшие захватническую войну, опубликовали прокламацию, обвинявшую английских миллионеров в том, что они, стремясь к обогащению, ввергли Англию в несправедливую войну. Под этой прокламацией поставили свою подпись около 85 тыс. человек. В мае 1901 г. конференция шотландских тред-юнионов тоже осудила войну [292, 17.V.1901]. В феврале 1902 г. тред-юнионы Ньюкасла провели демонстрацию, требуя прекращения военных действий, признания независимости бурских республик, уравнивания в правах всех жителей Южной Африки вне зависимости от их расовой принадлежности [292, 8.II.1902]. Эти выступления имели большое прогрессивное значение. Они

свидетельствовали о росте классового самосознания рабочих. Об этом говорило также участие части английских рабочих в антивоенных митингах и демонстрациях.

Общее число участников многочисленных антивоенных митингов и демонстраций, состоявшихся накануне и во время англо-бурской войны во многих английских и ирландских городах, исчислялось сотнями тысяч человек. Но все же большинство английских и ирландских трудящихся осталось в стороне от активных антивоенных выступлений, которые не переросли во всенародный протест против грабительской войны Англии в Южной Африке. Ведущая роль в борьбе против этой войны принадлежала сознательным, передовым рабочим и выражавшим их взгляды революционным социал-демократам. В борьбе против войны участвовали также мелкие буржуа, полупролетарии, не разделявшие революционных идей рабочие. Помимо большинства членов СДФ, НРП и некоторых тред-юнионов в организации антивоенных митингов и демонстраций участвовали левые либералы, буржуазные пацифисты, анархисты, ирландские социалисты и буржуазные националисты, а также многие рядовые члены английских тред-юнионов, лидеры которых поддерживали эту войну. Противники войны выступали с многочисленными антивоенными статьями, речами, лекциями, докладами.

Антивоенные митинги стали проводиться еще летом 1899 г. Их участники с энтузиазмом принимали резолюции, осуждавшие политику правительства Р. Солсбери, которая вела к захватнической войне против бурских республик. Перед войною и во время нее многочисленные антивоенные митинги и демонстрации были проведены в Лондоне, Манчестере, Бирмингеме, Лидсе, Саутгемптоне, Эдинбурге, Норвиче и во многих других городах. В начале войны на этих митингах обычно принимались резолюции, разоблачавшие ее подлинные цели, осуждавшие капиталистов, которые в погоне за наживой ввергли Англию в захватническую войну [291, 21.X.1899, 6.I.1900]. После того как Англия добилась перелома в ходе военных действий в свою пользу, участники митингов стали зачастую принимать резолюции, требующие немедленного прекращения военных действий, заключения мира и признания английским правительством независимости бурских республик. Такие резолюции, в частности, были приняты на массовом митинге в Лидсе 24 февраля 1900 г., в Лондоне в начале мая 1900 г. [291, 12.V.1900]. Революционные социал-демократы выступали на антивоенных митингах с призывом к борьбе против господства капиталистов. Так, например, в речи на состоявшемся 12 ноября 1899 г. в лондонском «Уолворт палас» митинге Гарри Квелч решительно осудил милитаристов и расистов и призвал рабочих всех стран объединиться в борьбе против эксплуататоров [291, 18.XI.1899].

Правящие круги с тревогой следили за ростом антивоенных настроений. Однако они опасались применять вооруженную силу для разгона антивоенных митингов и возложили эту задачу на банды милитаристов и шовинистов. Эти банды нападали на противников войны, обвиняли их в отсутствии патриотизма и в предательстве интересов английской нации. Пресса сообщала многочисленные сведения о бесчинствах милитаристов. Приведем некоторые из них.

24 сентября 1899 г. банда милитаристов сорвала антивоенный митинг, проходивший в столице на Трафальгарской площади при участии членов СДФ Г. Гайндмана, Тейлора, Мошелеса. Пустив в ход ножи и кулаки, милитаристы при явном попустительстве полиции напали на участников митинга в момент, когда Мошелес предложил принять резолюцию, осуждавшую захватническую политику английского правительства в Южной Африке [291, 30.IX.1899]. Милитаристы дезорганизовали также антивоенный митинг, созданный в Нортгемптоне 8 февраля 1900 г. Желая вызвать беспорядок, они распевали шовинистические и монархические гимны «Правь, Британия» и «Боже, храни королеву». Они избили левого либерала, члена палаты общин Г. Лебучира, лишив его возможности выступить с антивоенной речью. 12 февраля 1900 г. группа милитаристов сорвала митинг, организованный в Лондоне Мейлендским отделением СДФ. Митинг противников войны, созданный в Лондоне 2 марта 1900 г. левыми либералами при участии некоторых членов НРП и СДФ, также подвергся нападению милитаристской банды, вооруженной ножами и палками. После водворения порядка участники митинга приняли резолюцию, требующую немедленного заключения мира [291, 16.III.1900]. В мае 1900 г. милитаристы сорвали антивоенный митинг в Абердине. Они помешали принять резолюцию, обвинявшую английское правительство в том, что оно развязало несправедливую войну, и требовавшую прекращения военных действий, рассмотрения англо-бурских разногласий третейским судом, заключения мира, сохранения независимости бурских республик. Поднятый этой бандой дебош превратился в массовое побоище, которое удалось прекратить лишь с помощью войск [291, 26.V.1900]. Во многих городах банды милитаристов избивали и оскорбляли наиболее активных противников войны и даже громили их жилища [53, т. 81, стр. 445—446, 691].

Революционные социал-демократы требовали, чтобы правительство обуздало погромщиков и обеспечило бы осуществление в Англии свободы слова. Но правительство продолжало потакать бесчинствам милитаристских банд [291, 24.II.1900].

Упорная борьба между противниками и сторонниками войны Англии за захват бурских республик развернулась так-

же в Ирландии, где с протестом против войны выступили социалисты, мелкобуржуазные демократы и буржуазные националисты. Руководимая Д. Конноли Ирландская социалистическая республиканская партия осуждала захватнические войны, расовое и национальное угнетение, требовала ликвидации колониализма, предоставления независимости всем народам Британской империи. Она характеризовала войну Англии против бургских республик как несправедливую, развязанную правительством Р. Солсбери в интересах английских монополистов [139, стр. 50, 185; 140, стр. 33—34].

В отличие от социалистов ирландские буржуазные националисты, выступая против войны Англии за захват бургских республик, не требовали ликвидации колониализма и предоставления всем угнетенным народам независимости. Они использовали серьезные трудности Англии в этой войне для усиления борьбы за самоуправление Ирландии — за гомруль.

В целях усиления своего влияния на народные массы Ирландии буржуазные националисты протестовали против ее участия в оплате расходов на эту войну [53, т. 89, стр. 1145—1155; 53, т. 104, стр. 958, 961, 999, 1001, 1005].

Противники войны провели в Ирландии множество антивоенных митингов. В ряде ирландских городов произошли беспорядки, вызванные столкновениями между противниками войны и пробританскими элементами.

Как видим, состоявшиеся в годы англо-бургской войны выступления не приобрели мощного размаха. Это в основном определялось уровнем развития английского рабочего движения: отсутствием единства в рабочем движении, наличием многочисленной рабочей аристократии, сильным влиянием на английских трудящихся шовинистических, буржуазно-либеральных и мелкобуржуазных реформистских идей, слабым распространением в Англии идей научного социализма, сектантством СДФ. Активность трудящихся в Англии не вышла тогда за рамки разрозненных стачек, в ходе которых в большинстве случаев не выдвигались политические, в том числе антивоенные, требования. Ни одна из стачек 1899—1902 гг. не переросла ни в стачку, которая охватила бы всех трудящихся какой-либо отрасли промышленного производства, ни, тем более, во всеобщую стачку. Активность народных масс в то время не вышла также за рамки местных антивоенных митингов, которые не слились в мощный протест в национальном масштабе против войны английских империалистов за захват бургских республик. Стаечная борьба и антивоенные выступления тех лет в основном развивались в отрыве от борьбы трудящихся за ликвидацию господства буржуазии и капиталистической эксплуатации. К тому же большинство трудящихся не приняло тогда участия в стачечной и антивоенной борьбе. В силу указанных причин английские трудя-

щиеся, осуждавшие войну Англии за захват Южно-Африканской и Оранжевой республик, не смогли заставить английских империалистов пойти на заключение мира на основе отказа от захвата бурских республик. Проведенные во время войны изменения в составе кабинета Р. Солсбери не представляли собой уступку империалистов демократическим силам Англии. Эти изменения были вызваны лишь стремлением империалистов обеспечить дальнейшее успешное осуществление Англией агрессивной внешней и антинародной внутренней политики. Используя различные методы борьбы против рабочего движения и против участников антивоенных митингов, английские империалисты добились осуществления своих грабительских целей в войне против бурских республик.

ДЕРЖАВЫ И АНГЛО-БУРСКАЯ ВОЙНА

ГЕРМАНСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ И АНГЛО-БУРСКАЯ ВОЙНА

Накануне и во время войны господствующие классы Германии, Франции, США, Голландии, России были обеспокоены перспективой усиления экономической мощи и дальнейшей экспансии Англии в результате захвата ею бурских республик. Однако правительства европейских держав и США воздержались от вмешательства в англо-бурскую войну и не попытались предотвратить аннексию бурских республик Англией. Существовавшие между державами острые империалистические противоречия, а также соглашения по частным вопросам колониальной политики, заключенные в то время Англией с Германией и США, исключали возможность осуществления державами как коллективных, так и сепаратных антибританских действий, направленных на предотвращение захвата бурских республик Англией. Эти соглашения были компенсацией, которую Англия уплачивала державам за невмешательство в войну. Оно было важной причиной одержанной Англией победы. Рассмотрим отношение к англо-бурской войне империалистической Германии — главного соперника Англии в борьбе за передел мира, за господство на море и на мировом рынке. Обратимся сначала к борьбе Англии и Германии за португальские колонии в Южной Африке и спорам об их разделе.

В конце XIX в. экономическое, внутривластное и международное положение Португалии было очень напряженным. Стоявшие у власти буржуазно-помещичьи круги во главе с бездарным представителем Браганцкой династии королем Карлосом I и лидером либеральной буржуазно-помещичьей партии прогрессистов Люциано де Кастро проводили антинациональную политику подчинения экономики страны иностранному капиталу. Формально Португалия была суверенным государством, но в экономическом отношении она зависела от Англии. В. И. Ленин отмечал, что в то время Португалия была «аннексией» Англии в экономическом смысле, ее «вассалом» [13, стр. 95]

Уровень промышленного развития Португалии был тогда очень низким, а финансовое положение — катастрофическим. В 1900 г. дефицит государственного бюджета Португалии до-

стиг 2 660 967 рейсов¹ [20, д. 63, л. 51]. Государственный долг страны стремительно возрастал. С 1892 г. Португалия находилась «в положении негласного банкротства» [20, д. 63, л. 36]. Бремя налогов, ложившееся на плечи португальского народа, становилось все более тяжким. С 1882 по 1912 г. сумма налоговых обложений, приходившаяся в среднем на каждого жителя Португалии, удвоилась [223, стр. 14]. Нищета народных масс была причиной массовой эмиграции. С 1872 по 1900 г. около 580 тыс. португальцев навсегда покинули свою родину. Правящие круги Португалии не принимали никаких мер, которые содействовали бы развитию национальной промышленности, сельского хозяйства, торговли и вывели бы страну и народ из того тяжелого положения, в котором они находились.

Воспользовавшись огромными трудностями Португалии, Англия, Германия и Франция активизировали борьбу за дальнейшее закабаление этой страны, за усиление своих позиций в португальских колониях в Африке. Главным соперником Англии в этой борьбе была Германия. Немецкие монополисты, а также император Вильгельм II были сторонниками резкого расширения колониальных захватов Германии. Они выступали, в частности, за передел португальских колониальных владений. На экспансии германского капитала в Португалию и в ее африканские колонии особенно настаивали германские монополисты, владевшие португальскими ценными бумагами и связанные с деятельностью «Немецкого банка», «Дармштадтского банка» и «Учетного общества». Дальнейшего проникновения в Африку требовал также Пангерманский союз [см. 90; 91].

Добиваясь в конце 90-х годов XIX в. участия Германии в предоставлении Португалии нового займа, немецкие монополисты стремились также создать благоприятные условия для ввоза в эту страну своих промышленных товаров. Стоимость экспорта германских товаров в Португалию увеличилась с 19 млн. марок в 1899 г. до 32,8 млн. марок в 1908 г. Предоставлявшиеся Португалии займы в значительной мере шли на покупку португальским правительством изделий германских фирм. Предполагавшийся весной 1898 г. заем Португалии у Ротшильда в Лондоне (размером в 6 млн. ф. ст.) не состоялся из-за энергичного противодействия со стороны Германии [20, д. 63, лл. 36—38]. Английские империалисты, в свою очередь, не желали допускать усиления германского влияния в Португалии и ее колониях, ибо Германия была главным соперником Англии на мировой арене. Ведя пере-

¹ Рейс (португ. reis) — множественное число от реала — денежной единицы Португалии (до 1911 г.); 1 рейс=0,001 мильрейса— золотой монеты, содержащей к 1911 г. 1,68 г чистого золота.

говоры с Португалией о предоставлении ей займа, английское правительство упорно отвергало участие в нем Германии.

Трудности, которые испытывала Португалия в конце XIX в., значительно усилились накануне и во время англо-бурской войны, когда вплотную встал вопрос о том, будут ли оставлены Португалии ее колонии в Африке. Рассмотрим положение в этих колониях в то время.

Общая площадь португальских колоний в Африке — Анголы, Мозамбика, Португальской Гвинеи — во много раз превышала размеры метрополии. Большинство коренного населения Анголы и Мозамбика составляли племена, говорящие на языках банту. По данным швейцарского миссионера А. Жюно, проживавшего в Южной Африке в 1896—1907 гг., численность африканского населения Мозамбика в конце XIX в. достигла 750 тыс. человек, из которых около половины принадлежали к племени тсонга [189, т. 1, стр. 17—30]. На территории Мозамбика жили также племена макуа, малави, ньянджа, яо, маконде, машона. Подавляющее большинство коренного населения Анголы составляли племена баконго, амбунду, тучокве (вачокве), гангуэла, ваньянека, вахумбе, гереро, овамбо [87а, стр. 118—120, 375—378].

Народы Анголы и Мозамбика находились на разном уровне социального развития. Некоторые из них (баконго и, отчасти, тсонга) вступили уже в стадию разложения первобытнообщинного строя; углублялось имущественное неравенство, появились признаки возникновения частной собственности, классов, эксплуатации человека человеком. Основной формой собственности у тсонга оставалась общинная собственность на землю. Стада паслись на общинных землях. Однако в личном владении членов племени уже находились небольшие пахотные участки земли, которые обрабатывались без применения наемной рабочей силы. Жюно сообщает, что вожди тсонга взимали долю урожая с участков пахотных земель, принадлежавших членам племени, отбирали у охотников часть добычи, эксплуатировали членов племени [189, т. 2, стр. 9—18].

Колонизация португальцами Анголы и Мозамбика принесла коренному населению неисчислимы бедствия. Она сопровождалась физическим истреблением части местных племен, отчуждением принадлежавших им лучших земель, установлением высоких налогов, введением принудительного полурабского труда. Захватывая огромные территории, колонизаторы создавали плантации, на которых разоренные и закабаленные ими африканцы были принуждены почти даром возделывать экспортные культуры — хлопок, кофе, табак и пр. Уделом порабощенного коренного населения стала жесточайшая эксплуатация и чудовищная расовая дискриминация.

Местные племена самоотверженно отстаивали свою неза-

висимость. Одно из самых мощных выступлений против португальских колонизаторов произошло в 1895 г. на юге Мозамбика. Для подавления этого восстания из Португалии были отправлены военные карательные экспедиции. Несколько позднее поднялись на борьбу племена на северо-западе Мозамбика, возглавляемые вождями Матака, Куамбе и Мензрафи. Для подавления этого восстания португальское правительство летом 1899 г. послало из метрополии войска численностью в 2,5 тыс. человек. Это решение было принято португальским правительством по предварительной договоренности с Англией [18, д. 60, л. 50]. Высадившись в бухте Делагоа, португальские каратели стали продвигаться на север и в начале августа 1899 г. достигли озера Ширао. Одновременно с ними в район между озерами Ширао и Ньяса для действий против восставших африканцев была направлена английская военная экспедиция. Португальское правительство отправило также карательные военные экспедиции в Анголу для подавления освободительной борьбы [18, д. 60, л. 50]. Однако Португалия не имела возможности содержать в своих колониях крупные вооруженные силы, так как ее армия и флот были невелики. В целях усиления португальской армии правительство Люциано де Кастро провело в июле 1899 г. через кортесы проект, предусматривавший ее перевооружение. Все же численность действующей португальской армии в случае войны по-прежнему могла достигнуть лишь 149 тыс. человек [18, д. 60, лл. 154—157].

Учитывая экономическую и военную слабость Португалии, капиталисты Англии, Германии, Франции и других стран в последние десятилетия XIX в. усилили борьбу за проникновение в экономику португальских колоний в Африке. Они использовали, в частности, решение португальского правительства «раздать на выгодных для себя условиях разным иностранным компаниям большие концессии для развития и эксплуатации португальских колоний в Африке» [18, д. 60, 157]. Это решение было принято португальским правительством в связи с тем, что ст. 35 Заключительного акта Берлинской конференции 1885 г. предусматривала, что «новые владения» держав в Африке будут впредь считаться действительными лишь в том случае, если державы смогут обеспечить на занимаемых ими на Африканском континенте территориях существование власти, достаточно сильной, чтобы защитить интересы колонизаторов². Вскоре в Анголе и Мозамбике развернули свою деятельность иностранные промышленные и торговые

² Текст заключительного акта Берлинской конференции см. [93]. Вследствие слабого развития промышленности в Португалии, буржуазия этой страны не могла вкладывать крупные капиталы в свои африканские колонии. Этого не делало и португальское правительство, ибо финансовое положение Португалии в конце XIX в. было очень тяжелым.

компании. Португальские колонии в Африке стали ареной ожесточенной борьбы английских, германских и французских империалистов.

В 1888 г. английские и французские капиталисты создали «Мозамбикскую компанию» по добыче золота и алмазов с капиталом в 1 млн. ф. ст. В 1891 г. она получила права привилегированной компании. Эта же компания вела строительство железной дороги Бейра — Маника — Умтали, владела плантациями, на которых выращивались хлопок, сахарный тростник, рис, каучуконосы. Основанная в 1892 г. англо-французская «Компания Замбези» с капиталом в 15 млн. фр. занималась преимущественно сельскохозяйственным производством. Она контролировала 155 тыс. кв. км. Созданная в 1894 г. англо-французская «Компания Ньяса» с капиталом в 25 млн. фр. добывала уголь, железную руду, золото, слюду, выращивала хлопок и каучуконосы. Она получила в эксплуатацию территорию в 250 тыс. кв. км. В конце XIX — начале XX в. в Мозамбике действовали также «Сахарная компания Мозамбика», «Сахарная компания Восточной португальской Африки», «Компания по добыче жемчуга в Базаруто», «Компания по добыче каменного угля в бассейне Замбези», «Сельскохозяйственная компания Морибана», горнодобывающая компания «Мозамбик Месеквес Лимитед» и др. [223, стр. 239—246].

Усилению влияния английских империалистов в Мозамбике способствовало заключение в 1891 г. англо-португальского соглашения, по которому Англия получила право свободной навигации по рекам Замбези и Шире и свободного транзита через Мозамбик [223, стр. 231—232]. Регулярная морская связь и торговля между Мозамбиком и Португалией осуществлялись в основном кораблями английской компании «Юнион Стил Шип К°». Наступление Англии на португальские колонии усилилось после захвата Англией огромных территорий, находившихся между Британским Бечуаналендом, Германской Юго-Западной Африкой, Мозамбиком, Трансвалем, Анголой. Это содействовало обострению англо-германских противоречий, так как немецкие империалисты требовали захвата Германией Анголы и значительной части Мозамбика [49, т. 14, ч. 1, Приложение].

К началу эпохи империализма Португалия находилась на грани утраты своих огромных колоний. В этих условиях некоторые португальские политические деятели и публицисты стали настаивать на том, чтобы она продала хотя бы часть своих заморских владений. Они надеялись тем самым избежать конфликта Португалии с претендовавшими на захват этих колоний Англией и Германией, ослабить недовольство португальского народа путем сокращения расходов на содержание администрации и войск в колониях, упрочить господ-

ство в Португалии крупных землевладельцев и буржуазии. С подобными требованиями выступали, в частности, Родригес де Фрейтас, Оливейра Мартинес и финансовый делец Ногейра. «Мы требуем слишком много от налогоплательщиков, чтобы удержать наши колонии ради тщеславия: колонии нам не нужны, они станут причиной нашего позора», — писал Ногейра [223, стр. 274—275].

В 1888 и 1891 гг. кортесы обсуждали внесенный морским министром Ф. д'Алмейдой законопроект о продаже Макао, Тимора, Мозамбика, владений Португалии в Индии, Португальской Гвинеи. Ф. д'Алмейда полагал, что продажа колоний даст Португалии возможность укрепить свое положение в Анголе, на островах Сан-Томе, Принсипи, Зеленого Мыса [223, стр. 274]. Но законопроект Ф. д'Алмейды был отвергнут.

В сложной международной обстановке конца XIX — начала XX в. африканские владения Португалии оставались в ее слабых руках и, вопреки настояниям германских империалистов, не подверглись разделу. Каковы же были причины этого?

Английские империалисты энергично готовились к войне за захват южноафриканских республик. Очень важным условием ее успешного для Англии исхода было предотвращение вмешательства и враждебных по отношению к Англии действий Германии, а также совместных с Германией антианглийских акций России и Франции. Учитывая это, германские правящие круги стали добиваться от Англии согласия на компенсацию за благожелательную к Англии позицию, которую Германия смогла бы занять в надвигающейся войне. Германские империалисты считали, что такой компенсацией могло бы быть участие Германии в разделе португальских колоний в Африке.

Проект раздела этих колоний был предложен германским послом в Лондоне Гатцфельдом британскому премьер-министру Р. Солсбери в личной беседе, состоявшейся в июне 1898 г. Германия претендовала на мозамбикскую территорию севернее р. Замбези и на всю Анголу; к Англии должны были отойти мозамбикские земли к югу от р. Замбези, а также бухта Делагоа. Кроме того, Гатцфельд заявил, что Германия хочет вместе с Англией участвовать в предоставлении Португалии займа, обеспеченного доходами с ее колониальных таможен [43, т. 1, № 70]. Английским империалистам не хотелось допускать Германию к участию в разделе португальских колониальных владений в Африке. Они надеялись добиться фактического поглощения этих колоний Англией, формально сохранив их в руках Португалии. Официально же английские правящие круги заявляли о своем желании сохранить *status quo* в отношении португальских колоний [43, т. 1, № 67].

Однако необходимость заручиться благожелательной позицией Германии в подготовлявшейся войне против бурских республик побудила Англию формально пойти ей на уступки. 30 августа 1898 г. между Англией и Германией были заключены две конвенции.

Одна из них предусматривала предоставление договаривающимися сторонами займа Португалии, обеспеченного таможенными сборами в ее колониях. Англия получала право взимать таможенные сборы в Мозамбике к югу от р. Замбези и по ее левому берегу выше впадения в нее р. Шире, а также в центральной части Анголы; Германия — в Мозамбике к северу от р. Замбези, в Южной Анголе и на о. Тимор. В случае прекращения уплаты Португалией процентов по займу предусматривалась передача ею Англии и Германии управления таможнями соответственно в указанных частях Мозамбика, Анголы и на о. Тимор [49, т. 14, ч. 1, № 3872].

Вторая конвенция (секретная) предусматривала раздел португальских колониальных владений, а именно: захват Англией и Германией территории, соответственно определенных первой конвенцией. В секретной конвенции говорилось также об оказании Англией и Германией совместного противодействия любой третьей державе, которая попыталась бы принять участие в разделе португальских колоний. Кроме того, эта конвенция предоставляла подданным Англии и Германии разные «прерогативы, льготы и привилегии в производстве, торговле, во взимании пошлин и в навигации» в тех частях португальских колоний, которые эти страны захватят в «случае, если Португалия откажется от суверенных прав в Мозамбике, Анголе и на о. Тимор или лишится этих территорий любым другим способом» [49, т. 14, ч. 1, № 3872].

В подписанной тогда же секретной англо-германской ноте отмечалось: «Если одно из правительств будет пользоваться специальными привилегиями частного характера, оно должно немедленно информировать другое правительство и, если эти привилегии гарантированы, должно употребить свое влияние, чтобы получить для другого правительства подобные и равноправные привилегии» [49, т. 14, ч. 1, № 3872]³.

Англия подписала конвенции от 30 августа 1898 г. «весь-

³ Буржуазные историки игнорируют захватнический характер англо-германских конвенций и ноты от 30 августа 1898 г. Так, например, немецкий историк Ф. Шварце утверждает, что заключение соглашения с Англией якобы было вынужденным шагом со стороны Германии, колониям которой в Африке угрожало быть зажатыми в тиски в случае захвата Англией Мозамбика и Анголы. Вопреки истине, Ф. Шварце пытается доказать, будто бы борьба Германии за раздел португальских колоний определялась «оборонительными» целями [248, стр. 11—14]. Английский историк Х. Ливермор неоснованно полагает, будто конвенции 1898 г. были подписаны лишь потому, что Португалия не выплачивала исправно свои долги [201, стр. 446].

ма неохотно и считала их... компромиссом, принятым с убеждением, что условия, которые они предусматривали, вряд ли будут реализованы» [201, стр. 446]. В дальнейшем Великобритания уклонилась от реализации соглашений 1898 г.; она установила свое фактическое господство в африканских колониях Португалии при формальном сохранении их в руках последней.

Стремясь добиться выполнения условий, записанных в конвенциях, Германия настаивала на скорейшем предоставлении Португалии займа. Германский посланник в Лиссабоне граф Таттенбах неоднократно обращался к португальскому правительству с требованием немедленно согласиться на заем. Однако английский посланник в Лиссабоне Хью Макдональд противодействовал домогательствам Таттенбаха [18, д. 60, л. 83]. С целью оказать нажим на Португалию Германия весной 1899 г. послала военную эскадру в португальские воды. Узнав о предстоящей демонстрации, Хью Макдональд «пригласил в Лиссабон к тому же моменту и великобританскую эскадру» [18, д. 60, л. 83]. Оба империалистических соперника пытались прикрыть военную демонстрацию лживыми заверениями в своих дружеских отношениях к Португалии. Франция тоже поспешила отправить в лиссабонский порт военные корабли. Французский посланник в Лиссабоне Рувье в беседах с царским дипломатом Муравьевым-Апостолом-Коробьиным сообщил, что французское правительство хочет сохранить *status quo* в южноафриканских владениях Португалии и осуждает идею раздела португальского Мозамбика. Рувье заявил также, что Франция вела в этом духе переговоры в Лондоне и Претории [18, д. 60, лл. 96, 112].

С началом англо-бурской войны Германия вновь попыталась добиться реализации секретной конвенции с Англией от 1898 г.: Таттенбах предъявил португальскому правительству требование передать Германии южную часть Анголы, предоставить право на строительство железной дороги из Дамараленда в Германской Юго-Западной Африке до южного ангольского порта Тайгербей, на сооружение там пристани, набережной, товарной станции и складов [20, д. 63., лл. 41—42]. Но английское правительство решительно противилось этим домогательствам. Чтобы обеспечить за собой преобладающее влияние в португальских колониях в Африке и не допустить их раздела, Англия навязала Португалии секретное Виндзорское соглашение. В нем подтверждалась секретная статья договора от 23 июня 1661 г., обязывавшая Англию защищать все владения португальской короны от посягательств других держав. По Виндзорскому соглашению Португалия не должна была пропускать через территорию своих африканских колоний войска и военные грузы, предназначенные для буров. «Виндзорское соглашение практически уничтожало ан-

гло-германское соглашение от 1898 года», — справедливо замечает Х. Дрекслер [148, стр. 1621].

Португальское правительство отказалось удовлетворить притязания Германии [18, д. 60, лл. 181—182]. Оно не приняло также сделанное в конце 1899 г. немецким «Дисконто Банк» предложение предоставить Португалии заем, который должен был быть гарантирован доходами от португальских колоний в Африке [18, д. 60, лл. 181—182]. Правительство Р. Солсбери немедленно предложило Португалии заем без гарантии [18, д. 60, лл. 181—182]. Однако эти неудачи не охладили пыл германских империалистов в достижении намеченных целей.

Португалия была весьма обеспокоена возможностью раздела ее колоний в связи с англо-бурской войной. Она опасалась, в частности, что если в ходе военных действий буры вступят в Южный Мозамбик, то эта территория будет оккупирована английскими войсками, а Германия немедленно займет тогда северную часть Мозамбика вплоть до р. Замбези [18, д. 60, лл. 95—96].

Стремление португальского правительства соблюдать нейтралитет объяснялось не только желанием избежать утраты колоний в Африке, но также тем, что народные массы и деятели оппозиции в Португалии враждебно относились к Англии. Секретарь императорской российской миссии в Лиссабоне П. Боткин отмечал, что оказание Португалией содействия Англии «в какой бы то ни было форме может вызвать взрыв народного негодования и даже пошатнуть трон» [18, д. 60, л. 173].

Пытаясь предотвратить раздел Мозамбика между Англией и Германией, Португалия накануне войны вела переговоры с правительством Южно-Африканской Республики с целью заручиться его обещанием не вводить во время войны войска на территорию Мозамбика. В качестве компенсации за это Португалия предлагала взять на себя обязательство впредь до начала военных действий свободно пропускать в Южно-Африканскую Республику оружие через порт Лоренсу-Маркиш. Однако Англия не допустила осуществления этого замысла. Точка зрения правительства Р. Солсбери на роль Португалии в надвигавшейся войне сводилась к следующему: Португалия должна будет, формально сохраняя нейтралитет, на деле содействовать Англии в борьбе за захват бурских республик.

Уступая требованиям Англии, правительству Люциано де Кастро пришлось оказать поддержку английским империалистам уже во время их подготовки к войне. По настоянию Англии португальские власти стали задерживать военные грузы для Южно-Африканской Республики, доставлявшиеся из Германии к берегам португальских колоний в Африке. Это

вызвало возмущение португальского общественного мнения. Чтобы успокоить его, министр иностранных дел Португалии Вейга Бейрао в начале англо-бурской войны заявил, что Португалия будет придерживаться строгого нейтралитета. Но на деле нейтралитет Португалии в этой войне оказался формальным, ибо португальская правящая клика была вынуждена фактически содействовать английским колонизаторам [18, д. 60, лл. 195, 224].

В начале войны порт Лоренсу-Маркиш в бухте Делагоа был завален ящиками с оружием, продовольствием и другими товарами, предназначавшимися бурам. С целью наживы и по желанию Англии португальские власти в Лоренсу-Маркише резко увеличили транзитные пошлины. Доходы португальцев достигли небывалых размеров, ибо «трансваальское правительство не жалело денег» для уплаты этих пошлин. Отметим, что в контрабандном ввозе в Трансвааль оружия, боеприпасов и другого снаряжения участвовали некоторые английские агенты транспортных компаний, начальники пристаней в Лоуренсу-Маркише, португальский начальник таможни этого порта [20, д. 63, лл. 21—22, 116].

Британское правительство направило в Лоренсу-Маркиш инспекторов для борьбы с контрабандой. По настоянию Англии португальское правительство предоставило им право досмотра всех товаров на пристанях, складах и на товарной станции трансваальской железной дороги, а также право свободного доступа в любое время во все таможенные здания. В мае 1900 г. под нажимом Англии правительство Люциано де Кастро издало декрет, предписавший мозамбикскому губернатору считать за военную контрабанду консервы и одежду, адресуемые в Южно-Африканскую Республику [20, д. 63, л. 102]. На основании этого декрета в Лоренсу-Маркише было задержано значительное количество мясных консервов и амуниции. По настоянию английских властей во время войны в Мозамбике на границе с Южно-Африканской Республикой были сосредоточены португальские войска численностью до 3 тыс. человек. Они содержались «при помощи английского золота» и оказывали англичанам «немаловажные услуги в смысле задержки буров в пределах их территории, а также и приостановки доставлявшегося из Европы оружия и провизии» [24, д. 62, л. 60].

Нарушая нейтралитет Португалии правительство Р. Солсбери во время войны использовало территорию Мозамбика для переброски через нее в Родезию английских войск. Вскоре после прибытия лорда Робертса в Южную Африку для руководства действиями британской армии Р. Солсбери уведомил португальского посланника в Лондоне Соверала о предстоящей высадке в порту Бейра английских войск, которые проследуют через Мозамбик в Родезию. При этом

Р. Солсбери заявил, что Англия «не допустит со стороны Португалии никаких обсуждений и не примет никаких возражений» [20, д. 63, л. 118]. Вейга Бейрао дал соответствующее распоряжение португальскому губернатору в Бейре и снабдил его «инструкцией касательно пропуска английских войск». Вскоре 5 тыс. английских солдат, снабженных большим запасом военного снаряжения, высадились в Бейре.

Эти уступки правительства Люциано де Кастро английским колонизаторам в Южной Африке вызвали недовольство португальского народа, а также республиканцев⁴ и консерваторов. Народные массы осуждали правительство Люциано де Кастро за фактическое содействие Англии, так как они враждебно относились к колониализму. Осуждение указанных действий португальского правительства консервативной партией во главе с Гинце-Рибейро было вызвано стремлением упрочить господство Португалии в ее африканских колониях.

С началом англо-бурской войны в кортесах резко обострилась борьба между прогрессистами и консерваторами. 25 декабря 1899 г. (6 января 1900 г.) на заседании палаты пэров Гинце-Рибейро задал министру иностранных дел следующие вопросы: Как относится правительство Люциано де Кастро к войне в Африке? Почему правительство не провозгласило официально нейтралитет Португалии? Не вступило ли правительство в какое-либо соглашение с одной из воюющих сторон после начала военных действий? Что известно правительству об англо-германском соглашении от 1898 г.?

Отвечая на эти вопросы, Вейга Бейрао попытался отрицать фактическое нарушение нейтралитета португальским правительством. Он по существу уклонился от ответа на второй вопрос, сказав, что Португалия, «согласно существующим прецедентам, не сделала особого заявления о своем нейтралитете». Говоря об англо-германском соглашении, Вейга Бейрао подчеркивал, что Португалия получила от Англии и Германии «самые категорические уверения касательно сохранения суверенитета королевства» [20, д. 63, л. 5]. В ответ на запрос одного из руководителей консервативной партии — Жоао Арройо — о судьбе португальских колоний в Африке Вейга Бейрао сказал: «Когда англо-германское соглашение было заключено (в феврале 1898 г.), португальское правительство получило от представителей этих двух держав категорические заверения касательно сохранения суверенитета Португалии и целостности ее колоний» [20, д. 63, л. 25].

⁴ Республиканская партия возникла в Португалии в начале 70-х годов XIX в. Она требовала ликвидации монархии, проведения буржуазно-демократических реформ, отказа от проританской внешней политики. На рубеже XX в. лидерами республиканцев были Теофил Брага и Гуэрра Жанкейро.

На заседаниях кортесов поступило много запросов министру иностранных дел и о причинах согласия правительства на использование португальской территории одной из воюющих сторон. Пытаясь, вопреки истине, отрицать нарушение Португалией нейтралитета, Вейга Бейрао заявил, что Португалия действовала в духе существующих между нею и Англией соглашений, а именно — в соответствии с добавлениями к соглашению от 11 июня 1891 г. Под этим Бейрао подразумевал обмен нотами между Англией и Португалией 11 июня 1891 г. Нота последней гласила, что Португалия обязуется пропускать через территорию своих колоний английские войска и амуницию для следования в английские колонии [20, д. 63, лл. 119—120]. Взяв в 1891 г. на себя это обязательство, Португалия тем самым оказала содействие английским колонизаторам в захвате Родезии и в закабалении африканских народов матабеле, машона и бечуанов. В английской ноте от 11 июня 1891 г. лицемерно указывалось, что Англия берет на себя обязательство, аналогичное взятому Португалией [20, д. 63, лл. 119—120]. На деле эти не обсуждавшиеся и не принятые кортесами документы не могли служить обоснованием «законности» нарушения Португалией нейтралитета в пользу Англии.

Уступая требованиям Англии, правительство Люциано де Кастро в то же время рассчитывало использовать противоречия между нею и другими империалистическими странами для противодействия притязаниям английских и германских колонизаторов в отношении португальских колоний в Африке. Португальское правительство интересовалось возможностью создания антианглийской европейской коалиции. Но, несмотря на фактический срыв Англией конвенции о разделе португальских колоний, правящие круги Германии стремились избежать конфликта с нею. Германия «серьезно озабочена поддержанием с Ст.-Джемским кабинетом наилучших отношений», — сообщал царский посол в Берлине граф Н. Д. Остен-Сакен [20, д. 17, л. 213]. Причины, побуждавшие к этому правящие круги Германии, были частично раскрыты статс-секретарем по иностранным делам Б. Бюловом в беседе с Н. Д. Остен-Сакеном. «Мы принуждены, по мнению императора, — сказал Бюлов, — соблюдать самую строгую сдержанность по отношению к Англии, флот которой далеко превышает наш и постоянно грозит потерей наших колониальных приобретений. К той же осторожности принуждает нас и неопределенность наших отношений с Францией» [18, д. 16, лл. 109—112]. Стремление германских правящих кругов избежать осложнений во взаимоотношениях с Англией было вызвано также обострением русско-германских противоречий на Дальнем Востоке и ростом экономических противоречий между Германией и США [20, д. 17, л. 213].

По мере того как становилось ясным, что европейские державы не создадут антианглийской коалиции, правительство Люциано де Кастро стало склоняться к мысли о целесообразности продажи Мозамбика Англии [24, д. 62, л. 90]. Консервативная партия, требуя сохранения в руках Португалии африканских колоний, резко усилила нападки на правительство прогрессистов. В июне 1900 г. кабинет Л. де Кастро вышел в отставку. Новое правительство возглавил Гинце-Рибейро. Министром иностранных дел стал консерватор Жоао Арройо, решительно критиковавший внешнюю политику Люциано де Кастро [20, д. 63, л. 131]. Однако внешнеполитический курс Португалии практически не изменился, ибо новое правительство было не в состоянии разорвать цепи экономической и политической зависимости Португалии от английского империализма.

Аннексия Англией территории Южно-Африканской Республики оказала существенное влияние на политическое и экономическое положение Мозамбика, который теперь граничил лишь с британскими владениями. Лоренсу-Маркиш раньше столь важный порт для бурских республик, утратил для Трансвааля и для Колонии Оранжевой реки свое значение. Перелом в ходе войны в пользу Англии усилил угрозу поглощения ею Мозамбика и других португальских колоний в Африке. П. Боткин справедливо отмечал, что «слабое португальское правительство, доведшее страну до банкротства», не смогло бы предотвратить захвата Мозамбика Англией [20, д. 63, л. 165]. Но африканские колонии Португалии не были захвачены Англией. Однако проникновение английско-го капитала в Мозамбик и Анголу значительно усилилось.

Добиваясь усиления влияния Англии в Мозамбике и Анголе, английские правящие круги настаивали на создании нового португальского правительства во главе с Совералем, занимавшим тогда пост посла в Лондоне. Совераль выступал за усиление британского влияния в Португалии, «в особенности в области колониальной политики и африканских вопросов» [23, д. 60, л. 28]. Группа португальских консерваторов, возглавляемая Жоао Франко, выступая за полное подчинение Португалии диктату Англии, в свою очередь требовала создания нового правительства. Это требование поддерживал король Карлос I. Борьба в рядах консервативной партии по вопросу о внешнеполитическом курсе Португалии привела к ее расколу: весной 1901 г. из нее вышла проанглийская группа, руководимая Жоао Франко [23, д. 60, л. 28]. Это ослабило влияние Гинце-Рибейро. Большим ударом по его сторонникам явилась также отставка министра иностранных дел Ж. Арройо. Однако защищавшаяся группой Ж. Франко антинациональная идея «британизации» Португалии была непопулярна в широких слоях португальского народа, а также

среди значительной части помещиков и буржуазии. Это в полной мере обнаружилось на выборах в кортесы 6 октября 1901 г., которые ознаменовались поражением сторонников Ж. Франко.

Правительство Гинце-Рибейро отвергло идею продажи Мозамбика Англии. Однако оно не смогло предотвратить дальнейшее усиление влияния Англии в африканских колониях Португалии. В декабре 1901 г. верховный английский комиссар в Южной Африке Артур Милнер и генерал-губернатор Мозамбика Горжао подписали договор, определивший условия коммерческого и пассажирского железнодорожного сообщения между Лоренсу-Маркишем и Трансваалем. Договор предусматривал дальнейшее закабаление коренного населения Мозамбика: он подтвердил почти без изменения португальско-трансваальский договор 1897 г. о найме рабочих в Мозамбике и перевозке их из Лоренсу-Маркиша в Преторию и Родезию для работы на принадлежавших английским монополистам рудниках, шахтах и других предприятиях. Нуждаясь в дешевой рабочей силе, английские колонизаторы обещали уплачивать в мозамбикское казначейство за каждого нанятого рабочего на 3 шилл. больше, чем по договору 1897 г. Минимальный срок контракта с этими рабочими был снижен до одного года. С целью предотвращения утечки рабочей силы с британских предприятий в Трансваале и Родезии и подчинения африканцев жестокой капиталистической эксплуатации в договор был включен пункт, предписывавший английским властям всячески затруднять тайный отъезд рабочих из Трансваала [23, д. 60, лл. 54—56].

Усиление влияния английского капитала в Мозамбике и Анголе подрывало господство Португалии в этих колониях. Однако английские империалисты предпочли воздержаться от прямого захвата Мозамбика, ибо это немедленно вызвало бы решительные акции со стороны Германии, которая попыталась бы осуществить раздел португальских колоний. Стремление установить фактическое господство английского капитала на всей территории Анголы и не допустить усиления германского соперника за счет захвата хотя бы части этой колонии определило то, что Англия на деле отказалась от идеи ее раздела. Английским империалистам было выгоднее, чтобы владельцем Мозамбика и Анголы оставался их вассал — слабая Португалия, которая была не в состоянии предотвратить дальнейшее быстрое проникновение в эти колонии британского капитала.

Как видим, германские империалисты не добились реализации конвенций от 1898 г. о разделе африканских колоний Португалии. Но участие Германии в их разделе было бы лишь частичной оплатой английскими империалистами ее невмешательства в англо-бурскую войну. Дело в том, что на-

кануне войны, уже после подписания указанных конвенций, Германия продолжала упорно добиваться заключения новых выгодных для нее соглашений с Англией. Рьяным сторонником таких соглашений был Б. Бюлов. Выступая в рейхстаге 12 декабря 1898 г., он заявил: «Что касается наших соглашений с Англией, то сегодня я могу сказать лишь то, что... существуют различные вопросы, по которым мы охотно могли бы сговориться с нею... при сохранении нашей полной самостоятельности в других, очень важных отношениях» [67, т. 1, стр. 38]. Вторя ему, монополист фон Кардорф в речи от 14 декабря 1898 г. утверждал: «Совершенно очевидно, что по многим вопросам, касающимся наших интересов за границей, мы действуем и, если это будет в наших интересах, будем действовать совместно с англичанами» [67, т. 1, стр. 70].

Необходимость заручиться невмешательством Германии в англо-бурскую войну побудила английских империалистов пойти на дальнейшие уступки ей в таких узловых проблемах империалистической колониальной политики, как строительство Багдадской железной дороги и раздел островов Самоа. Проследим, как был достигнут сговор по этим важным для обеих стран вопросам.

В марте 1899 г., в разгар англо-бурского конфликта, Сесил Родс, усиленно разжигавший войну за захват бурских республик, прибыл в Берлин для проведения переговоров с германским правительством. Выступая в рейхстаге с информацией об этих переговорах, Б. Бюлов сообщил, что они велись по вопросу о строительстве трансафриканских железно-дорожной и телеграфной линий. Он отметил, что германское правительство согласилось на проведение через Германскую Восточную Африку английской акционерной компанией телеграфной линии, которая соединит Кейптаун с Каиром. Он отметил также, что переговоры о строительстве участка трансафриканской железной дороги через Германскую Восточную Африку остались еще не завершенными [67, т. 2, стр. 1645]. Б. Бюлов, однако, умолчал о том, что на берлинских переговорах было продолжено обсуждение вопроса об оплате Англией невмешательства Германии в англо-бурскую войну.

На этот раз такой оплатой явилось обещание правящих кругов Англии не противодействовать получению германскими монополистами концессии на строительство Багдадской железной дороги.

Соглашаясь уступить притязаниям Германии на получение этой концессии, английские империалисты в то же время рассчитывали использовать в агрессивных целях обострение русско-германских противоречий, которое должно было последовать в результате усиления экспансии Германии на Ближнем Востоке. Д. Чемберлен не скрывал того, что Анг-

лия была заинтересована в предотвращении заключения союза Германии, России и Франции и в «столкновении русско-германских интересов в Малой Азии» [114, т. 4, стр. 159].

Накануне англо-бурской войны Германия усилила свои притязания на о-ва Самоа, обладание которыми дало бы ей возможность расширить экспансию на Дальнем Востоке и в Латинской Америке. В день, когда вспыхнула война, морской министр Тирпиц писал Бюлову: «Обладание о-вами Самоа уже теперь имело бы большое стратегическое значение, ибо они явились бы базой для германского флота на пути от Цзяо-Чжоу (совр. Цзяосянь. — *И. Н.*) через наши владения в Океане в Южную Африку. В дальнейшем значение контроля Германии над о-вами Самоа возрастет, так как Панамский канал создаст новые пути для мировой торговли и для переброски войск» [49, т. 14/2, стр. 660]. Несколько дней спустя пангерманская «Дойче Колониальцайтунг» обратилась к германскому правительству с призывом «добиться взаимопонимания с правительством Великобритании... и окончательно обеспечить за собой господство над всей группой о-вов Самоа или, на худой конец, над о-вом Уполу» [287, 26.X.1899]. Газета отмечала, что удовлетворение Англией притязаний Германии на о-ва Самоа явилось бы частичной компенсацией Германии за ее уступки захватническим действиям Англии в Южной Африке.

В связи с серьезными трудностями в войне за захват бурских республик и в целях предотвращения антибританских действий со стороны Германии и США английское правительство в конце 1899 г. отказалось от притязаний на о-ва Самоа и согласилось на раздел их Германией и Соединенными Штатами Америки.

Упорно добиваясь наибольшей компенсации за невмешательство в англо-бурскую войну, германское правительство за несколько дней до начала военных действий устами Б. Бюлова заявило, что позиция Германии по отношению к ней будет «строго нейтральной и абсолютно лояльной к Англии» [49, т. 15, № 4387]. И действительно, во время войны оно неизменно уклонялось от вмешательства в нее, но продолжало при этом требовать от Англии все новых уступок.

В начале войны Н. Д. Остен-Сакен зондировал Б. Бюлова по вопросу о том, возможен ли будет отказ Германии от невмешательства в эту войну [18, д. 16, л. 94]. Во время визита Николая II в Потсдам в ноябре 1899 г. германское правительство опубликовало англо-германские соглашения о передаче Германии о-вов Уполу и Савайи из группы о-вов Самоа, а также об уступке Германией Англии части Соломоновых о-вов, о-ва Тонга в архипелаге Новые Гебриды и спорной пограничной территории между колониями Золотой Берег и Того. Тем самым германское правительство дало по-

нять, что оно договорилось с английским правительством об оплате Германии за невмешательство.

В ответ на высказанное царским министром иностранных дел М. Н. Муравьевым в Потсдаме пожелание о том, чтобы железнодорожное строительство, осуществляемое Германией на Ближнем Востоке, не нанесло ущерба экономическим и стратегическим интересам России, Б. Бюлов ограничился лишь формальным обещанием информировать царское правительство о предстоящем строительстве Германией железных дорог в Турции [49, т. 13, № 3548; 18, стр. 229; 19, д. 15 лл. 174—177]. Во время пребывания в Потсдаме царь и М. Н. Муравьев не подняли вопроса о коллективном вмешательстве держав в англо-бурскую войну. Вследствие занятой Германией позиции попытка организовать его была бы тщетной. В связи с наличием острых империалистических противоречий между Германией, с одной стороны, Францией и Россией — с другой, отказ Германии от вмешательства в англо-бурскую войну фактически устранял возможность вмешательства в нее других держав.

Желая исключить возможность образования антибританского союза Германии, Франции и России, английские правящие круги предприняли вскоре попытку добиться заключения англо-германского союза. Она была приурочена к состоявшемуся в ноябре 1899 г. по приглашению королевы Виктории визиту в Англию императора Вильгельма II и наиболее влиятельных членов германского правительства. Стронниками отказа Англии от политики «блестящей изоляции» и заключения военного союза с Германией в то время были такие влиятельные члены английского правительства, как Д. Чемберлен, А. Бальфур, Г. Ленсдаун, Дж. Гашен. Ближайшей целью англо-германского союза должно было быть предотвращение дальнейшей экспансии на Востоке и захвата Францией Марокко.

Во время пребывания кайзера в Англии стало известно, что султан Абдул-Хамид II, уступая требованию Германии, согласился предоставить Германскому обществу анатолийских железных дорог концессию на строительство железной дороги от Коньи к Персидскому заливу через Багдад до Басры. Соглашаясь с широко распространенным тогда в Германии мнением, Н. Д. Остен-Сакен утверждал, что это решение было принято султаном не только по настоянию Германии, но также под давлением со стороны английского правительства [19, д. 15, лл. 192—193].

Германские руководители были удовлетворены этой уступкой турецкого и английского правительств и перспективой усиления экспансии и влияния Германии на Ближнем Востоке. В то же время они проявили крайнюю сдержанность к предложению о заключении англо-германского союза, сделан-

ному им во время переговоров в Виндзоре Д. Чемберленом и А. Бальфуром⁵. Содержавшийся в лестерской речи Д. Чемберлена от 1 декабря 1899 г. призыв к заключению союза Англии, Германии и США также не получил поддержки со стороны германского правительства⁶. Д. Чемберлен и его сторонники рассчитывали на то, что, используя враждебный России и Франции союз с двумя сильнейшими в экономическом отношении странами мира, Англия сможет успешно осуществлять дальнейшие колониальные захваты и экспансию на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке, в Африке, в странах Латинской Америки. Однако идея создания такого союза свидетельствовала о непонимании ее сторонниками основной тенденции развития противоречий и отношений между державами в начале эпохи империализма. Реальной возможности для заключения прочного союза Англии, Германии и США в то время не было. Быстро углублявшиеся англо-германские противоречия, являвшиеся в то время главным узлом международных империалистических противоречий, а также обострение противоречий между Германией и США исключали возможность установления между ними прочных союзнических отношений и допускали лишь достижение частных соглашений и сделок.

Сговор, осуществленный правящими кругами Англии и Германии накануне и во время англо-бурской войны по некоторым вопросам колониальной политики, не привел к ослаблению англо-германских империалистических противоречий. В дальнейшем он даже содействовал их углублению. Учитывая остроту этих противоречий, правящие круги Германии не поддержали идею заключения англо-германского союза. По возвращении из «дружественной» поездки в Англию Б. Бюлов 11 декабря 1899 г. выступил в рейхстаге с резкой антианглийской речью. Он заявил, что «Германия имеет интересы во всем мире» и, вследствие этого, «не может и не хочет больше стоять пассивно в стороне... в то время, как другие делят между собой пирог». Б. Бюлов призвал своих соотечественников к созданию «более великой Германии», к резкому усилению военно-морского флота и армии, к энергичному проведению агрессивной внешней политики. Шантажируя английское правительство угрозой вмешательства Германии в англо-бурскую войну, Б. Бюлов заявил, что никто не в состоянии предвидеть ее исхода и последствий. Выступивший тогда же А. Тирпиц призвал к резкому усилению мощи германского военно-морского флота [67, т. 4, стр. 3289—3296, 3310—3312, 3342, 3367, 3399].

Политика невмешательства Германии в англо-бурскую

⁵ Подробно о виндзорских переговорах см. [108, стр. 589—594].

⁶ Полный текст этой речи см. [222, стр. 366—367].

войну подверглась серьезному испытанию в связи с захватом английскими военными судами в декабре 1899 г. и январе 1900 г. нескольких германских торговых кораблей в нейтральных водах по подозрению в доставке в Южную Африку вооружения и добровольцев.

Захват англичанами германских торговых кораблей вызвал негодование германской буржуазии. Послушная ей пресса единодушно обвинила Англию в неблагодарности за занятую Германией нейтральную позицию в англо-бурской войне. Пангерманская «Дойче Колониальцайтунг» призывала к резкому усилению германского военно-морского флота [287, 4.1.1900]. От лица германских капиталистов, связанных с Южной Африкой, капиталист Эйффе потребовал принятия гамбургской Торговой палатой мер для защиты германских торговых судов. Президент палаты Фюерманн призвал германское правительство вмешаться в этот инцидент [144, стр. 60—62]. В Берлине и в ряде других городов состоялись враждебные Англии митинги.

6 января 1900 г. германское правительство направило правительству Р. Солсбери ноту, в которой решительно протестовало против задержания германского торгового судна «Бундесрат» и пригрозило создать враждебный Англии блок держав [49, т. 15, № 4425, № 4429, стр. 453—457]. В рейхстаге депутат национал-либерал фон Меллер обратился с запросом о принятых германским правительством мерах для освобождения задержанных англичанами торговых пароходов. 19 января 1900 г. в рейхстаге состоялись враждебные Англии выступления. Выражая мнение пангерманистов, Либерманн фон Зонненберг заявил: «В отличие от германского правительства, мы считаем, что наша родина заинтересована не в сохранении хороших отношений с Англией, а в разграничении своих интересов с нею». Он подчеркнул, что Англия является конкурентом Германии в борьбе за рынки сбыта, за захват колоний и за господство на море, и заявил, что Германия заинтересована не в усилении, а в ослаблении Англии в результате англо-бурской войны. «Чем больше Англия будет ослаблена в результате англо-бурской войны, тем лучше будет для Германии», — сказал он. Призвав германское правительство к вступлению в войну против Англии, он выразил уверенность в победе Германии [67, т. 4, стр. 3615—3617].

Отвечая на запрос фон Меллера, Б. Бюлов отметил, что германское правительство потребовало от Англии соблюдения неотчуждаемых прав торговли нейтралов, немедленного освобождения задержанных германских судов, возмещения убытков, понесенных в связи с их задержанием германскими предпринимателями. Б. Бюлов сообщил тогда же, что правительство Р. Солсбери выразило готовность удовлетворить эти законные требования германского правительства и выразило

сожаление о случившемся [67, т. 4, стр. 3601; 20, д. 17, лл. 11—12]. Опасаясь серьезных антибританских акций со стороны Германии, правительство Р. Солсбери распорядилось освободить задержанные суда, заявив, что английские власти не обнаружили на них военной контрабанды. Оно обязалось также не задерживать и не обыскивать германские суда и суда других нейтралов, находящиеся севернее параллели, на которой расположен Аден. Английское правительство согласилось передать в случае необходимости на рассмотрение третейского суда вопрос об определении суммы убытков, подлежащей уплате [20, д. 64, л. 39]. Как видим, этот инцидент был быстро ликвидирован. Он не привел ни к образованию Германией антибританской коалиции, ни к вмешательству Германии в англо-бурскую войну. Воздержавшись от прямого вмешательства в войну, Германия, однако, попыталась подтолкнуть Россию к войне против Англии. В беседе с Н. Д. Остен-Сакеном, состоявшейся 13 января 1900 г., Вильгельм II, подстрекая Россию начать военные действия против Англии, заявил, что Германия обеспечит неприкосновенность европейских границ России, в случае, если царское правительство направит войска в Индию [27, д. 64, лл. 1—3]. Но царское правительство тоже стремилось избежать вооруженного столкновения с Англией и вовсе не собиралось предпринимать вооруженное вторжение в Индию.

Продолжая осуществлять политику невмешательства, германское правительство в феврале 1900 г. фактически отклонило предложение М. Н. Муравьева об организации коллективного демарша держав в пользу заключения мира в Южной Африке. В качестве неременного условия участия Германии в таком демарше оно выдвинуло неприемлемые для Франции требования, предусматривающие взаимную гарантию границ Францией, Германией и Россией [20, д. 18, л. 23; 20, д. 75, лл. 182—183]. В марте 1900 г. оно фактически отвергло просьбу правительства Южно-Африканской Республики о посредничестве в деле заключения мира: в данном случае германское правительство обусловило свое участие в посредничестве предварительным согласием на него английского правительства, но отказалось вести с последним переговоры по этому вопросу [298, 14.III.1900]. В конце 1900 г. Вильгельм II отклонил встречу с П. Крюгером для обсуждения вопроса о передаче англо-бурского конфликта на рассмотрение Международного третейского суда в Гааге [20, д. 17, лл. 194, 200].

Тщетными были также предпринятые английскими правящими кругами дальнейшие попытки добиться заключения англо-германского союза. Лондонские переговоры о заключении англо-германского союза, состоявшиеся в январе 1901 г., не дали положительных результатов. Вильгельм II, находив-

шийся тогда в Англии в связи с кончиной королевы Виктории, склонен был поддержать идею о заключении союза с Англией в ближайшее время и в качестве первого шага к сближению подписать с Англией направленное против Франции соглашение о разделе Марокко [49, т. 17, стр. 15—18, 22, 332]. Однако позиция Б. Бюлова в этом вопросе была более осторожной. Ссылаясь на безрезультатность для Германии соглашения с Англией о разделе португальских колоний в Африке и желая избежать обострения франко-германских и франко-русских отношений, Б. Бюлов полагал, что Германии не следует спешить с заключением такого соглашения. Не отвергая возможности заключения англо-германского союза, Б. Бюлов считал, что Германии необходимо занять в этом вопросе выжидательную позицию, с тем чтобы добиться от Англии максимальных уступок. «Теперь необходимо не расхолаживать англичан и не позволить им преждевременно связать нас, — телеграфировал Б. Бюлов кайзеру. — В последние месяцы положение англичан станет еще более затруднительным и это поднимет цену, которую мы сможем потребовать. С точки зрения международного положения и исходя из наших собственных жизненных интересов, Ваше Величество поступите в высшей степени благоразумно, если Вам удастся оставить у руководящих английских политических деятелей надежду на тесные взаимоотношения с нами в будущем, не связывая себя ничем и не беря на себя никаких обязательств преждевременно теперь» [49, т. 17, стр. 19—21].

Итак, воспользовавшись войной Англии за захват бурских республик, Германия резко усилила империалистическую экспансию на Ближнем Востоке. За подписанием в декабре 1899 г. предварительной конвенции о концессии на строительство Багдадской железной дороги последовала передача турецкому правительству окончательного германского проекта соглашения. Он предусматривал строительство железной дороги от Коньи до Кувейта через Адану, Мосул, Багдад и Басру. Протяженность этой дороги должна была составить 2100 км, а общая стоимость строительства — 600 млн. фр., из которых немецкие и французские капиталисты должны были предоставить по 240 млн. фр., а английские капиталисты — 120 млн. фр. Предусматривалось также строительство Германским обществом азиатских железных дорог шести дополнительных железнодорожных веток⁷.

Это общество добилось также предоставления ему концессии на строительство порта, набережных и товарных складов в Хайдар-Паша на азиатском побережье Мраморного моря у входа в Босфор. К тому же оно усиленно добивалось согласия Турции на учреждение им банка, располагающего

⁷ Полный текст проекта конвенции о строительстве Багдадской железной дороги (на франц. яз.) см. [23, д. 24, лл. 134—154].

исключительным правом на предоставление ссуд и на продажу сельскохозяйственных орудий и машин турецкому населению. Желая завладеть базой для германского флота на морских путях на Средний и Дальний Восток, Германия осенью 1901 г. добилась предоставления ей Турцией права на аренду угольного склада на о. Фарзан в Красном море. В целях дальнейшего закабаления Турции германским капиталом Крупп требовал согласия султана на предоставление Германии исключительного права на поставку оружия и другого военного снаряжения для оснащения турецкой армии [22, д. 22, л. 331; д. 23, л. 255; д. 24, лл. 402—403].

Усиление экспансии Германии на Ближнем Востоке неизбежно влекло за собой обострение англо-германских империалистических противоречий в Азии — на Среднем и Дальнем Востоке, на подступах в Индию. Учитывая это, правительство Р. Солсбери еще во время войны в Южной Африке приняло меры для укрепления господства Англии в Адене, добившись установления протектората над примыкавшими к Адену девятью округами, входившими до этого времени в состав Йеменского вилайета Турции [23, д. 24, лл. 116—118; д. 25, лл. 108—109].

Согласившись на усиление экспансии Германии на Ближнем Востоке в качестве оплаты за невмешательство в англо-бурскую войну, английские империалисты рассчитывали также предотвратить тем самым возможность направленного против Англии сближения Германии с Россией, использовать в своих агрессивных целях обострения русско-германских противоречий на Ближнем Востоке, приковать внимание германского и царского правительств к этой части азиатского континента, обречь их здесь на длительную и ожесточенную борьбу, создать благоприятные условия для усиления экспансии Англии на Среднем и Дальнем Востоке.

Политика невмешательства Германии в англо-бурскую войну содействовала победоносному для Англии исходу войны за захват бурских республик. Эту политику вдохновляла та часть германской крупной империалистической буржуазии и юнкерства, которая стремилась к осуществлению интенсивной экспансии Германии прежде всего на Ближнем Востоке. Ее возглавляли Г. Сименс и другие совладельцы «Немецкого банка», монополисты тяжелой промышленности, в частности Крупп. Эта часть германской финансовой буржуазии не была заинтересована в скором окончании англо-бурской войны. Используя трудности Англии в войне, она хотела добиться от английского правительства еще более значительных уступок в ряде вопросов колониальной политики. К тому же магнаты германской военной промышленности наживались тогда на поставках оружия для действовавшей в Южной Африке английской армии.

Однако часть германских империалистов, имевших значительные капиталовложения в Африке, считала, что главным объектом захватнической политики Германии должна стать именно Африка. Их возглавляли совладельцы «Учетного общества» во главе с Ганземаном и некоторые лидеры Пангерманского союза. Эти германские империалисты осуждали политику невмешательства в англо-бурскую войну, требовали предотвращения захвата бурских республик Англией, восхваляли упорное сопротивление сражавшихся буров англичанам, выражали опасение, что завоевание Англией этих республик повлечет захват ею всей Тропической Африки [287, 19.IV, 10.V.1900; 67, т. 4, стр. 3206, 3207, 3342, 3348; 173, стр. 495]. Такое отношение германской буржуазии и юнкерства к сражавшимся бурам было вызвано острейшими англо-германскими империалистическими противоречиями, агрессивными замыслами германских империалистов, их националистическими идеями. «Дело заключается не в симпатии к бурам, а в антипатии по отношению к англичанам», — справедливо отметил в этой связи граф Лимбург-Штирум [67, т. 4, стр. 3312, 3400]. Среди средней и мелкой буржуазии также были распространены антианглийские настроения.

В отличие от этого сознательные немецкие рабочие требовали сохранения независимости бурских республик, но не идеализировали буров и осуждали господствовавшие в этих республиках расистские порядки.

Германские социал-демократы, за исключением ревизионистов, решительно осудили войну Англии за захват бурских республик. В письме к редактору газеты «Джастис» от 24 октября 1899 г. Вильгельм Либкнехт, разоблачая грабительские цели Англии, писал: «Непреодолимая жажда золота никогда еще не проявлялась в действиях правительства так открыто и отвратительно. Во всем мире все честные люди осуждают политику Англии... Вследствие колоссального неравенства сил, победа Англии в этой войне будет столь же позорной, каким было бы ее поражение» [291, 4.XI. 1899]. Раскрывая классовую сущность внешней политики Англии, социалистическая газета «Форвертс», редактором которой был В. Либкнехт, утверждала, что внешняя политика Англии «более откровенно, чем когда-либо, подчинена интересам денежного мешка... Лица, заинтересованные в золотых приисках Трансвааля и в алмазных приисках Кимберли, руководят всей английской политикой. Их интересам служит не только «малая» политика в Южной Африке, но вся внешняя политика Англии» [298, 4.I.1900]. В статье «Долой империализм и милитаризм», опубликованной летом 1900 г., В. Либкнехт с возмущением писал: «Империя с населением в 400 миллионов человек воюет против двух маленьких республик. Этого достаточно, чтобы вызвать негодование людей» [284, 2.VI.1900].

Однако в начале англо-бурской войны В. Либкнехт не требовал немедленного заключения мира. Он выступил с этим требованием лишь после сдачи войск генерала П. Кронье [298, 28.II.1900]. Пламенным призывом к предотвращению захвата бурских республик Англией и заключению мира явилась статья В. Либкнехта «Берегитесь!», которая была написана им незадолго до кончины, последовавшей в августе 1900 г., и опубликована в газете «Кларион» [284, 21.VII.1900]. Роза Люксембург тоже разоблачала грабительский характер войны Англии за захват бурских республик. Она отмечала, что территориальный раздел Африки, и в частности завоевание бурских республик Англией, содействовал обострению противоречий между державами и усилению угрозы войны между ними [49а, стр. 183].

А. Бебель также осудил войну Англии за захват бурских республик. Выступая в рейхстаге 12 декабря 1899 г., он заявил, что эта война была «грубейшим образом спровоцирована Англией» [67, т. 4, стр. 3322]. Он требовал передачи англо-бурских разногласий на рассмотрение Международного третейского суда [67, т. 5, стр. 4380—4381]. В то же время А. Бебель решительно осуждал распространение в Германии антианглийских настроений. Он призывал германское правительство заключить с Англией союз, который явился бы оплотом мира во всем мире. Но А. Бебель не видел империалистической сущности колониальной политики Германии, а также того, что эта политика противоречила интересам германского рабочего класса. Главный довод, выдвигавшийся тогда им против дальнейшего осуществления Германией колониальных захватов, заключался в том, что обладание колониями будто бы не сулило ей никаких материальных выгод [67, т. 1, стр. 92; т. 4, стр. 3315—3316]. Протестуя против зверств германских колонизаторов, он, однако, не выступил с решительным осуждением колониализма; скатываясь на позиции оппортунизма, он призывал германское правительство к осуществлению гуманной и цивилизаторской колониальной политики [67, т. 1, стр. 551—552]. Ревизионист Э. Бернштейн формально выступил против захвата бурских республик Англией, однако лишь на том основании, что к началу XX в. Британская империя и без того достигла слишком больших размеров. Отказавшись от принципиального осуждения войны, которую вела Англия, Э. Бернштейн утверждал, что политика Англии по отношению к бурским республикам в основном была справедливой. Он отрицал грабительский характер колониальной политики английских империалистов вообще и в Южной Африке в частности и утверждал, что эта политика преследовала демократические и прогрессивные цели [295, 1900, № 5, стр. 241—245; 1900, № 7, стр. 435; 1900, № 9, стр. 559—561; 1900, № 10, стр. 684].

В 1900 г. Майнцкий съезд германской социал-демократической партии принял резолюцию, осуждавшую войну Англии за захват бурских республик и выражавшую солидарность со сражавшимися бурами. Однако участники съезда не уделили внимания положению африканского большинства населения бурских республик и не осудили ни жесточайшее угнетение его бурами и англичанами, ни агрессивные замыслы буров.

Социал-демократическая фракция рейхстага тоже выступила с осуждением агрессивной политики Англии в Южной Африке. 2 марта 1900 г. член этой фракции Граднауер выразил в рейхстаге сожаление по поводу того, что германское правительство не предложило посредничества для заключения мира в Южной Африке и не потребовало передачи англо-бурских разногласий на рассмотрение Международного третейского суда в Гааге [298, 2.III.1900].

Вследствие отказа германского правительства от оказания помощи сражавшимся бурам и от поддержки добровольцев, численность лиц, отправившихся из Германии в Южную Африку для участия в вооруженной борьбе на стороне буров, была невелика. Это были по преимуществу офицеры, находившиеся в отпуске или в отставке. Среди немецких добровольцев были также и рабочие, в том числе члены социал-демократической партии. В целом помощь, оказанная сражавшимся бурам их германскими сторонниками, была незначительной.

Обратимся теперь к рассмотрению вопроса об отношении Франции, России и Голландии к империалистической агрессии Англии в Южной Африке на рубеже XIX и XX вв.

ОТНОШЕНИЕ ФРАНЦИИ, РОССИИ И ГОЛЛАНДИИ К ВОЙНЕ АНГЛИИ ЗА ЗАХВАТ БУРСКИХ РЕСПУБЛИК

Война Англии за захват бурских республик встретила решительное осуждение со стороны французского народа и, частично, со стороны французской буржуазии. Рабочие, мелкая буржуазия, демократическая и буржуазно-либеральная интеллигенция, а также крайне правые круги буржуазии с разных классовых позиций и во имя различных целей выступили с осуждением вооруженной агрессии Англии в Южной Африке.

Наиболее сознательные рабочие, разделявшие в то время революционно-социалистические взгляды Жюлья Гедда, заняли по отношению к этой войне интернационалистскую позицию. Внимание французских социалистов тогда, казалось, было всецело приковано к «казусу» Мильерана. Однако вскоре после начала англо-бурской войны еженедельник геддистской Французской рабочей партии «Ле Сосиалист» выступил с разоблачением подлинных целей, преследовавшихся Англией в этой

войне. «Ле Социалист» утверждал, что Англия в интересах монополистов ведет империалистическую войну за захват бурских республик, и осуждал зверства английских завоевателей в Южной Африке [294, 15.X.1899 и 4.II.1900]. Гедисты выразили свою солидарность с позицией английской Социал-демократической федерации по отношению к войне Англии за захват бурских республик. Однако в оценке сложной ситуации, имевшей место в Южной Африке, гедисты допустили серьезную ошибку: они не уделили внимания положению поработанного африканского населения бурских республик и его освободительной борьбе против английских и бурских колонизаторов.

Правые французские социалисты во главе с Жаном Жоресом тоже осудили захватническую войну Англии в Южной Африке. Ж. Жорес считал, что война возникла по воле стремящихся к наживе английских империалистов и защищающего их интересы правительства Р. Солсбери. Однако в отличие от гедистов Ж. Жорес не выступил в поддержку позиции английских революционных социал-демократов по отношению к этой войне. Протест Ж. Жореса против зверств английских империалистов в Южной Африке не вышел за узкие рамки пацифизма [291, 2.XII.1899]. Правые социалисты идеализировали буров. Прославляя их упорство в борьбе против английских завоевателей, они полностью игнорировали то, что буры сами были жестокими колонизаторами, поработавшими африканцев. Правые социалисты вовсе не уделили внимания положению коренного населения бурских республик.

Гедисты и жоресисты враждебно относились к требованию правых кругов французской буржуазии об объявлении Францией войны Англии.

В начале англо-бурской войны крайне правые круги французских империалистов, которые поддерживали Лигу патриотов, Лигу антисемитов, Лигу католической молодежи, Лигу роялистской молодежи и др., требовали от французского правительства немедленных и решительных антианглийских действий, призывали Францию и Россию заключить военный союз с Германией и объявить войну Англии. Они требовали военного разгрома Англии, в которой они видели главного соперника Франции в борьбе за раздел мира. Они настаивали на немедленной отправке в Египет сотысячной французской армии и на посылке царским правительством армии к границам Индии [19, д. 75, л. 241; 20, д. 74, л. 278; 291, 2.XII.1899].

Однако большинство французских капиталистов и правительство Вальдека-Руссо, учитывая неподготовленность Франции к войне с мощным противником, остроту франко-германских противоречий и напряженное внутреннее положение Франции, не поддержали воинственных призывов крайне пра-

вых. Не поддержали их также французские капиталисты, имевшие капиталовложения в промышленные предприятия бурских республик.

К концу 90-х годов XIX в. французские капиталовложения в горнодобывающую промышленность, в железнодорожное строительство и в другие предприятия в бурских республиках достигли значительных размеров. По приблизительным подсчетам к началу англо-бурской войны они составили 1,5 млрд. фр. [19, д. 75, л. 242; 21, д. 65, лл. 247—248]. «Французский банк» в Йоганнесбурге располагал тогда солидными запасами золота. Об этом говорит отправка его дирекцией в апреле 1900 г. через Лоренсу-Маркиш в Париж золота в слитках и монетах на сумму в 256 млн. ф. ст. [53, т. 82, стр. 752].

Во время войны французские капиталисты, имевшие капиталовложения в Южной Африке, заняли благожелательную по отношению к Англии позицию. Недовольные экономической политикой бурских правительств, они рассчитывали на то, что, захватив бурские республики, Англия будет содействовать быстрому развитию горнодобывающей промышленности, что принесет им выгоду [26, 1895, д. 1, лл. 90—91].

Основная тенденция в развитии отношений между Англией и Францией в годы англо-бурской войны заключалась в сближении этих стран в антигерманских целях и в результате достижения соглашения между ними по спорным вопросам колониальной политики. Эта тенденция возобладала во время мирного разрешения Фашодского кризиса и заключения англо-французского соглашения о разграничении их колониальных владений в Восточной и Центральной Африке, подписанного 21 марта 1899 г. Английские империалисты стремились к сговору с Францией по спорным вопросам колониальной политики в Африке, видя в нем необходимую меру в подготовке Англии к войне за захват бурских республик, а также для противодействия Англии и Франции колониальным притязаниям Германии. Предусмотренный этим соглашением отказ Франции от притязаний на территории в бассейне Верхнего Нила — на Нубию, Кордофан, Дарфур, Бахр-эль-Газаль — приблизил английских империалистов к достижению их заветной цели — к установлению господства Англии на необъятных просторах от мыса Доброй Надежды до Каира. Добившись от Англии признания огромной территории, расположенной между оз. Чад и Триполи, сферой исключительного влияния Франции, правящие круги последней полагали, что вскоре будут достигнуты соглашения с Англией и по другим спорным вопросам [19, д. 75, лл. 60—64; 279, 17.I.1899]. К числу таких вопросов относились: определение размера пошлин, взимавшихся французскими властями при ввозе английских товаров на о. Мадагаскар, границы между

Египтом и Суданом у Бахр-эль-Газала, разграничение владений в Сиаме, требование Франции о расширении ее концессии в Шанхае, достижение соглашения о рыбной ловле у берегов Ньюфаундленда и др. [19, д. 65, т. 1, лл. 2—3, т. 2, лл. 402—408].

В отличие от крайне правых большинство французских империалистов требовало направленного против Германии договора с Англией, а также тщательной военной и дипломатической подготовки Франции к захвату Марокко и хинтерланда Алжира. Французские правящие круги считали также, что Франции необходимо было добиваться извлечения наибольших выгод из тех колоний, которыми она уже владела. Эту точку зрения ярко выразил министр иностранных дел Т. Делькассе. В парламентской речи от 6 декабря 1899 г. он, указав на десятикратное превышение общей площади французских колоний по сравнению с размерами метрополии и на замедление роста численности населения Франции, подчеркнул, что «способность Франции к поглощению новых колоний не является безграничной» и что «для Франции в настоящее время гораздо более важен не захват новых огромных территорий, а сохранение того, что она уже имеет, бдительная охрана безопасности ее владений и извлечение из них наибольшей выгоды» [19, д. 75, л. 284, Приложение; 20, д. 74, лл. 278—280]. Касаясь отношения Франции к англо-бурской войне, Т. Делькассе в той же речи заявил, что Франция будет соблюдать строгое невмешательство и не выступит посредником в деле ее завершения.

Французское правительство воздержалось от объявления специальной декларации о нейтралитете Франции в англо-бурской войне. Тем самым оно облегчило возможность пересмотра своей позиции в этом вопросе. В самом начале войны, при обсуждении с царским послом Л. П. Урусовым и министром иностранных дел М. Н. Муравьевым возникших в связи с нею международных проблем, Т. Делькассе высказался против организации державами совместного антианглийского выступления [19, д. 75, лл. 409, 411—412].

При повторном рассмотрении с Л. П. Урусовым вопроса о целесообразности организации коллективного выступления держав против Англии Т. Делькассе 8 ноября 1899 г. заявил, что только создание мощной коалиции европейских держав и США и проведение ее участниками военных операций в различных частях земного шара могли бы привести к военному поражению Англии и к крушению Британской империи. Отметив, что Англия не допустила бы образования такой коалиции, Л. П. Урусов высказался за оказание державами совместного давления на Англию с целью заставить ее пойти на уступки по частным вопросам колониальной политики [19, д. 75, лл. 412—413].

В беседе с Л. П. Урусовым, состоявшейся 2 января 1900 г., Т. Делькассе, не отвергая возможности участия Франции совместно с другими странами в антианглийских действиях, попытался побудить Россию к антианглийским акциям и выступлению в качестве главной силы, противодействующей агрессии Англии в Южной Африке. Он заявил Л. П. Урусову, что царское правительство могло бы оказать на Англию наибольшее воздействие, предприняв передвижение войск на афганской границе и создав угрозу вторжения в Индию [19, д. 75, лл. 419—420]. Попытка французского правительства вызвать резкое обострение англо-русских отношений объяснялась его желанием ослабить противодействие английского и царского правительств попыткам французской дипломатии добиться усиления влияния Франции на Ближнем Востоке.

В дальнейшем Т. Делькассе неоднократно заверял Л. П. Урусова в готовности французского правительства совместно с Россией и другими державами участвовать в действиях, направленных против Англии. Т. Делькассе уверяет, что «Франция готова следовать за нами, как бы далеко мы ни пошли», сообщал Л. П. Урусов в начале 1900 г. [20, д. 74, л. 254]. Вскоре он известил, что Т. Делькассе подтвердил готовность французского правительства «принять участие во всяких поступках держав, имеющих целью воздействовать на английское правительство» [20, д. 74, лл. 259—260]. Побуждая царское правительство взять на себя инициативу в осуществлении антианглийских акций, Т. Делькассе формально обещал ему содействие. Однако реализация обещаний о содействии была маловероятной, ибо Франция выдвигала в качестве неременного условия ее участия в антианглийских действиях большого масштаба привлечение к ним Германии и других держав [20, д. 74, лл. 260—261]. Франция опасалась, что осложнения в англо-французских отношениях будут использованы Германией в антифранцузских целях.

В феврале 1900 г., когда в ходе англо-бурской войны наметился перелом в пользу Англии, царская дипломатия стала призывать державы к совместному демаршу в Лондоне с предложением о посредничестве для скорейшего завершения войны. Заключение мира на этой стадии войны предотвратило бы захват бурских республик, что было бы выгодно для держав, опасавшихся резкого усиления Англии. По инициативе России между нею и Францией состоялся обмен мнениями о возможности осуществления этого демарша. Т. Делькассе сообщил Л. П. Урусову, что Франция готова принять участие в демарше, но обещал дать окончательный ответ после консультации с президентом Э. Лубе и с премьер-министром Вальдеком-Руссо. Встреча Т. Делькассе с Э. Лубе и Вальдеком-Руссо состоялась незамедлительно. На следующий день Т. Делькассе уведомил Л. П. Урусова о согласии француз-

ского правительства участвовать в таком демарше совместно с Россией, однако при обязательном участии в нем Германии и США [20, д. 74, лл. 261—264; д. 75, лл. 15, 18].

Л. П. Урусов положительно оценил это предложение Т. Делькассе, полагая, что правительство США согласится выступить посредником в переговорах о заключении мира [20, д. 74, лл. 263—264]. Указанное мнение Т. Делькассе было передано Н. Д. Остен-Сакеном. Б. Бюлову, который обещал уведомить о нем Вильгельма II [21, д. 75, л. 183]. Однако в связи с отклонением Англией посредничества, предложенного ей правительством США, Т. Делькассе 14 марта 1900 г. уведомил Л. П. Урусова о нецелесообразности предполагавшегося демарша [20, д. 74, л. 275].

Таким образом, проявленная Россией инициатива в деле осуществления совместного демарша держав по вопросу о посредничестве в заключении мира не дала положительных результатов.

Попытки бургских делегатов, прибывших летом 1900 г. из США во Францию, а затем П. Крюгера склонить французское правительство к вмешательству в англо-бургскую войну для оказания помощи бургским республикам также не увенчались успехом. В связи с прибытием П. Крюгера в конце 1900 г. в Марсель, а затем в Париж во многих городах Франции состоялись антианглийские манифестации. Уступая общественному мнению, французское правительство устроило П. Крюгеру прием, как если бы он был президентом независимой страны. Однако встреча его в Париже с Э. Лубе и Т. Делькассе не повлекла за собой никаких акций со стороны французского правительства в защиту бургских республик [20, д. 74, лл. 230—231].

В связи с ходатайством бургских делегатов перед Советом Постоянной палаты Третейского суда в Гааге о рассмотрении им вопроса об англо-бургских разногласиях, приведших к войне, министр иностранных дел России В. Н. Ламздорф отметил, что «было бы более чем прискорбно, если бы на заре двадцатого столетия весь цивилизованный мир... совершенно хладнокровно отверг мольбу о содействии и заступничестве слабейшего противника». Он подтвердил мнение царского правительства о том, что державы могли бы «при первом удобном случае предложить свои добрые услуги... Англии» [23, д. 70, л. 153]. Но эта точка зрения по-прежнему не встретила фактической поддержки со стороны французского правительства: в беседе с царским дипломатом К. Нарышкиным Т. Делькассе вновь заявил об отсутствии благоприятных условий для посредничества держав [23, д. 70, лл. 153—154].

Итак, правительство Вальдека-Руссо уклонилось от вмешательства в англо-бургскую войну. Однако оно не чинило препятствий действиям французских противников захватни-

ческой политики Англии в Южной Африке, направленным на оказание помощи сражавшимся бурам. Во время войны во Франции были созданы общества для оказания помощи сражавшимся бурам. Крупнейшими из них были Центральный Комитет борцов за независимость южноафриканских республик, Французский комитет для заключения мира в Южной Африке, Французский молодежный комитет содействия Трансваалю. В деятельности этих обществ участвовали лица, принадлежавшие к различным политическим партиям, в том числе многие члены палаты депутатов и несколько сенаторов. Центральный Комитет борцов за независимость южноафриканских республик был организатором лекций, бесед и конференций, посвященных бурам и англо-бурской войне. Он организовал также сбор денег по подписке в пользу буров. К началу 1900 г. им было собрано около 37 тыс. фр. Французский комитет для заключения мира в Южной Африке организовал сбор подписей под петицией, обращенной к французскому правительству и содержавшей просьбу о посредничестве Франции в целях заключения мира. Во многих французских городах состоялись многолюдные митинги и манифестации, участники которых выражали сочувствие бурам и зачастую призывали французское правительство предложить Англии свое посредничество в деле скорейшего заключения мира.

Некоторые энергичные противники захвата Англией бурских республик отправились в Южную Африку в качестве добровольцев. В начале января 1900 г. число французских офицеров, уехавших в Южную Африку для оказания помощи бурам в войне против Англии, превысило 200 человек. Среди них был полковник Вильбуа де Марейль, возглавивший в Южной Африке иностранный добровольческий легион. Однако французское добровольческое движение тоже не приняло широкого размаха. Правительство Вальдека-Руссо, подобно правительствам других стран, не оказало этому движению никакой поддержки [285; 20, д. 74, Приложение].

Во время англо-бурской войны некоторые французские фирмы по производству оружия — «Шаржер реюни», «Кане», «Шнейдер-Крезо» поставляли его в Южно-Африканскую Республику по заказу ее правительства. К тому же более ста французских военных инженеров и техников — служащих фирмы «Шнейдер-Крезо» — в начале 1900 г. были направлены ею в Южную Африку, чтобы помочь бурам использовать военную технику. В феврале 1900 г. они прибыли в Южно-Африканскую Республику. Французский офицер Эйбер возглавил артиллерийские мастерские в Претории. Многие из этих специалистов стали работать в артиллерийских мастерских в Йоганнесбурге [20, д. 74, Приложение]. В помощь сражавшимся бурам несколько французских пароходов достави-

ли в начале 1900 г. из Гавра в мозамбикский порт Лоренсу-Маркиш продовольствие.

Фактический отказ правительства Вальдека-Руссо от вмешательства в англо-бурскую войну вызвал ожесточенные нападки со стороны крайне правых, которые стали обвинять его в пособничестве Англии. Требуя от правительства немедленных и решительных антианглийских действий, они прилагали усилия к тому, чтобы спровоцировать конфликт с нею. Они упорно раздували дипломатический англо-французский инцидент, который возник в конце 1899 г. в связи с тем, что английский посол во Франции Эдуард Монсон покинул тогда Париж и выехал в Италию, официально не известив об этом Т. Делькассе. Причина его демонстративного отъезда заключалась в резких антианглийских выступлениях французской прессы. Особенно язвительными были статьи и карикатуры, публиковавшиеся правым юмористическим листком «*Le Rire*». Они высмеивали «подвиги» английской армии в Южной Африке и королеву Викторию [20, д. 74, лл. 17—20]. Встревоженный отъездом Э. Монсона Т. Делькассе утверждал, что французское правительство не может нести ответственность за враждебное отношение к Англии части французов в связи с англо-бурской войной. Он заявил также, что если его официально уведомят об отъезде английского посла из Франции, посол Поль Камбон немедленно будет отозван французским правительством из Лондона [20, д. 74, лл. 17—20; 278, 23.II.1900]. Нападки на королеву Викторию не остались без ответа со стороны английского правительства. Выступая в ее защиту, Д. Чемберлен пригрозил, что Англия примет ответные меры.

Антианглийская агитация крайне правых еще более усилилась в связи с тем, что в марте 1900 г. Англия заставила Португалию согласиться на высадку английских войск в мозамбикском порту Бейра для отправки их в Южно-Африканскую Республику. Крайне правые утверждали, что английское правительство не имело права осуществлять высадку войск в этом порту без согласия Франции, так как французские капиталисты принимали участие в его строительстве. Они требовали, чтобы французское правительство немедленно оказало на Англию энергичное дипломатическое воздействие с целью предотвратить в дальнейшем высадку английских войск в портах Мозамбика, находящихся вблизи Мадагаскара, захваченного Францией в 1896 г.

Однако правительство Вальдека-Руссо неуклонно проводило политику невмешательства в англо-бурскую войну. Некоторое увеличение численности французских войск, находившихся в Тунисе и на Мадагаскаре, и принятие французским парламентом весной 1900 г. законопроекта о создании колониальной армии не представляли для Англии реальной угро-

зы и не являлись мерой, осуществленной Францией в порядке подготовки к войне против нее.

Проводившаяся Францией политика невмешательства в англо-бурскую войну определялась глубокими социально-экономическими и политическими причинами. Правящие круги Франции, только что вынужденные капитулировать в Фашодском кризисе, по-прежнему не могли рассчитывать на победу Франции в случае возникновения войны с Англией. Политическое положение во Франции было напряженным вследствие обострения классовой и партийной борьбы, усиления революционного направления в рабочем движении, продолжавшейся борьбы прогрессивных и реакционных сил вокруг дела Дрейфуса, антиправительственной агитации монархистов. К тому же правительство Вальдека-Руссо располагало в палате депутатов лишь незначительным большинством. Французский парламент являлся в то время ареной ожесточенной политической борьбы. В палате депутатов крайне правые с яростью нападали на правительство Вальдека-Руссо. Между левыми и крайне правыми депутатами происходили рукопашные схватки, в которых участвовали журналисты и даже публика. Сообщая об этом, Л. П. Урусов писал: «Парламентаризм до того уронил себя уже давно в общественном мнении, что это безобразие не удивило и не возмутило никого. Оно возбудило одни насмешки» [20, д. 74, л. 140]. Серьезные финансовые трудности, которые в то время испытывала Франция, также побуждали ее правительство желать сохранения мира. Глубокие франко-германские империалистические противоречия побуждали французские правящие круги не только стремиться избежать осложнений во взаимоотношениях с Англией, но и искать сближения и сговора с нею в антигерманских целях.

Французские империалисты были тогда весьма обеспокоены распространением в Германии пангерманских идей, а также возможностью распада Австро-Венгрии и усиления Германии в результате аннексии ею в этом случае австрийских земель с преобладающим немецким населением и Триеста [20, д. 74, лл. 297—298; 21, д. 75, л. 200].

Учитывая, что Германия вступила на путь борьбы за мировое господство и что дальнейшее резкое обострение противоречий между нею, с одной стороны, и Францией, Англией и Россией — с другой, является неизбежным, Т. Делькассе уже в то время настаивал на создании противостоящего Германии союза Англии, Франции и России. «Союз Англии с Россией и Францией был бы... очень важен для этих двух держав, так как Англия закрыла бы моря для германского флота», — заявил он в беседе с Л. П. Урусовым 9 мая 1900 г. [20, д. 74, л. 299].

Во время англо-бурской войны французское правительст-

во не только отказалось от вмешательства в нее в любой форме, но и пошло по пути дальнейшего сближения с Англией. В связи с существованием острых англо-германских империалистических противоречий и с серьезными трудностями, с которыми Англия столкнулась в войне за захват бургских республик, английские империалисты тоже были заинтересованы в сближении с Францией.

В январе 1902 г. Д. Чемберлен и посол П. Камбон приступили в Лондоне к переговорам о преодолении англо-французских разногласий по ряду вопросов, касающихся колониальных владений: о правах на ловлю рыбы у берегов Ньюфаундленда, о разграничении владений на территории Нигера, о статусе Новых Гебрид, о праве на торговлю на Мадагаскаре, о правах экстерриториальности на Занзибаре. Поднятый тогда же П. Камбоном марокканский вопрос не был отвергнут Д. Чемберленом, который, идя на уступки империалистическим притязаниям Франции в отношении Марокко, желал обеспечить компенсацию ею Англии. Именно поэтому Д. Чемберлен предложил П. Камбону в скором времени заняться рассмотрением марокканской проблемы. Лондонские переговоры Д. Чемберлена с П. Камбоном предвещали достижение Англией и Францией сговора по важным вопросам колониальной политики в целях подготовки к войне против Германии. Но путь к нему был нелегким, так как некоторые влиятельные английские политические деятели требовали передачи Англии марокканского побережья Гибралтарского пролива (включая Танжер, Тетуан, Сеуту), о. Мадагаскар и настаивали на том, чтобы Франция отказалась от притязаний на Египет.

Ведя переговоры с Англией, французские правящие круги не упустили возможности воспользоваться трудным положением, в котором она находилась в связи с войною в Южной Африке, для усиления экспансии Франции на Ближнем Востоке. Добиваясь усиления влияния Франции, французский посол в Турции Ж. Констан пытался противодействовать предоставлению султаном Германскому обществу анатолийских железных дорог концессии на строительство Багдадской железной дороги, ибо Франция опасалась упадка значения Адано-Мерсинской железной дороги, построенной французскими капиталистами. Ж. Констан настаивал на соединении Багдадской железной дороги с Адано-Мерсинской железной дорогой и протестовал против предусмотренного германским проектом соединения Халеба (Алеппо) с Багдадской железной дорогой, считая, что оно вызовет сокращение перевозки товаров из Халеба на Хаму, являющуюся конечным пунктом железнодорожной ветки Бейрут-Дамасской железной дороги, принадлежавшей французским капиталистам. Он настаивал на предоставлении французским капиталистам кон-

цессии на строительство железной дороги от Дедеагача к Дарданеллам, а также в Сирии. Весною 1900 г. французские капиталисты добились концессии на строительство железнодорожной линии Дамаск — Хама. Затем они стали добиваться разрешения на продление этой железной дороги через Алеппо и соединения ее с Багдадской железной дорогой [19, д. 25, лл. 326—328; 21, д. 27, л. 136; 21, д. 28, лл. 76, 393—394]. Желая заставить германских капиталистов отказаться от строительства Багдадской железной дороги, Ж. Констан попытался заручиться согласием царского правительства на совместное строительство русскими и французскими капиталистами железной дороги в причерноморской полосе Малой Азии [23, д. 22, л. 114]. Недовольное усилением экспансии Франции на Ближнем Востоке царское правительство не поддержало это предложение.

Во время англо-бурской войны французская дипломатия, желая ослабить английский оккупационный режим в Египте, пыталась с помощью подкупа привлечь на свою сторону хедива Аббаса Хильми-пашу. Но это вызвало противодействие английской дипломатии. По сведениям, полученным царским послом в Турции И. Зиновьевым от самого султана, лорд Кромер имел в начале февраля 1900 г. беседу с хедивом. Убедая его «остаться верным союзу с Англией», лорд Кромер заявил, что в этом случае английское правительство по окончании войны в Южной Африке «сумеет доказать хедиву свою признательность и позаботиться об обеспечении ему более самостоятельного, чем ныне, положения в Египте» [21, д. 27, л. 133]. Хедив заверил лорда Кромера, что «Англия может вполне рассчитывать на его преданность и на готовность его оказать ей услуги, которые от него потребуются» [21, д. 27, л. 134]. Попытка Франции ослабить позиции Англии в Египте осталась безрезультатной. Необходимо отметить, что антианглийская деятельность французской дипломатии в Египте не изменила возобладавшую на рубеже XIX и XX вв. тенденцию к англо-французскому сговору в антигерманских целях.

Теперь рассмотрим вопрос об отношении к англо-бурской войне России, являвшейся партнером Франции по антигерманскому военному союзу, возникшему в начале 90-х годов XIX в.

В отличие от Англии, Франции, Германии, Бельгии, Италии царская Россия не принимала участия в ожесточенной борьбе держав за территориальный раздел Африки. Русская буржуазия и помещики не участвовали в экспорте капитала и товаров в бурские республики, не имели капиталовложений в горнодобывающей промышленности этих стран, не стремились ни к экономическому, ни к политическому закабалению этих республик. Проживавшие в конце 90-х годов XIX в. в

бурских республиках русские подданные численностью до семи тысяч человек были мелкими торговцами, ремесленниками, владельцами трактиров, пивных, кузниц, швейных мастерских и т. п. Они не имели крупных капиталов и не могли стать совладельцами приисков, участвовать в строительстве железных дорог, в учреждении банков, крупных торговых компаний, стать крупными фермерами. В отличие от экономической деятельности английских, немецких, французских, голландских и других ойтландеров хозяйственная деятельность русских подданных, проживавших в бурских республиках, не имела существенного значения.

Хотя господствующие классы России не имели экономических интересов в Южной Африке, они осуждали войну Англии за захват бурских республик. Дело в том, что они опасались, что Англия, осуществив гигантские территориальные захваты в Африке, резко усилит агрессию на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке, захватит Персию, нефтеносные районы Среднего Востока, проливы, установит свое господство в Китае [278, 3(15).VI и 7(19).IX.1899; 281, № 264, 1899, № 264]. Эти действия Англии поставили бы под угрозу южные границы России и нанесли бы удар по экспансионистским замыслам русской буржуазии и помещиков. Однако царское правительство не имело реальной возможности самостоятельно предотвратить захват Англией бурских республик. Тяжелый финансовый, промышленный и сельскохозяйственный кризис, который переживала тогда Россия, острейшая классовая борьба, бурный рост революционного рабочего движения, крестьянские и студенческие волнения, относительная слабость русского военно-морского флота — все это были многочисленные и очень важные причины, побуждавшие царское правительство избегать вооруженного столкновения и иных конфликтов с Англией. Царская Россия находилась тогда накануне первой буржуазно-демократической революции. Отсталая в экономическом отношении, закабаляемая западноевропейскими империалистами, раздираемая социальными и национальными противоречиями Россия была не подготовлена к войне с Англией — одной из наиболее мощных промышленных держав и самой мощной морской державой, располагавшей несметными ресурсами огромной колониальной империи. Выражая точку зрения правящих кругов России, М. Н. Муравьев писал: «Мысль об участии России в каком бы то ни было союзе или коалиции держав против Англии должна быть совершенно исключена» [35, стр. 8]. «Нам, более чем когда-либо, следует заботиться о сохранении спокойствия... дабы ничем не осложнять общего политического положения», — утверждал тогда же В. Н. Ламздорф [20, д. 30, л. 42]. Это мнение разделяли военный министр А. Н. Куропаткин, министр финансов С. Ю. Витте и другие члены правительства.

Итак, возможность сепаратного военного или дипломатического вмешательства России в англо-бурскую войну в целях предотвращения захвата Англией бурских республик была исключена. В силу рассмотренных причин не могли быть осуществлены создание антибританской коалиции держав и их коллективный демарш, который положил бы конец англо-бурской войне и обеспечил бы заключение мира на основе отказа Англии от захвата бурских республик. Выше было показано, что переговоры М. Н. Муравьева в Париже и Николая II в Потсдаме выявили фактический отказ французского и германского правительств от коллективных антибританских действий. Предпринятое в феврале 1900 г. царским правительством зондирование германского и французского правительств относительно возможности осуществления в Лондоне коллективного демарша великих держав в целях восстановления мира в Южной Африке также не дало положительных результатов; Франция согласилась на участие в таком демарше при условии участия в нем Германии и США. Формально согласившись на демарш, Германия фактически сорвала его, потребовав неприемлемой для французских империалистов взаимной гарантии франко-германской границы [20, д. 18, л. 293]. Между тем завершение англо-бурской войны на этом этапе предотвратило бы разгром бурских республик и захват их Англией.

Предпринятая царским правительством в 1901 г. еще одна попытка подтолкнуть державы к коллективному вмешательству в эту войну тоже была неудачной. В середине 1901 г. Ламздорф рекомендовал царю обратиться к Вильгельму II с предложением принять участие в «дружественном представлении» с целью склонить победоносную Англию «к удобоприемлемому для буров решению трансваальского вопроса». По замыслу В. Н. Ламздорфа к такому представлению должны были присоединиться Франция, Италия, Австро-Венгрия и США. Николай II одобрил этот план В. Н. Ламздорфа. Последний составил, а царь утвердил проект секретной телеграммы Н. Д. Остен-Сакену, в которой послу предлагалось «самым осторожным образом... выяснить, как была бы принята императором Вильгельмом мысль об указанном обращении к Англии» [31, д. 754/812, лл. 22—26]. Но, получив от царского посла в Лондоне сообщение о том, что Англия отвергла бы такое представление держав, царь и министр иностранных дел В. Н. Ламздорф отказались от его осуществления [31, д. 754/812, л. 52].

Избегая сепаратного вмешательства в англо-бурскую войну, царское правительство в августе 1900 г. отклонило просьбу прибывших в Петербург бурских представителей — д-ра Лейдса, Фишера, Весселса и Велморанса о посредничестве России в заключении мира. В. Н. Ламздорф, сославшись на

«крайние осложнения в политических делах» и на «тревожные события на Дальнем Востоке», заявил д-ру Лейдсу, что царское правительство могло бы выступить посредником в заключении мира только в том случае, если «обе воюющие стороны, утомленные борьбой, осознают необходимость прийти к полюбовному соглашению». Он сообщил тогда же д-ру Лейдсу, что инициатива России в осуществлении посредничества не привела бы теперь к положительному результату, но вызвала бы неудовольствие Англии и «несомненно отразилась бы неблагоприятно на общем политическом положении» [20, д. 37, л. 90]. «Вполне одобряю вами сказанное, — пометил в связи с этим царь на полях доклада, представленного ему В. Н. Ламздорфом [20, д. 37, л. 90]. Отвечая на письмо голландской королевы Вильгельмины, ходатайствовавшей тогда о посредничестве России в заключении мира, Николай II писал: «Я был бы счастлив сделать все посильное для прекращения жестоких военных действий, но я думаю, что настоящий момент ни в коей мере не подходит для демарша с этой целью в отношении Англии. Хочу надеяться, что с помощью бога лучшая ситуация в будущем поможет державам, искренне желающим даровать человечеству блага мира, оказать содействие воюющим сторонам в достижении соглашения, но для этого надо, чтобы обе воюющие стороны хотели прекращения кровавой борьбы, которая их истощает» [20, д. 62, лл. 41—42].

В 1901 г. царское правительство заявило, что оно согласнo поддержать просьбу бурских делегатов о передаче англо-бурского конфликта на рассмотрение Совета постоянной палаты Международного третейского суда в Гааге, но при условии, что Англия выступит с аналогичной просьбой. На состоявшемся 20 ноября 1901 г. заседании этого Совета царский дипломат К. Струве, действуя согласно инструкции В. Н. Ламздорфа от 4 октября 1901 г., заявил, что царское правительство «весьма сожалеет, что разногласия между Великобританией и южноафриканскими республиками не могли быть рассмотрены третейским судом вследствие отказа одной из сторон прибегнуть к арбитражу» [23, д. 58, лл. 52—53]. В. Н. Ламздорф считал в то время, что единственный способ оказания державами помощи бурам заключался в том, чтобы, «проявив разум и бдительность, дождаться удобного момента, когда наступит утомление от войны и когда Англия будет готова к дружественному вмешательству, которое облегчило бы удовлетворительное завершение борьбы. Но для этого не следует ссориться с англичанами» [22, д. 98, лл. 45—46].

Как видим, царское правительство, формально не отказываясь от посредничества в заключении мира, все же подчеркивало, что непременным условием такого посредничества

должно быть согласие на него Англии. Это означало фактический отказ от посредничества, ибо английское правительство категорически отрицало его.

Движимые желанием предотвратить дальнейшее усиление Англии за счет захвата бурских республик правящие круги России и послушная им пресса разоблачали грабительские цели Англии в англо-бурской войне и восхваляли буров. Распространяя в народных массах России реакционные взгляды, они превозносили набожность буров и идиллически изображали их социальный строй. Они полностью игнорировали то, что буры сами были жестокими колонизаторами, беспощадно угнетавшими африканцев. Симпатии господствовавших классов России к сражавшимся бурам определялись лишь желанием предотвратить дальнейшее усиление мощного соперника — империалистической Англии, но отнюдь не враждой к захватнической политике и к колониальному гнету. В противоположность этому, революционные социал-демократы принципиально осудили империалистическую внешнюю политику Англии и ее колониальные захваты. В декабре 1900 г. В. И. Ленин писал в газете «Искра»: «И ради наживы кучки капиталистов буржуазные правительства вели бесконечные войны, морили полки солдат в нездоровых тропических странах, бросали миллионы собранных с народа денег, доводили население до отчаянных восстаний и до голодной смерти. Вспомните восстания индийских туземцев против Англии и голод в Индии, или теперешнюю войну англичан с бурами» [1, стр. 379—380].

Стараясь избежать осложнений во взаимоотношениях с Англией, царское правительство воздержалось от оказания сражавшимся бурам медицинской помощи и от поддержки добровольческого движения. Теперь посмотрим, как воспользовалось царское правительство затянувшейся англо-бурской войной для усиления своей империалистической экспансии на Среднем и Ближнем Востоке.

В начале 1900 г. царское правительство увеличило численность войск, находившихся в закаспийской области и в районе Кушки. В то же время оно довело до сведения английского правительства о своем намерении направить в Афганистан официальных дипломатических представителей и принять меры к развитию торговли России с этой страной [21, д. 101, лл. 17, 23; 29, д. 718, л. 180]. Чтобы предотвратить противодействие со стороны английского правительства реакционная русская пресса утверждала, что для переброски в Кушку всего кавказского корпуса потребуется не более двух недель. Правительство Р. Солсбери ответило концентрацией нескольких полков в Кветте [278, 26. II (10. III) и 10 (23). III. 1900]. Однако увеличение численности русских войск на границе с Афганистаном отнюдь не являлось мерой, знаме-

новашей подготовку царского правительства к организации вооруженного вторжения в эту страну и в Индию. Царское правительство вовсе не замышляло такой военной акции. Вторжение русских войск на территорию этих стран было бы чревато войной с Англией. Царское же правительство считало необходимым избежать войны.

Увеличение численности войск в районе Кушки было предпринято для того, чтобы оказать давление на английское правительство и добиться усиления экономических и политических связей России с Афганистаном и Персией, а также выхода на побережье Индийского океана. Буржуазно-помещичья пресса широко распространяла эту идею. «Ни Афганистан, ни Индия не нужны России,— писал журнал „Русская мысль“.— Выйти на юге к морю мы можем мирным путем, не прибегая к оружию... Для этого нам нужно выдержать с Англией дипломатическую борьбу» [282, 1900 г., кн. 2, стр. 148]. «Мы вовсе не собираемся идти на Индию»,— утверждала газета «Новое время». Она призывала правящие круги Англии понять, что «Россия не хочет завоевывать Индию, а стремится только... выйти на мировой простор океанских путей» [278, 15 (27).V.1899 и 16 (29).IV.1900]. «В России нет желания войны с Англией»,— констатировала эта газета [278, 28.III (9.IV).1900].

Предпринятые царским правительством в годы англо-бурской войны усилия, направленные на установление прочных торговых и политических связей с Афганистаном, вследствие энергичного противодействия английских дипломатов оказались тщетными. В то же время Англия резко увеличила ввоз в Афганистан своих товаров и настояла на снижении взимавшихся с них пошлин до 10% их стоимости. С целью ослабить власть эмира Хабибулла-хана английские дипломаты разжигали в Афганистане междоусобную борьбу, тайно поддерживали против эмира Насрулла-хана и поощряли волнения в афганских войсках [29, 1902, д. 720, лл. 153, 202, 273—274; 25, д. 98, л. 120].

Борьба царского правительства за усиление влияния России в Персии была в те годы более успешной, чем за укрепление связей с Афганистаном. В начале 1900 г. оно санкционировало предоставление персидскому правительству русским Учетно-ссудным банком Персии пятипроцентного займа на сумму в 22,5 млн. руб. сроком на 75 лет. Погашение этого займа и уплата процентов по нему были гарантированы всеми доходами с персидских таможен, кроме таможен Фарса и портов Южной Персии. В случае неуплаты Персией в срок платежей по этому займу русскому Учетно-ссудному банку Персии предоставлялось право установить контроль над теми персидскими таможнями, доход с которых служил гарантией оплаты займа. К тому же персидское

правительство обязалось погасить все прежние обязательства Персии по внешним займам и не заключать без соглашения с указанным банком новых внешних займов впредь до погашения пятипроцентного золотого займа 1900 г. Исходя из условий этого займа, русский Государственный банк уплатил Англии 5 млн. руб. для погашения предоставленного в 1892 г. Англией Персии шестипроцентного займа. В правящих кругах Германии заключение русско-персидского пятипроцентного займа расценивалось как результат успешного использования царской дипломатией трудного положения, в котором оказалась Англия в связи с войною за захват бурских республик. В марте 1902 г. Россия предоставила Персии новый заем на сумму в 12 млн. руб. на тех же условиях, на которых был заключен заем 1900 г. [20, д. 17, лл. 21—22; 23, д. 97, лл. 154—156; 25, д. 98, л. 55]. Приведенные факты доказывают, что в годы англо-бурской войны царское правительство добилось усиления финансовой зависимости Персии от России. Русская буржуазия активизировала свою деятельность и в Южной Персии, где господствовало английское влияние. Московский Международный банк открыл тогда свои агентства в Бендер-Бушире и Басре, а Русское общество пароходства и торговли организовало рейсы торговых пароходов по линии Одесса — Басра. С целью изучения спроса и предложения на рынках Южной Персии в 1901—1902 гг. ее посетили прибывшие из России представители «Московского Товарищества Прохоровской Трехгорной мануфактуры», «Сазвы Морозова и сына», «Братьев Мироновых», «Торгового дома И. Г. Харитоненко с сыном», «Товарищества Новой Косромской льняной мануфактуры», «Товарищества Кузнецова, В., Е. и А. Ясюнинских» и др. [28, д. 3869, лл. 288—290; д. 3887, лл. 60—61, 96, 149—151].

Открытие в 1901 г. российско-императорского генерального консульства в Бендер-Бушире и посещение персидских морских портов канонерской лодкой «Гиляк» в феврале и марте 1900 г. и крейсером «Варяг» в декабре 1901 г., по мнению царского правительства, должны были содействовать усилению влияния России в Южной Персии. Однако царскому правительству не удалось ослабить английское влияние в этой части Персии. Решительно противодействуя экспансии России, английские капиталисты в 1901 г. настояли на предоставлении им персидским правительством концессии на проведение нефтяного трубопровода параллельно морскому побережью Персии. Это нанесло тяжелый удар по экспансионистским устремлениям русской буржуазии в Южной Персии. К тому же английский капиталист Нокс д'Арси в 1901 г. получил от персидского правительства право на создание акционерного общества для эксплуатации месторождений нефти во всей Персии, кроме Азербайджана, Гиляна, Мазендерана,

Астрабада и Хорасана [28, д. 3869, лл. 166, 170; д. 3887, лл. 25, 28, 40; 24, д. 53, лл. 23—24; 23, д. 97, лл. 41—42].

В годы англо-бурской войны царское правительство уделяло также внимание положению на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Оно учитывало большое стратегическое значение проектировавшейся Багдадской железной дороги, а также то, что строительство и эксплуатация ее германскими капиталистами привели бы к резкому усилению экономического и политического влияния Германии в сопредельной с Россией стране. Преследуя как оборонительные, так и экспансионистские цели и преодолев энергичное противодействие английского посла в Константинополе О'Коннора, царское правительство в марте 1900 г. настояло на предоставлении России Турцией исключительного права на строительство железных дорог на малоазиатском побережье Черного моря [20, д. 27, лл. 156—157, 264, 297—302; 23, д. 25, лл. 200—201].

Царская дипломатия безуспешно пыталась побудить германское правительство выступить инициатором ликвидации оккупационного режима Англии в Египте. Указав на «бесполезность дальнейшего пребывания английских войск в Египте», М. Н. Муравьев в начале 1900 г. поручил Н. Д. Остен-Сакену уведомить Вильгельма II и Б. Бюлова о том, что «принятие на себя императором Вильгельмом инициативы в возбуждении и правильной постановке египетского вопроса встретило бы полное сочувствие как Турции, так и наиболее заинтересованных держав и могло бы только привести к самым благотворным результатам» [20, д. 18, л. 278]. Требование вывода английских войск из Египта означало, что царское правительство пыталось ослабить позиции Англии в Северной Африке, в восточной части Средиземного моря, на подступах к Ближнему и Среднему Востоку. Побуждая германское правительство взять на себя инициативу в предъявлении Англии этого требования, оно хотело тем самым привлечь Германию к совместным антибританским действиям [20, д. 18, л. 278].

Завершая рассмотрение вопроса об отношении царского правительства к англо-бурской войне, отметим, что после того, как Англия добилась перелома в войне в свою пользу, Франция и Россия внесли в текст подписанной ими в 1892 г. антигерманской военной конвенции направленное против Англии дополнение о принятии правительствами России и Франции мер взаимной помощи в случае войны с нею. Оно предусматривало, что в случае нападения Англии на Францию царское правительство окажет помощь Франции концентрацией трехсотпятидесятитысячной армии на границах с Афганистаном и с Индией; в случае же нападения Англии на Россию французское правительство должно было прийти ей на помощь путем концентрации на побережье Ла-Манша

армии в 100 тыс. или в 150 тыс. человек [31, д. 373/380, лл. 143—148].

Анализ ожесточенной борьбы держав на Дальнем Востоке на рубеже XIX—XX вв. и возникновения англо-японского союза выходит за рамки данного исследования. Отметим лишь, что трудности, с которыми английские империалисты столкнулись в войне за захват бурских республик, и страх перед угрозой создания антибританской коалиции содействовали отходу Англии от политики «блестящей изоляции». Подписание правительством Р. Солсбери 30 января 1902 г. направленного против России агрессивного военного союзного договора с Японией имело целью обеспечить дальнейшее успешное проведение Англией агрессивной внешней политики в условиях резкого обострения империалистических противоречий между державами и ожесточенной борьбы за передел мира.

Перейдем к вопросу об отношении к англо-бурской войне Голландии — первой из европейских держав приступившей к колонизации Южной Африки. Накануне англо-бурской войны царский посланник в Голландии К. Струве, характеризуя отношение голландцев к англо-бурскому конфликту, сообщал: «Теперь трансваальский вопрос сильно волнует общественное мнение и всецело завладел страной» [20, д. 18, л. 278]. Заинтересованность, проявленная в Голландии к судьбе бурских республик, объяснялась не только тем, что голландская буржуазия имела в Трансваале значительные капиталовложения, но также тем, что буры являлись потомками голландцев, еще в XVII в. колонизировавших Южную Африку.

Накануне англо-бурской войны в Гааге и Амстердаме было создано несколько комитетов для оказания помощи бурским республикам. Во главе одного из них встал президент первой палаты генеральных штатов ван Наамен; в работе других участвовали видные политические деятели, в частности генерал Схиммельпенник ван дер Ойс. Во многих голландских городах были проведены митинги солидарности с бурами. Голландская пресса различных направлений, в том числе широко распространенные буржуазные газеты «Ньюве Роттердамсе Курант» и «Дагблат», единодушно осуждала захватническую политику Англии в Южной Африке.

Голландские рабочие, исходя из демократических принципов, тоже выступали против захвата бурских республик. Руководимая Г. Ван-Колем социал-демократическая партия Голландии осудила захватническую войну Англии в Южной Африке. Накануне войны Г. Ван-Коль призывал правительство П. Крюгера к решительной борьбе против английских ойтландеров и к национализации горной промышленности Трансвааля. Но он не раскрыл империалистической сущности захватнической политики Англии в Южной Африке и колони-

заторской сущности политики буров по отношению к коренному населению республик [295, 1899, № 2, стр. 88—89; № 3, стр. 134—135]. Несмотря на широкое распространение в Голландии пробурских настроений, правящие круги этой страны во главе с радикально-либеральным правительством Пирсона и сменившим его в июне 1901 г. консервативным правительством Кейпера ни до войны, ни во время ее не предприняли эффективных антибританских акций. Дело в том, что военные, дипломатические и иные акции, направленные против самой мощной морской державы, могли бы быть осуществлены относительно слабой Голландией только совместно с другими державами. Но позиция, занятая в этой войне Германией и США, фактически исключила возможность коллективных антибританских действий держав. Опасаясь утраты Голландией ее колоний, правящие круги этой страны стремились избежать осложнений во взаимоотношениях с Англией. Этому содействовало также наблюдавшееся в то время в Голландии некоторое усиление политического влияния Германии, которое проявилось в укреплении личных контактов и семейных связей германских и голландских царствующих особ и знати.

Избегая ухудшения во взаимоотношениях с Англией, правящие круги Голландии вплоть до последних месяцев войны уклонялись от вмешательства в нее. В марте 1900 г. правительство Пирсона отклонило просьбу бурских правительств о посредничестве в целях заключения мира, предусматривающего признание Англией независимости бурских республик. При этом оно заявило, что неременным условием такого демарша со стороны Голландии должно было быть предварительное согласие на него со стороны английского правительства [20, д. 103, лл. 9, 11]. Возникшие в 1900 г. англо-голландские трения по поводу взятия англичанами в Южной Африке в плен голландского санитарного отряда и высылки ими из Южной Африки голландских служащих Южно-Африканской железной дороги также не повлекли за собой вмешательства Голландии в англо-бурскую войну. Правительство Пирсона возбудило перед английским правительством ходатайство об отправке в Голландию взятых в плен членов голландского санитарного отряда, а также о материальной компенсации высланным английскими властями голландским железнодорожным служащим [20, д. 61, лл. 56—57]. Переговоры по этим вопросам затянулись до конца войны.

Правительство Пирсона оказало торжественный прием П. Крюгеру, прибывшему в Гаагу в конце 1900 г. Однако оно не удовлетворило его просьбу о вмешательстве Голландии в англо-бурскую войну для предотвращения захвата бурских республик Англией. Когда же генеральные штаты вручили П. Крюгеру послание, выразившее сочувствие сражав-

шимся бурам, голландский министр иностранных дел де Бофор уведомил правительство Р. Солсбери о том, что правительство Пирсона слагает с себя ответственность за это послание [20, д. 61, лл. 77—78]. Отвергая возможность посредничества Голландии в прекращении военных действий в Южной Африке и в мирном урегулировании англо-бурского конфликта, премьер Пирсон заявил, что возглавляемое им правительство «не предвидит психологического момента, удобного для предложения третейского суда между Англией и Трансваалем» [20, д. 61, лл. 70—71].

Консервативное правительство Кейпера тоже стремилось избежать осложнений в англо-голландских отношениях. Осенью 1901 г. оно не поддержало просьбу делегатов от бурских республик о рассмотрении спорных вопросов, вызвавших англо-бурскую войну, Советом постоянной палаты Международного третейского суда в Гааге [23, д. 58, лл. 26—27]. Только в самом конце войны, уступая голландскому общественному мнению, возмущенному зверствами английских захватчиков, правительство Кейпера направило английскому правительству ноту, содержащую предложение добрых услуг для проведения переговоров с бурами о прекращении военных действий. Однако, предлагая тогда английскому правительству свое посредничество в заключении мира, голландское правительство не потребовало признания Англией независимости бурских республик; оно готово было содействовать подписанию грабительского мира, предусматривающего аннексию бурских республик. Тем не менее 29 января 1902 г. Г. Ленсдаун отклонил предложение Голландии о мирном посредничестве [73, Приложение; 24, д. 60, лл. 11—12].

Итак, избегая осложнений во взаимоотношениях с Англией, правительства Пирсона и Кейпера пренебрегли широким распространением в Голландии пробурских настроений и не оказали содействия сражавшимся бурам. Финансовая и медицинская помощь, в частном порядке оказанная голландцами бурам, была незначительной и не могла повлиять на исход войны. Немногочисленный голландский добровольческий отряд, вошедший в состав европейского легиона, состоял в основном из голландцев, проживавших в Южно-Африканской Республике, — железнодорожных служащих, торговцев и пр. Руководимый Сморенбергом, Вильбуа де Марейлем, а затем Е. Я. Максимовым отряд принял посильное участие в некоторых военных операциях, в частности близ Брандфорда. Участие голландских добровольцев в военных действиях существенного значения не имело.

Теперь рассмотрим вопрос об отношении США к англо-бурской войне.

Советской исторической наукой еще недостаточно изучены англо-американские отношения на рубеже XIX и XX вв., в частности характер нейтралитета, которого США формально придерживались в англо-бурской войне, и фактический сговор американских и британских империалистов по вопросу о захвате Англией бурских республик.

Американские и английские буржуазные исследователи, стремясь найти историческое обоснование для англо-американского сближения в условиях общего кризиса капитализма, пытаются отрицать наличие серьезных противоречий между Англией и США в прошлом вообще и на рубеже XIX и XX вв. в частности [157; 160; 165; 159].

Так, например, преуменьшая англо-американские противоречия и исходя из утверждения, что они обычно «разрешались путем заключения соглашения» [160, стр. 4], К. Р. Фиш, Н. Энджелл и Ч. Хассей считали главной задачей своего исследования изучение причин мирного урегулирования этих разногласий. Именно в этом плане интересовали их англо-американские отношения в рассматриваемое время. Л. М. Гелбер также восхвалял идею сотрудничества Англии и США и утверждал, будто «англо-американское взаимопонимание является важнейшим фактором новой истории» [165, стр. 1]. Эта точка зрения очень ярко выражена и в труде американского историка Х. К. Била: выступая с призывом установить мировое господство англосаксов, он заявлял, что Теодор Рузвельт был убежден «в единстве американских и британских интересов и в том, что, действуя совместно, американцы и англичане могли бы господствовать над миром» [120а, стр. 81]. Оценивая с этой точки зрения отношение США к англо-бурской войне, Х. К. Бил утверждал, что оно определялось стремлением Т. Рузвельта и его сторонников усилить влияние англосаксов, а также опасением, что в случае поражения англичан в Южной Африке «позиции народов, говорящих по-английски, были бы во всем мире очень ослаблены» [120а, стр. 100]. Р. Снайдер и Э. Фернис отрицали наличие острых англо-американских противоречий и, вопреки истине, утверждали, будто бы стремление США расширить на рубеже XIX и XX вв. свое влияние в странах Латинской Америки совпало с желанием Великобритании отказаться от своего влияния в этом районе вследствие усиления англо-германских, англо-французских и англо-русских противоречий в других частях света [253, стр. 8—9].

В действительности же утрата Англией в конце XIX в. мирового промышленного первенства, превращение США в наиболее развитую в экономическом отношении страну мира, усиление империалистической экспансии и колониальной аг-

рессии этих стран вели к нарастанию серьезных империалистических противоречий между ними. Американский империализм энергично наступал на позиции своего английского соперника, тщетно стремившегося вернуть утраченное промышленное первенство с помощью усиления колониальной экспансии. В конце XIX в. между Англией, все еще занимавшей первое место в мире по стоимости экспортируемых товаров, и США, занимавшими следующее за нею место, шла ожесточенная борьба за господство на мировом рынке. Вывоз продукции из США стремительно возрастал: если за период с 1892 по 1895 г. он превысил ввоз в страну почти на 264 млн. долл., то за период с 1895 по 1898 г. это превышение достигло 1 млрд. 50 млн. долл. [44, стр. 312]. Уже в первой половине 80-х годов XIX в. доля США в мировой промышленной продукции превысила долю Англии.

Резко обострилась также борьба между США и Англией за преобладающее влияние в Центральной и Южной Америке. Достигнутая Соединенными Штатами экономическая мощь и усиление их стратегических позиций в Карибском море в результате испано-американской войны 1898 г. благоприятствовали экспансии США в странах Латинской Америки. Американские империалисты стремились прикрыть свою ставшую весьма активной деятельность в латиноамериканских странах утверждениями о том, что США должны ликвидировать анархию, якобы господствующую в этих странах. Американские финансисты, добиваясь наилучших условий для проникновения капитала в экономику этих стран, решительно высказались против посредничества английских и иных банков в финансовых операциях между Соединенными Штатами и странами Латинской Америки. Об этом говорил в своей речи от 15 декабря 1898 г. в палате представителей президент Американской ассоциации промышленников Брозиус. Он призывал к созданию «великой Америки», к установлению мирового господства США, требовал независимости США от европейского кредита — «финансовой независимости от Старого Света». «Мы быстро приближаемся к состоянию нации-кредитора. Руководящая роль переходит от Старого Света к Новому Свету, и в ближайшем будущем Нью-Йорк придет на смену Лондону», — заявил он [44, стр. 229]. В свою очередь английские империалисты продолжали упорно бороться за расширение своего влияния в Латинской Америке. Борьба между Англией и США за господствующее положение на рынках в этой части земного шара приняла ожесточенный характер.

На рубеже XIX и XX вв. обострилась также борьба между США и Англией из-за строившегося Панамского канала. США потребовали от Англии пересмотра компромиссного договора Клейтон — Булвер от 1850 г., предусматривавшего,

что обе страны будут пользоваться Панамским каналом на равных правах. Американские империалисты, опасаясь, что строительство канала окажется под контролем Англии, добивались предоставления США всех прав на его сооружение. Они хотели осуществить свои цели без вооруженного столкновения с Англией, используя экономическое превосходство США, а также острые противоречия, существовавшие между ведущими европейскими державами, в особенности между Англией и Германией. В качестве завесы, прикрывающей борьбу США за установление мирового господства и наступление на позиции английского капитала в Латинской Америке, американские империалисты выдвигали идею сотрудничества англосаксонских наций. Она нашла яркое выражение в речи сенатора Монэя от 14 декабря 1898 г., выступившего за руководство США сооружением канала и установление самых дружественных отношений с Англией [44, стр. 182].

Борьба за господство в Латинской Америке и преобладание на Панамском перешейке занимала центральное место в англо-американских противоречиях в Западном полушарии. Серьезными были также разногласия между США и Великобританией по вопросам о границе между Британской Гвианой и Венесуэлой, а также Аляской и Канадой. В условиях интенсивной подготовки к войне за захват бурских республик и обострения англо-германских противоречий Англия оказалась вынужденной под энергичным давлением США согласиться на арбитражное решение спора о границах Венесуэлы и Британской Гвианы, территорию которой Англия хотела расширить за счет района р. Ориноко [52, 1903, ч. 1, стр. 558; 143, стр. 38]. С января по октябрь 1899 г. в Париже заседал третейский суд, принявший решение о границе Британской Гвианы: в ее пределы была включена лишь часть той территории, на которую претендовала Англия. Компромиссное решение этого вопроса свидетельствовало о желании Англии заручиться благожелательной позицией США в войне за захват бурских республик.

С началом англо-бурской войны Англия под давлением США была вынуждена пойти на односторонние уступки в вопросе о границе между Канадой и Южной Аляской, вокруг которого шла упорная борьба в связи с открытием в 1897 г. золотоносных районов в Клондайке. Подписанное 20 октября 1899 г. временное соглашение между Англией и США удовлетворило требования американских империалистов: в пределы США была включена прилегающая к Южной Аляске прибрежная полоса протяженностью около 600 миль, включающая порты Скагуэй, Дайа и Пирамид-Харбор [165, стр. 38]. Комментируя это соглашение, царский дипломатический агент Деволан сообщал из Вашингтона

В. Н. Ламздорфу: «Американцы получили больше, чем они могли ожидать раньше при нормальном течении дел. Надвигавшаяся война в Южной Африке может служить некоторым объяснением уступчивости англичан в этом случае... Англии интересно было во всяком случае задобрить американцев и перетянуть их на свою сторону во время войны с бурами. Этой цели они достигли вполне» [18, д. 110, л. 318]. Англо-американское соглашение «в общих чертах является почти полным согласием Великобритании на предъявленные федеральным правительством требования»,— сообщал царский посол в США А. П. Кассини [18, д. 110, л. 323]. Оно доказывает, «насколько великобританское правительство дорожит установившимися между Соединенными Штатами и Англией добрыми отношениями, столь необходимыми сей последней во время переживаемых ею трудных минут» [18, д. 110, лл. 322—323]. Таким образом, американская буржуазия использовала начавшуюся войну для значительного усиления своих позиций в северной части Тихоокеанского побережья.

Американские империалисты добились также от Англии уступок и в самоанском вопросе.

Тенденция к сговору британских и американских империалистов по важным для них вопросам внешней политики выявилась еще во время испано-американской войны, когда Англия заняла формально нейтральную, а по существу благожелательную позицию по отношению к США. Сенатор Монэй заявил в связи с этим в конгрессе: «Каждому ясно, что позиция, которую Великобритания поспешила занять в нашей войне с Испанией, позволила избежать осложнений, которые могли бы быть значительно более серьезными, чем столкновение с одной только Испанией» [44, стр. 182]. В письме от 11 июля 1899 г., переданном по поручению государственного секретаря США Д. Хэя лорду Солсбери американским послом в Лондоне Х. Чозйтом, была выражена «сердечная благодарность правительства Соединенных Штатов за весьма дружественные действия, осуществленные в отношении правительства США дипломатией ее величества» [52, 1901, стр. 349]. В свою очередь британские правящие круги стремились представить Англию «единственным другом Америки и указать на большие преимущества, которые представит для сей последней формальный союз с Великобританией, соединенной с ней узами крови и общностью интересов и тенденций» [18, д. 110, л. 92].

США, добываясь максимального ослабления позиций Англии в Западном полушарии, считали в то же время возможным предоставить свободу действий и даже оказать пособничество Англии в захвате тех территорий, в овладении которыми они сами не были в то время непосредственно заинтересованы, например в Южной Африке. Американским пра-

вающим кругам было бы также выгодно, если бы усиление английской экспансии в Южной Африке повлекло за собой обострение англо-германских противоречий. Указанные обстоятельства и определили американскую позицию во время англо-бурской войны.

Дипломатические отношения между США и бурскими республиками были установлены еще в 1870 г., когда США вслед за Англией, Францией, Голландией и Бельгией признали их независимыми государствами. В документе от 19 ноября 1870 г. о признании независимости и суверенитета Южно-Африканской Республики американское правительство указало, что оно «всегда будет готово принять любые меры, которые потребовались бы для соблюдения этого» [159, стр. 2]. На этот документ в дальнейшем неоднократно ссылались буры для доказательства того, что США обязаны выступить в защиту независимости бурских республик.

В 70-х и 80-х годах США, несмотря на просьбу буров, не противодействовали британской экспансии в бурских республиках. В ответ на объявленную в 1877 г. английским верховным комиссаром в Южной Африке Шепстоуном аннексию территории Южно-Африканской Республики Англией правительство Южно-Африканской Республики обратилось за помощью к США и к правительствам европейских государств. Ссылаясь на документ от 19 ноября 1870 г., оно просило Соединенные Штаты выступить в защиту независимости республики. Однако ответа на эту просьбу не последовало. В дальнейшем, ссылаясь на англо-бурскую конвенцию от 1884 г., подчинившую внешние сношения Южно-Африканской Республики английскому контролю, США отказались подписать с ней торговый договор; тем самым США как бы признали наличие особых интересов Англии в Южной Африке.

В конце XIX в. американские капиталисты имели некоторые экономические интересы в Южной Африке. Американские фирмы поставляли туда оборудование для шахт и приисков. Так, например, чикагская фирма «Фрезер и Чалмерс», производившая оборудование для шахт, а также паровозы и котлы, заключала в Южной Африке до начала англо-бурской войны ежегодно деловых сделок на сумму свыше 1 млн. долл.; чикагская промышленная фирма «М. Буллок» имела в Йоганнесбурге склад с буровым оборудованием на сумму, превышающую 4 млн. долл. В экспорте товаров в бурские республики участвовали и другие американские фирмы. В целом экономическая заинтересованность американских капиталистов в Южной Африке к началу войны не была настолько значительной, чтобы побудить их выступить против захвата бурских республик Англией.

Накануне англо-бурской войны правительства бурских республик неоднократно пытались склонить США к вмеша-

тельству в события в Южной Африке и путем арбитражного решения англо-бурских разногласий предотвратить войну. Однако американское правительство уклонилось от посредничества, предоставив британским агрессорам полную свободу действий в Южной Африке.

В начале англо-бурской войны американские правительственные газеты, выражая проанглийские симпатии, пытались представить ее «как борьбу между цивилизацией и варварством» [21, д. 109, т. 1, л. 18]. Они возлагали ответственность за возникновение войны на буров, предсказывали быструю победу английского оружия и отмечали, что «интересы американской промышленности и торговли... требуют, чтобы могущество, процветание и богатство Англии никоим образом не потерпели ущерба» [21, д. 109, т. 1, л. 19]. Выражая точку зрения правительства, государственный секретарь Д. Хэй заявил: «Борьба, которую ведет Англия, является борьбой цивилизации и прогресса, и все наши интересы связаны с ее успехом» [159, стр. 124].

В послании конгрессу от 5 декабря 1899 г. президент США Уильям Мак-Кинли заявил, что позиция США в англо-бурской войне якобы показывает «беспристрастное отношение правительства США к обеим воюющим сторонам» [52, 1901, стр. 22]. В действительности же этот нейтралитет носил формальный характер: США пошли на сговор с английскими империалистами и, заняв на словах нейтральную позицию, фактически содействовали Англии в захвате бурских республик, добившись от нее больших уступок в Западном полушарии, особенно в Латинской Америке.

В марте 1900 г. президенты бурских республик П. Крюгер и М. Штейн обратились к правительству США и представителям европейских держав с официальной просьбой о вмешательстве в англо-бурскую войну в целях скорейшего заключения мира. По получении этой просьбы Д. Хэй, горячий сторонник сговора с Англией, всячески поощрявший ее агрессию в Южной Африке, имел «часные и продолжительные свидания» с послом Великобритании в Вашингтоне Д. Паунсефотом [21, д. 109, т. 1, л. 92]. А. П. Кассини сообщал, что эти свидания «не имели другой цели, как привести к обоюдному соглашению как относительно значения, так даже самых выражений предложения президента лондонскому кабинету» о посредничестве США для заключения мира [21, д. 109, т. 1, л. 92]. Договорившись с Д. Паунсефотом, Д. Хэй в марте 1900 г. направил поверенному в делах США в Лондоне Уайту следующую телеграмму: «С помощью дружественных добрых услуг информируйте британское министерство иностранных дел, что сегодня я получил телеграмму от американского консула в Претории, содержащую просьбу правительств двух африканских республик о вмешательстве пре-

зидента в целях прекратить военные действия и сообщаящую, что подобная просьба направлена представителям европейских держав. Сообщая эту просьбу, я по поручению президента передаю его искренние заверения в том, что он был бы рад любым дружественным действием ускорить достижение такого счастливого результата» [21, д. 109, т. 1, лл. 91—92]. 29 марта 1900 г. Уайт сообщил Д. Хэю, что имел интервью с Солсбери, который просил его «поблагодарить президента за проявленную дружескую заинтересованность и добавил, что правительство ее величества не может допустить вмешательства какой-либо державы» [21, д. 109, т. 1, л. 91]. Раскрывая замыслы американского правительства, А. П. Кассини писал, что указанными действиями У. Мак-Кинли достиг следующего: во-первых, предложив Англии добрые услуги, он тем самым осуществил попытку, которая, по его мнению, не могла привести «к какому-либо практическому результату, но которая, отвечая желаниям и стремлениям американского народа, должна была произвести отличное впечатление и восстановить престиж президента и его администрации, сильно пострадавший за последнее время»; во-вторых, как отмечал А. П. Кассини, У. Мак-Кинли оказал английскому правительству косвенную услугу, ибо категорический отказ Солсбери показал, что дальнейшие попытки посредничества с чьей-либо стороны будут отвергнуты Англией [21, д. 109, лл. 91, 92]. Действительно, эти акции американского правительства помогли Англии сорвать подготовлявшееся в то время царским правительством совместное вмешательство держав в войну для скорейшего заключения мира.

Содействуя захвату бургских республик Англией, американские империалисты наживались на войне. За годы войны вывоз товаров из США в Англию и в ее южноафриканские колонии значительно возрос; в среднем он достигал тогда 577 млн. долл. в год, что на 112 млн. долл. превышало средний ежегодный вывоз в годы, предшествовавшие англо-бургской войне [159, стр. 49]. США поставляли для британских вооруженных сил в большом количестве продукты питания, обмундирование, порох, огнестрельное оружие [159, стр. 49, 51].

Американское правительство игнорировало многократные и энергичные протесты буров по этому поводу. «Мы совершенно свободны продавать обеим воюющим сторонам то, за что они в состоянии платить», — откровенно писал Д. Хэй. Он отметил при этом, что правительство США, действуя в интересах «американских купцов, американских промышленников...» стремится распространить рынок для их товаров и продуктов на весь мир. Оно имеет полное право заключать деловые сделки со всеми странами вне зависимости от того, находятся ли они в состоянии войны или нет. Мы были бы рады

видеть, что наш народ кормит и одевает все армии в мире и снабжает их всем, что им нужно» [159, стр. 51—52].

Формально правом закупки товаров в США во время войны могли пользоваться обе воюющие стороны; фактически же закупки в США для военных нужд делало только английское правительство. Буры не имели возможности приобретать там военное снаряжение, необходимое для борьбы против английских захватчиков. Попытка некоторых американских капиталистов наладить в целях наживы поставку бурам продовольствия встретила противодействие со стороны Англии. Английские военные корабли задерживали суда с грузом, предназначенным для буров [52, 1902, стр. 544—545]. А. П. Кассини сообщал, что «захват американской муки... возбуждавший в Соединенных Штатах взрыв негодования, произвел лишь весьма слабое впечатление на президента У. Мак-Кинли и его министра иностранных дел. Вашингтонский кабинет ограничился представлением в Лондоне протеста в весьма мягких выражениях» [21, д. 109, т. 1, л. 13].

Протестуя против продажи американцами Англии товаров для нужд войны, буры обвиняли правительство США в нарушении нейтралитета и требовали, чтобы оно запретило крупные торговые сделки в Новом Орлеане, совершавшиеся английскими офицерами, присланными в США закупать товары для нужд британской армии в Южной Африке. Лошадей и мулов, закупленных англичанами, при перевозке в Южную Африку сопровождали американцы-надсмотрщики. С февраля 1901 г. по апрель 1902 г. из Соединенных Штатов в Южную Африку в качестве персонала, обслуживающего транспортировку закупленных англичанами товаров, направилось более 4 тыс. американцев [159, стр. 60]. «Многие американцы, прибывшие сюда в качестве надсмотрщиков, вступали в армию», — сообщал американский консул в бурских республиках Стоу [159, стр. 63]. Осенью 1901 г. часть находившихся в США буров стала открыто угрожать силой прекратить вывоз из Нового Орлеана закупленного англичанами военного снаряжения и продовольствия. Правительство США немедленно приняло меры для предотвращения выступления буров.

В противоположность американским правящим кругам многие «рядовые» американцы осуждали агрессию Англии. «Не подлежит сомнению, — писал видный деятель республиканской партии Лодж Генри Уайту, — что симпатии здесь (в США) безоговорочно на стороне буров. По-другому и не могло быть. Они мужественно борются за свои очаги против превосходящих сил, и этого достаточно для среднего американца» [120а, стр. 95]. А. П. Кассини сообщал, что в США «громадное большинство народа, вне всякого сомнения, высказывается в пользу буров, и только незначитель-

ные голоса раздаются в защиту англичан» [21, д. 109, т. 1, л. 20]. Большинство американцев решительно осудило проанглийскую политику правительства США. «Положение в Вашингтоне самое необычное,— писал А. П. Кассини,— с одной стороны, правительство или, вернее, президент У. Мак-Кинли и, главным образом, его статс-секретарь г-н Хэй доводят симпатии к Англии если не до крайних пределов, то во всяком случае гораздо далее, чем то следовало. С другой стороны, громадное большинство американского народа высказывается в пользу буров и выражает на глазах у правительства свои громкие пожелания успеха их оружием и окончательного поражения Англии» [21, д. 109, т. 1, л. 20].

За годы войны У. Мак-Кинли и Д. Хэй, а также члены правительства США получали множество писем, требовавших вмешательства США в войну на стороне буров для скорейшего заключения мира и арбитражного решения спорных вопросов. Вскоре после начала войны в стране возникло движение за оказание помощи бурам и отправку добровольцев в Южную Африку. Особенно широкий размах приобрело это движение в штатах Иллинойс, Огайо, Индиана, Миссури, Висконсин, Мичиган, Миннесота [44, т. 33, ч. 6, стр. 5665]. Оно встретило решительное противодействие со стороны английского посла в Вашингтоне Д. Паунсефота и американского правительства. В январе 1900 г. Д. Паунсефот сообщил государственному департаменту США, что, по имеющимся у него сведениям, вооруженная группа американских добровольцев, сформировавшаяся близ Цинциннати в Огайо, ожидает отправки в Южную Африку из Филадельфии. Затем английское посольство сообщило государственному департаменту, что в Вашингтоне, Балтиморе, Сиэтле, в штатах Иллинойс и Монтана формируются добровольческие отряды американцев для помощи бурам. Получая такие сведения, правительство США немедленно принимало меры для предотвращения отправки американских добровольцев в Южную Африку.

Но все же «сторонники буров с каждым парходом оставляли Америку, дабы сражаться за интересы своих единомышленников» [21, д. 109, т. 1, л. 20]. А. П. Кассини сообщал, что «в больших центрах, Нью-Йорке, Филадельфии, Бостоне и даже Вашингтоне начали устраиваться митинги для выражения симпатий бурам, а по всей стране открылись подписки в пользу раненых трансваальцев» [21, д. 109, т. 1, л. 20]. «Действительно, движение в пользу буров принимает громадные размеры»,— сообщал А. П. Кассини министерству иностранных дел России в январе 1900 г. [21, д. 109, л. 28].

Антианглийские настроения были также широко распространены среди американцев ирландского и немецкого происхождения. Еще в ноябре 1899 г. А. П. Кассини писал, что

«многие американские граждане, особенно немецкого и ирландского происхождения, оставляют Америку, дабы вступить в отряды буров. Еще недавно к статс-секретарю поступило прошение о выдаче 900 паспортов лицам, намеревающимся ехать в Трансвааль для работ в тамошних копах. Д. Хэй не счел удобным исполнить немедленно означенную просьбу, выставив предлогом, что в министерстве иностранных дел нет необходимого количества паспортных бланков. Тем не менее... все отходящие из Нью-Йорка пароходы имеют среди пассажиров лиц, отправляющихся в Южную Африку, дабы сражаться в рядах трансваальцев» [18, д. 110, л. 348]. Американцы ирландского происхождения пытались отправить на помощь бурам отряд в 50 тыс. добровольцев, но не смогли договориться с трансваальским представителем в Европе Лейдсом об оплате за провоз их по морю и вынуждены были ограничиться отправкой отряда Красного Креста в 50 человек. 24 апреля 1900 г. в Кливленде на митинге делегатов от немецко-американских обществ, представляющих 90 тыс. американских граждан немецкого происхождения, было единогласно принято решение обратиться к президенту и конгрессу с петицией о том, чтобы США предложили дружественные услуги обеим воюющим сторонам в целях скорейшего окончания войны. Аналогичное решение было принято на митинге американских граждан немецкого происхождения в Питтсбурге в марте 1900 г. [44, т. 33, ч. 6, стр. 5665].

Позиция республиканского правительства в англо-бурской войне вызвала весьма решительные нападки членов демократической партии, рассчитывавших добиться усиления своего влияния в массах и использовать пробурские симпатии американцев для своей победы на предстоявших президентских выборах. «Не подлежит сомнению,— сообщал А. П. Кассини,— что... демократическая партия, упрекающая нынешнюю администрацию и президента Мак-Кинли в англофильских тенденциях, воспользуется движением в пользу буров, растущим со дня на день... чтобы подорвать успех г. Мак-Кинли и обеспечить победу за собой» [21, д. 109, т. 1, л. 147]. Эта тенденция была, в частности, ярко выражена в выступлениях членов демократической партии в конгрессе. Так, например, выступая в сенате 5 июня 1900 г., сенатор-демократ Аллен обвинил республиканцев в том, что они превратили США «в униженного раба и союзника Англии», и потребовал от правительства США решительных действий против захвата бурских республик [44, т. 33, ч. 8, стр. 6674].

За время войны конгрессмены-демократы внесли в конгресс несколько резолюций, выражавших сочувствие бурам. Однако республиканское большинство конгресса игнорировало эти резолюции.

В связи с войною в США состоялись массовые митинги

протеста против англофильской политики республиканского правительства. Описание одного из них, проведенного в середине января 1900 г., дал А. П. Кассини. Он отметил, что выступавшие ораторы «произносили громовые речи, осуждая политику Англии по отношению к двум южноафриканским республикам и, главным образом, виновника настоящей войны г. Чемберлена и заверяя буров в искренних симпатиях к ним американского народа... Англофильская политика федерального правительства подверглась в этих речах строгому осуждению и ярким нападкам как совершенно несогласная с традициями страны и действительным настроением общественного мнения». Он сообщил, что «подобные митинги собираются почти во всех значительных центрах Союза и громадные залы, в коих они происходят, могут вместить только незначительную часть толпы, скопляющейся на близлежащих улицах для выражения симпатий бурам» [21, д. 109, т. 1, л. 28].

В связи с прибытием 2 мая 1900 г. в США бурских делегатов — Фишера, Велморанса и Весселса — в стране были созданы комитеты, которые должны были склонить американское правительство к вмешательству в англо-бурскую войну для ее скорейшего завершения и сохранения независимости бурских республик. На многочисленных митингах, организованных этими комитетами в Нью-Йорке, Вашингтоне и других городах, выражались горячие симпатии американцев к бурам [21, д. 109, т. 1, л. 153]. В ответных речах делегаты буров благодарили американцев за горячие симпатии и «выражали надежду, что великая американская нация не ограничится только бесплодными проявлениями симпатий, которые они без сомнения ценят, но что непосредственное вмешательство Соединенных Штатов положит конец настоящей войне и сохранит независимость отечества» [21, д. 109, т. 1, л. 153].

Но попытка бурских делегатов склонить правительство США к вмешательству в войну потерпела неудачу. Д. Хэй вручил им заготовленный еще до их прибытия отказ американского правительства выступить в роли посредника. «Во время аудиенции, данной президентом Мак-Кинли делегатам буров, разговор шел об общих вопросах, и попытки делегатов навести его на предмет их миссии оказались безрезультатными. В конце аудиенции президент просил г-на Фишера передать его дружественные заверения президенту Крюгеру, но когда г-н Фишер спросил президента, не имеет ли он каких-либо других поручений к президенту Крюгеру, г. Мак-Кинли ответил, что, так как статс-секретарь Хэй передал делегатам буров все, что правительство Соединенных Штатов имело им сказать, он не может прибавить ничего к словам г-на Хэя» [21, д. 109, т. 1, л. 166]. Таким образом, вопреки воле большинства американцев, правительство США потвор-

ствовало английской агрессии в Южной Африке, содействовало превращению бурских республик в английские колонии. В то же время оно, использовав серьезные трудности, с которыми английские агрессоры столкнулись в войне с бурами, заставило Англию пойти на очень важные уступки. 5 февраля 1900 г. Д. Хэй и Д. Паунсефот подписали в Вашингтоне договор о Панамском канале. Согласно договору, руководство строительством канала переходило к Соединенным Штатам Америки. Предусматривалось, что канал всегда будет открыт для торговых и военных судов всех стран на равных основаниях, никогда не явится местом военных действий, на его побережье не будут воздвигаться военные сооружения. Соединенным Штатам разрешалось содержать в зоне канала полицию для «поддержания порядка». Комментируя этот договор, А. П. Кассини писал: «Д. Хэй выбрал весьма удобный момент для испрошения уступок лондонского кабинета, очевидно мало расположенного увеличить серьезные затруднения положения, созданного для него южноафриканской войной, новыми возможными осложнениями с Соединенными Штатами» [21, д. 109, т. 1, л. 40].

Однако наиболее агрессивная часть американских монополистов подвергла договор Хэй — Паунсефот суровой критике, считая недостаточными уступки, полученные США от Англии. Т. Рузвельт, являвшийся в то время губернатором штата Нью-Йорк, писал: «Я с сердечной дружбой отношусь к Англии, но я не могу не чувствовать, что государственный департамент допустил очень большую ошибку в договоре о канале... Я не понимаю, зачем должны мы соорудить канал, если мы не будем строить укреплений для того, чтобы обеспечить использование его в наших целях против наших врагов во время войны» [122а, стр. 143—144].

В конце 1900 г. сенат принял поправки к соглашению Хэй — Паунсефот, предусматривавшие прекращение действия договора Клейтон — Булвер и предоставлявшие США право применять вооруженные силы для «поддержания порядка» в зоне канала и для его обороны. Однако Англия отвергла эти поправки, что означало провал соглашения Хэй — Паунсефот.

Но затянувшаяся и тяжелая для английских агрессоров война в Южной Африке и дальнейшее обострение англо-германских противоречий заставили Англию в конце концов уступить энергичному давлению США. 18 ноября 1901 г. Англия подписала с США новый договор. Канал признавался нейтральным, свободным и открытым для военных и торговых судов всех наций на равных основаниях и находящимся под покровительством США; американскому правительству предоставлялось право на сооружение канала и исключительное право на управление им; США объявлялись единст-

венным гарантом его нейтралитета; блокада канала и военные действия на нем запрещались. Соединенным Штатам предоставлялось право иметь на прилегающей к каналу территории необходимое для поддержания порядка количество войск. Отсутствие в договоре запрещения Соединенным Штатам строить военные укрепления в зоне канала означало фактическое согласие Англии на их сооружение.

Англия была вынуждена уступить американским империалистам и в вопросе о границе между Аляской и Канадой: 23 января 1903 г. Д. Хэй и новый британский посол в США Херберт подписали окончательную конвенцию, согласно которой граница между Аляской и Канадой была установлена в соответствии с требованиями, выдвинутыми Д. Хэем в 1899 г. Упомянутая выше вынужденная уступка Англии в вопросе о разделе о-вов Самоа была очень выгодна не только для Германии, получившей о-ва Уполу и Савайи, но и для Соединенных Штатов, захвативших о. Тугуила и о. Мануа.

Таким образом, потворствуя английской агрессии в Южной Африке, США заставили Англию пойти на очень важные для них уступки, добившись резкого усиления американских стратегических позиций в Тихом океане и создав более благоприятные условия для расширения экспансии в Латинской Америке и на Дальнем Востоке. Все это свидетельствовало о серьезных англо-американских империалистических противоречиях и решительном наступлении США на позиции Англии в Западном полушарии.

Формальный нейтралитет США в англо-бурской войне и англо-американские взаимоотношения тех лет являются ярким примером сговора империалистических держав за счет народов малых стран с отсталой экономикой.

Подведем итоги. Изучение вопроса об отношении держав к англо-бурской войне показывает, что империалистический сговор Англии с Германией, США и Францией за счет народов отсталых в экономическом отношении малых стран и острые международные противоречия и конфликты в других районах мира исключили возможность коллективного вмешательства держав в англо-бурскую войну с целью предотвращения захвата бурских республик Англией. Существовавшие в то время острые империалистические франко-германские и русско-германские противоречия, а также противоречия между другими странами, относительная слабость военно-морских флотов Франции, России и Голландии, напряженное политическое положение в этих странах и на Дальнем Востоке делали невозможным сепаратное вмешательство каждой из стран с указанной целью в эту войну.

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЗАХВАТА БУРСКИХ РЕСПУБЛИК АНГЛИЕЙ

ЭКСПРОПРИАЦИЯ И ЗАКАБАЛЕНИЕ АФРИКАНЦЕВ АНГЛИЙСКИМИ И БУРСКИМИ КОЛОНИЗАТОРАМИ

С подписанием мирного договора в Претории цель английских империалистов была достигнута: территория бурских республик, таившая несметные сокровища, стала частью Британской империи. Хозяином новых колоний сделалась английская финансовая олигархия. Главной заботой английских империалистов в Южной Африке стало теперь проведение неотложных и действенных мер, которые привели бы к быстрому росту добычи золота и алмазов. Они считали прежде всего необходимым упрочить свое господство в Южной Африке и обеспечить прииски и фермы очень дешевой рабочей силой. В целях решения первой из этих задач английские правящие круги и монополисты стали добиваться сговора с бурами на наиболее выгодных для себя условиях. Одним из инициаторов англо-бурского сговора был С. Родс. Однако ему не довелось участвовать в осуществлении этого замысла: он скончался в марте 1902 г. По мнению Д. Чемберлена, важнейшая задача, вставшая перед английским правительством после завершения войны в Южной Африке, заключалась «в преодолении вражды и в установлении хороших отношений между теми, кто только что вел ожесточенную войну» [53, т. 102, стр. 36]. Считая, что возможность возобновления вооруженной борьбы против английских захватчиков была теперь исключена, бурские лидеры, в свою очередь, стали склоняться к идее сговора с ними. Для выяснения английских условий сговора генералы Л. Бота, Х. Девет и Дж. Х. Деларей в августе 1902 г. прибыли в Лондон и приступили к переговорам с Д. Чемберленом, Г. Китченером, Ф. Робертсом, королем Эдуардом VII.

Учитывая крайнюю заинтересованность английского правительства в сговоре с ними, генералы пытались добиться согласия на удовлетворение ряда требований, выдвинутых ими по договоренности с Крюгером. Они настаивали на сохранении за бурами их недвижимой собственности, на оказании английскими властями регулярной денежной помощи вдовам

и сиротам погибших на войне буров, на амнистии всем африканерам, участвовавшим в антианглийском восстании, на признании в Южной Африке языка африкаанс равноправным с английским языком [53, т. 91, стр. 1186—1187; 53, т. 101, стр. 1190—1192; 114, стр. 84—85]. Английское правительство отклонило эти требования, заявив, что подписанные бурами условия капитуляции и мира не подлежат пересмотру.

Не добившись от английского правительства никаких уступок, генералы 25 сентября 1902 г. обратились с воззванием к народам Европы и Америки, в котором просили оказать бурам материальную помощь. Однако надежды генералов на эффективную иностранную помощь оказались тщетными: собранная для них сумма едва превысила 105 тыс. ф. ст. В конце 1902 г. бурские генералы вернулись в Южную Африку. Вопрос об окончательных условиях сговора английского правительства с бурскими лидерами остался пока не решенным.

Между тем английские империалисты все более остро ощущали необходимость принятия срочных мер для укрепления своего господства в Южной Африке и увеличения добычи золота. Вследствие этого английское правительство направило в Южную Африку Д. Чемберлена для личного ознакомления со сложившейся там ситуацией. Одной из главных целей этой поездки являлся сговор с бурами.

25 ноября 1902 г. Д. Чемберлен на борту комфортабельного крейсера «Добрая Надежда» направился из Плимута в Дурбан. В первой же речи, произнесенной им по прибытии в Дурбан, Д. Чемберлен призвал буров «забыть все то, что не следует помнить, и найти пути для искреннего сотрудничества с англичанами во имя общего дела». Отказавшись от прежних энергичных нападок на буров, он стал утверждать, будто буры и англичане являются родственными народами. Он отказался от своего прежнего утверждения о виновности буров в возникновении войны и стал уверять всех в том, будто во ее возникновении вовсе не было виновных, что «война была естественной и неизбежной и никто из государственных деятелей не смог бы предотвратить ее». Д. Чемберлен призывал англичан «показать свою готовность приветствовать в лице буров новых сограждан» [114, т. 4, стр. 295]. «Мы должны уравнять буров во всех правах с нами... Мы протягиваем им руку и просим взять ее без задней мысли»,—заявил он [53, т. 89, стр. 94]. Он призывал к объединению южноафриканских колоний Англии в федерацию и обещал предоставить ей статус доминиона, а бурам — избирательные права. Д. Чемберлен считал необходимым еще до предоставления федерации статуса доминиона провести там важные экономические мероприятия, которые укрепили бы господство Англии в Южной Африке. Отметим, что этот план Д. Чемберлена в основном разделяли и другие лидеры консервативной партии, единодушно отвер-

гавшие требование левых либералов и либералов центра о предоставлении южноафриканским колониям прав доминиона немедленно по окончании войны.

Многие бурские лидеры, откликнувшись на призыв Д. Чемберлена, вступили с ним в переговоры об окончательном определении условий сговора. На этот раз Д. Чемберлен заявил, что английское правительство признает за бурами право на недвижимую собственность, которой они владели к началу войны, и уравнивает их в правах с проживающими в Южной Африке англичанами. Он заявил, что Англия уплатит 3 млн. ф. ст. сражавшимся во время войны бурам в качестве компенсации за материальный ущерб, нанесенный им действиями английских войск, а также возместит материальные потери, понесенные во время войны бурами, занимавшими британские позиции.

Признание правительством Р. Солсбери за бурами прав на их недвижимую собственность явилось очень важным условием англо-бурского сговора, а согласие на выплату указанных сумм — мерой, содействовавшей восстановлению бурского сельскохозяйственного производства в Трансваале и Колонии Оранжевой реки. В этом восстановлении нуждались не только буры, но и английские золотопромышленники и прочие капиталисты, которым необходимо было иметь в новых южноафриканских колониях достаточное количество сельскохозяйственных товаров для собственного потребления и для минимального удовлетворения потребностей рабочих.

В ходе этих переговоров бурские лидеры и Д. Чемберлен единодушно подтвердили, что основой их сговора и сотрудничества будет расовая дискриминация, порабощение и эксплуатация африканцев. Эта идея была официально выдвинута еще во время войны А. Бальфуrom, который заявил в парламенте, что английское правительство «намерено править в новых южноафриканских колониях всем белым населением на основании равных для них законов», которые не будут распространяться на африканцев [53, т. 99, стр. 1049]. На состоявшейся 8 января 1903 г. в Претории встрече Д. Чемберлена с генералами Л. Ботой, Х. Деветом, П. Кронье, Дж. Х. Делареем Я. Смэтс заявил, что генералы согласны сотрудничать с англичанами. «Наши интересы, — сказал он, — так связаны с Южной Африкой и она так дорога нам, что мы должны работать все вместе для ее блага и процветания. Мы можем подать друг другу руки как белые люди». При этом Я. Смэтс выразил уверенность в том, что английское правительство будет проводить «твердую политику по отношению к туземцам» [114, т. 4, стр. 305]. В ответной речи Д. Чемберлен заверил бурских генералов в том, что политика английского правительства и колониальных властей по отношению к коренному населению Южной Африки будет «твердой» [114, т. 4, стр. 316].

Оценивая результаты переговоров с бурскими лидерами, Д. Чемберлен выразил удовлетворение тем, что на этот раз ему удалось заложить основу для сговора с ними. «Я вполне удовлетворен ситуацией, касающейся буров, — писал он. — Некоторые из них еще враждебны по отношению к нам, но я надеюсь, что они примирятся. Общее мнение таково, что они никогда не будут больше воевать и... я надеюсь, что они смогут стать действительно лояльными по отношению к Англии» [114, т. 4, стр. 312]. Будучи в данном случае более прозорливым, А. Милнер утверждал, что, несмотря на сговор с англичанами, идеалом буров продолжали оставаться «независимая африканерская партия, независимое африканерское государство и закабаление африканерами проживающих в нем народов» [50, т. 2, стр. 558].

Английское правительство приняло также меры для укрепления господства Англии в Капской колонии. Подавив вооруженное восстание африканеров и проведя суровые репрессии против его участников, оно стало искать сговора с виднейшими деятелями африканеров. Д. Чемберлен отверг предложение А. Милнера о приостановке действия капской конституции и настоял на принятии решения о созыве в августе 1902 г. капского парламента, в котором ранее преобладало влияние африканеров. Но при этом Д. Чемберлен заявил, что парламент будет распущен, если его деятельность будет противоречить интересам Англии. В это же время королевская следственная комиссия пересмотрела и несколько смягчила, но не отменила 794 приговора, вынесенных во время войны военными судами участникам антианглийского африканерского восстания [114, т. 4, стр. 98—121]. В речи от 10 февраля 1903 г. в Грэхемстауне Д. Чемберлен призвал африканеров «преодолеть вражду к англичанам и стремиться к слиянию африканеров, буров и английских колонистов в одну нацию» [114, т. 4, стр. 365—366]. Это была выдвигавшаяся еще С. Родсом шовинистическая идея британизации буров и африканеров.

Желая предотвратить антибританскую деятельность африканеров и буров, Д. Чемберлен настоял тогда на ликвидации Африканерской национальной партии и на создании Южно-Африканской партии, целью которой являлось «развитие стремления к объединению различных наций, проживающих в Британской Южной Африке, в федерацию, учитывающую интересы образующих ее колоний и британской короны» [180, стр. 581]. Бонд был вынужден заявить об отказе от своих прежних требований и о том, что теперь его конечной целью стало создание из южноафриканских колоний Англии федерации и предоставление ей прав доминиона [180, стр. 581].

Приветствуя Д. Чемберлена, Я. Х. Хофмейр призвал всех африканеров, враждебно относившихся к Англии, примирить-

ся с ее победой и совместно с англичанами содействовать образованию федерации, имеющей права доминиона [180, стр. 579—580]. Вследствие занятой им по отношению к Англии лояльной позиции он снискал расположение министра колоний. «Я хочу поблагодарить Вас за лояльность, с которой Вы осуществляете политику умиротворения», — писал Д. Чемберлен Я. Х. Хофмейру по возвращении в Лондон [180, стр. 587]. Свою дальнейшую деятельность Я. Х. Хофмейр посвятил созданию из южноафриканских колоний Англии доминиона, а также борьбе за сплочение англичан и буров, за развитие «могучего национального сознания, крепко объединяющего всех говорящих на английском языке и на языке африкаанс в одну южноафриканскую нацию» [180, стр. 611].

Считая необходимым принять срочные меры к восстановлению тяжело пострадавшей от войны экономики Трансвааля, Д. Чемберлен во время пребывания в Южной Африке предложил предоставить колониальной администрации Трансвааля трехпроцентный заем на сумму в 35 млн. ф. ст. 12 января 1903 г. он направил правительству телеграмму с просьбой немедленно разрешить этот заем и вскоре получил положительный ответ. Согласно решению Д. Чемберлена и А. Милнера, этот заем был распределен следующим образом: на погашение дефицита 1901—1902 гг., прежнего долга Южно-Африканской Республики, на компенсацию лояльным африканерам Капской колонии и Натала за материальный ущерб, нанесенный им в связи с военными действиями, было выделено 6 млн. ф. ст.; на приобретение существовавших в бывших бурских республиках железных дорог, строительство новых железных дорог, суды в виде займа, восстановление бурских ферм, прочие работы было решено израсходовать 29 млн. ф. ст. [114, т. 4, стр. 318]. Как видим, из 35 млн. ф. ст. этого займа английские захватчики не выделили ни одного пенса для оказания помощи африканцам, понесшим большой материальный ущерб и зачастую разоренным в результате военных действий.

По окончании войны английские военные власти в бывших бурских республиках приступили к проведению мер, направленных на укрепление господства Англии в Южной Африке, на реализацию условий сговора с бурами, на восстановление пострадавших от войны промышленности и сельского хозяйства. К марту 1903 г. почти все пленные буры были возвращены на родину. Концентрационные лагеря, в которых томились бурские женщины, дети, старики, были закрыты. Созданный в конце 1902 г. колониальными властями Земельный департамент приступил к возвращению бурским землевладельцам принадлежавших им земель. Содействуя теперь восстановлению бурских хозяйств, английские власти предоставили их собственникам необходимые строительные материалы, сельскохозяйственные орудия, семена и скот. Помимо выплаты

английским правительством указанных 3 млн. ф. ст. колониальные власти предоставили бурам субсидий и займов на сумму 9 млн. ф. ст. Все это содействовало возрождению бурских хозяйств. Однако многие мелкие бурские арендаторы не смогли восстановить свои хозяйства, ибо крупные бурские землевладельцы, стремясь повысить товарность своих ферм для удовлетворения спроса на быстро расширявшемся внутреннем рынке, отказывались возобновить сдачу в аренду части своих земель [221, стр. 214—215; 273, т. 2, стр. 111]. Не имея средств к существованию, бывшие мелкие арендаторы нанимались работать на строительство железных дорог, зданий и др.

Еще во время войны английские военные власти стали создавать на захваченных землях фермерские хозяйства. В начале 1902 г. в руках английских военных властей находились 2 тыс. 355 ферм, что составляло почти одну треть от числа земельных владений, принадлежавших тогда бурам. Кроме того, в руках английских колонистов находились тогда 375 ферм [125, стр. 223; 115, т. 6, стр. 56—57]. Как видим, уже в это время английское землевладение в бывших бурских республиках достигло внушительных размеров. Желая обеспечить его дальнейший рост, английское правительство предполагало переселить в Южную Африку «многих трудолюбивых английских колонистов, которые стали бы образцом для буров и обеспечили бы развитие земледелия» [53, т. 112, стр. 49]. Капиталистическое сельскохозяйственное производство английских и бурских фермеров было основано на беспощадной эксплуатации труда африканских батраков.

В целях создания благоприятных условий для усиления эксплуатации южноафриканских колоний английские монополисты и колониальные власти приступили к расширению сети железных дорог. Было начато строительство железной дороги от Фортин-Стримса до Клерксдорпа, связывающей Кимберли с Йоганнесбургом. Колониальные власти Наталя приступили к строительству железной дороги Бетлехем—Кронстад, а трансваальский «Пост Оффис Сейвингс Банк» — от Спрингса до Уитбенка [115, т. 6, стр. 136—137].

Стремясь упрочить господство английских империалистов в Южной Африке, правительство приняло меры к сокращению числа проживавших там иностранцев и к ограничению въезда иммигрантов. Еще во время войны английские власти арестовывали и высылали из Южной Африки бельгийцев, русских подданных и других иностранцев, прибывших в Южную Африку в конце XIX в. При этом многих из них бездоказательно обвинили в участии в антианглийских заговорах, раскрытых в июле и в ноябре 1900 г. в Йоганнесбурге и в Претории. Общая численность высланных английскими военными властями иностранцев достигла примерно шести тысяч человек. В даль-

нейшем английское правительство частично удовлетворило ходатайства, предъявленные некоторыми из высланных иностранцев и поддержанные соответствующими правительствами, о компенсации материального ущерба, который понесли эти лица. О компенсации ходатайствовали 504 высланных иностранца, предъявившие иски на общую сумму в 430 404 ф. ст. Однако комиссия, назначенная Г. Ленсдауном для разбора этих исков, согласилась уплатить по ним лишь 70 тыс. ф. ст., в том числе 30 тыс. ф. ст. — для 199 немецких истцов, 15 тыс. ф. ст. — для 112 австрийских, 12 тыс. ф. ст. — для 113 итальянских, 6 тыс. ф. ст. — для 14 американских, 4 тыс. ф. ст. — для 36 истцов, являвшихся русскими подданными [26, оп. 929, д. 13, л. 18—22, 133, 192; 26, ЮАР, д. 16, л. 3]. В конце 1902 г. английские власти в Капской колонии приняли билль, ограничивший иммиграцию в эту колонию имущественным цензом, цензом грамотности и предварительным разрешением колониальных властей на въезд в Южную Африку [26, оп. 929, д. 5, л. 18]. Указанные выше мероприятия английского правительства и колониальных властей содействовали укреплению господства Англии в Южной Африке. В этих условиях главной заботой английских монополистов стало резкое увеличение добычи золота. Обратимся к вопросу о развитии золотодобывающей промышленности в Южной Африке в начале XX в.

Во время войны английские золотопромышленники опасались, что правительство Крюгера конфискует золотые прииски. Эти опасения усилились в связи с тем, что еще в начале войны правительство Южно-Африканской Республики ввело налог в размере от 30% до 50% от стоимости добываемого в Витватерсранде золота [293, т. 4, 1900, № 2, стр. 38]. Однако они оказались напрасными: в ходе войны буры не конфисковали золотые и алмазные прииски и не испортили их оборудование. Повреждения, нанесенные золотым приискам, были совсем незначительными и устранение их потребовало лишь около 2 тыс. ф. ст. [53, т. 93, стр. 113]; ущерб, нанесенный алмазным приискам был исчислен в 54 тыс. ф. ст. [53, т. 98, стр. 49].

Во время войны добыча алмазов и золота в Южной Африке резко сократилась. В 1900 г. стоимость добытого в Южно-Африканской Республике золота достигла лишь 9671 тыс. долл., в то время как в 1899 г. она составляла 73 277 100 долл. Это содействовало значительному снижению мировой добычи золота, сократившейся в 1900 г. на 49 070 200 долл. [295, 1902, № 1, стр. 65]. С января по май 1901 г. добыча золота на приисках находилась на самом низком уровне [53, т. 93, стр. 733]. В мае 1901 г. она стала возрастать, но до конца войны оставалась незначительной.

Желая хотя бы частично возместить свои потери, вызванные резким сокращением добычи золота, владельцы приисков настояли на том, чтобы английское правительство наложило

арест на золото, принадлежавшее Южно-Африканской Республике. По требованию английского правительства и по распоряжению судебных властей Куксхафена там был наложен арест на 30 ящиков золота на сумму 3,5 млн. марок, отправленного по распоряжению президента Крюгера в начале сентября 1900 г. через Мозамбик и далее в Европу на германском пароходе «Бундесрат» для хранения в одном из гамбургских банков. Арестованное золото было передано на временное хранение в отделение «Норд-Дойче Банк» в Куксхафене [26, оп. 929, д. 10, лл. 68—69]. Газеты «Гамбургер Хандельсблатт», «Гамбургер Фремденблатт» и ольденбургская «Нахрихтен фюр Штадт унд Ланд» отмечали, что английское правительство действовало в этом вопросе по требованию международного консорциума: владельцев южноафриканских золотых приисков, желавших тем самым оплатить облигации, полученные ими от правительства Южно-Африканской Республики, которое во время войны израсходовало часть добытого тогда в Витватерсранде золота [26, оп. 929, д. 10, лл. 68—69].

Защищая интересы золотопромышленников, правительство Р. Солсбери не удовлетворило требования некоторых английских политических деятелей — Д. Ллойд-Джорджа, Лебучира, Гендерсона, Джона Уилсона и других о том, чтобы вся тяжесть расходов на войну была возложена на тех монополистов, по воле и в интересах которых она велась [53, т. 80, стр. 87—119; 53, т. 92, стр. 703; 53, т. 93, стр. 115; 53, т. 96, стр. 846]. С целью избежать ожесточенной борьбы в парламенте Д. Чемберлен формально согласился с этим требованием. Но, в то же время, он заявил, что необходимо обеспечить получение золотопромышленниками прибыли, не меньшей, чем в 10%, и воздержаться от проведения мер, которые могли бы помешать быстрому росту добычи золота и алмазов [53, т. 112, стр. 44]. Ни во время войны за захват бургских республик, ни после нее английское правительство не нанесло владельцам приисков никакого ущерба и не взыскало с них сумму военных расходов. На состоявшемся в начале 1903 г. в Йоганнесбурге свидании Д. Чемберлена с представителями крупнейших английских золотопромышленных компаний Витватерсранда вопрос об их участии в оплате военных расходов вовсе не обсуждался, но было принято решение о том, что Трансвааль уплатит Англии контрибуцию в размере 30 млн. ф. ст. [114, т. 4, стр. 319—323]. По настоянию Д. Чемберлена колониальные власти Натала согласились уплатить Англии 1 млн. ф. ст. «для обеспечения финансового положения матери-родины» [114, т. 4, стр. 298]. Во время пребывания в Капской колонии Д. Чемберлен потребовал уплаты ею контрибуции в 10 млн. ф. ст. Колония Оранжевой реки тоже была вынуждена уплатить большую контрибуцию. Тяжесть контрибуций фактически легла на плечи поработанного африканского населения этих ко-

юний, которому пришлось компенсировать огромные затраты английского правительства на войну за захват бурских республик.

По окончании войны английские золотопромышленники энергично приступили к восстановлению, а затем к дальнейшему развитию добычи золота в Трансваале. Английские монополисты и правительство были весьма обеспокоены сокращением золотого запаса Англии, который с 1896 по 1902 г. снизился с 44 319 000 ф. ст. до 35 644 000 ф. ст., а также тем, что золотые запасы «Французского Банка» и «Немецкого Банка» превысили запас «Английского Банка», составив в 1902 г. соответственно 101 932 тыс. ф. ст. и 36 273 тыс. ф. ст. [116, стр. 379—380]. Английские монополисты и правительство хотели резко увеличить добычу золота в Южной Африке, чтобы укрепить финансовую систему Англии, увеличить ее золотой запас, повысить и упрочить курс фунта стерлингов, обеспечить за Англией положение мирового банкира, главного кредитора и экспортера капитала. К тому же часть английских монополистов надеялась, что быстрый рост добычи золота в Южной Африке привлечет туда много переселенцев, создаст значительный численный перевес английского населения над африканским, укрепит господство Англии в Южной Африке [115, т. 6, стр. 19].

Уже в 1902 г. добыча золота в Трансваале достигла 1718 тыс. унций, более чем в шесть раз превысив добычу 1901 г. В 1903 г. она поднялась до 2 972 900 унций, превысив уровень добычи 1897 г., но все еще оставаясь значительно ниже уровня добычи 1898 г., когда было добыто 3 823 400 унций золота. В 1904 г. добыча золота в Трансваале составила 3 млн. 773 тыс. 500 унций, т. е. почти достигла уровня 1898 г. К 1910 г. она удвоилась. С 1908 г. темп роста добычи золота в этой колонии замедлился. Однако объем работ по добыче золота стал быстро увеличиваться в результате уменьшения содержания золота в руде и перехода от переработки 15-граммовой руды к переработке 12—10-граммовой руды на более значительной глубине. Удельный вес добычи золота в Трансваале в мировой добыче золота быстро возрастал. В 1902 г. он составлял 12%, а в 1910 г. — 34,2% [150, стр. 6].

Прибыль золотопромышленников в Трансваале была очень большой. Так, например, в 1902 г. она составляла 16 шилл. 10 пенсов с тонны переработанной руды. Прибыль, полученная трансваальскими золотопромышленниками в 1909 г., составила 9 млн. ф. ст., т. е. почти вдвое превысила прибыль, полученную ими в 1898 г. (4 млн. 848 тыс. ф. ст.) [118, стр. 149—150]. Прибыль «Де Бирс Консолидейтед Майнс» уже в 1904 г. достигла 3 млн. ф. ст., значительно превысив прибыль, полученную ею в 1898 г. [177, стр. 266]. В погоне за огромной прибылью английские алмазо- и золотопромышленники снижали

издержки производства путем еще более жестокой эксплуатации африканских рабочих и применения нового технического оборудования для добычи и переработки руды.

Восстановление и быстрое развитие в Южной Африке горнодобывающей промышленности и других отраслей народного хозяйства было немыслимо без резкого роста численности рабочих. Потребность монополистов в рабочей силе была тогда очень большой. Надо было восстановить множество разрушенных ферм и зданий, исправить старые и построить новые железные и шоссейные дороги, обеспечить быстрый рост добычи золота, а также рост сельскохозяйственного производства. В Трансваале в 1903 г. не хватало до 130 тыс. рабочих (на приисках Витватерсранда), до 80 тыс. батраков и 40 тыс. строительных рабочих [150, стр. 7; 26, оп. 929, д. 10, л. 239].

Владельцы приисков были тогда вплотную заняты изысканием наиболее выгодных для них путей удовлетворения спроса на рабочую силу. Еще в начале войны, не сомневаясь в победе Англии, С. Родс, граф А. Г. Грей и управляющий «Де Бирс Консолидейтед Майнс» Х. Уилсон Фокс выступили с предложением организовать массовый ввоз в Южную Африку очень дешевой рабочей силы из азиатских стран [291, 29.IX.1900]. По их расчетам применение очень дешевого труда азиатских рабочих привело бы к снижению расходов на добычу тонны породы с 23 шилл. до 15 шилл. [150, стр. 10]. С 1904 г. колонизаторы стали доставлять на прииски Витватерсранда азиатских рабочих, нанятых по контракту на определенный срок. Но условия труда были настолько тяжелыми, что многие из рабочих бросали работу и бежали с приисков. Английская полиция ловила их, заковывала в цепи и насильно водворяла в шахты [72, стр. 5]. Попытка колонизаторов решить проблему обеспечения приисков очень дешевой рабочей силой путем ввоза рабочих из азиатских стран не увенчалась успехом.

Следует отметить, что многие английские монополисты были противниками ввоза в Южную Африку рабочих из азиатских стран и широкого применения труда африканских рабочих. Считая, что неквалифицированный труд азиатских и африканских рабочих не сможет обеспечить быстрый рост добычи золота, А. Милнер, капиталисты Вайбирг, Рикард, Хэнкок, Мейниен, а также «Совет торговли и труда», «Объединенное общество инженеров», «Ассоциация владельцев трансваальских приисков» требовали резкого увеличения численности английских рабочих путем увеличения притока колонистов из метрополии. Они утверждали, что широкое применение в Южной Африке труда африканских рабочих будет противоречить национальным интересам англичан. Они считали, что для установления прочного господства Англии в Южной Африке необходимо создать огромный численный перевес английских рабочих над африканскими, ибо, в противном случае,

«Трансвааль будет страной черного человека» [56а, стр. 29—30].

Однако большинство английских золотопромышленников, движимые жадной наживой, протестовали против массового использования труда английских рабочих, который оплачивался гораздо выше, чем труд африканских рабочих. Об огромном различии в оплате их труда свидетельствовали следующие официальные данные: за год — с июня 1906 по июнь 1907 г. — заработная плата 14 576 белых рабочих на приисках Витватерсранда составила 6 268 563 ф. ст.; в то же время заработная плата 124 861 африканского и китайского рабочего составила 3 608 724 ф. ст. [56а, стр. 24]. Из каждого фунта стерлингов заработной платы, выплаченной в декабре 1902 г., белый рабочий получал 16 шилл., а африканский рабочий — только 4 шилл. Большинство монополистов Витватерсранда предпочитало эксплуатировать труд африканцев вследствие его дешевизны.

Отказ английских монополистов от массового применения в горнодобывающей промышленности и в сельском хозяйстве Южной Африки труда английских рабочих явился важной причиной того, что численность англичан, переселившихся из метрополии в Южную Африку, была сравнительно невелика. В 1911 г. англичане составляли только 40% европейского населения Южно-Африканского Союза [263, стр. 15].

Золотопромышленники Дж. Албу, Дж. Хэй, Хэллеман, Дрюммонд Чаплин и председатель Палаты приисков Рейербах требовали от английского правительства принятия мер, обеспечивающих постоянный и достаточный приток на прииски африканских рабочих. По мнению Дж. Албу, важными мерами принуждения африканцев к наемному труду должно было быть увеличение взимавшихся с них налогов. «Чтобы заставить туземца работать, надо обложить его налогом, — заявил он. — Если у меня есть 5 ф. ст., то я не захочу работать, но если правительство примет закон... о том, что все должны платить 3 ф. ст. налогов в месяц, то у меня останется только 2 ф. ст. и я буду принужден работать» [53, т. 98, стр. 1461—1462]. Граф А. Г. Грей требовал обложения налогом каждой африканской хижины в размере 1 ф. ст. «в качестве меры, которая должна побудить африканцев к труду», и введения с той же целью налога на всех трудоспособных африканцев, которые не смогут предъявить удостоверения о том, что они работают в течение четырех месяцев в году [53, т. 78, стр. 918—919]. Протестуя против найма белых на работу на прииски, Дж. Хэй заявил: «Мы очень сократили бы издержки производства, если бы уменьшили численность белых, работающих на приисках...» [56а, стр. 34].

Правящие круги Англии, поддерживая точку зрения большинства золотопромышленников, требовали массовой экспро-

приации и пролетаризации африканского населения для полного удовлетворения потребности в рабочей силе в горнодобывающей промышленности и в других сферах экономики английских колоний в Южной Африке. Еще 29 июля 1902 г. Д. Чемберлен выступил в английском парламенте с требованием проведения правительством «косвенных мер, побуждающих к труду». «Я считаю, — заявил он тогда, — что будущее черной расы в Африке полностью зависит от того, насколько успешным будут действия белых наций, побуждающих африканцев к труду... Все люди принуждены трудиться чтобы обеспечить свое существование или вследствие существующей конкуренции. Я желаю, чтобы негры были принуждены работать в этом смысле...» [53, т. 107, стр. 47]. Осудив первобытнообщинный строй как исключаяющий возможность развития промышленного производства, Д. Чемберлен призвал к его ликвидации и к превращению коренного населения Южной Африки в наемных рабочих. Он заявил, что «черные будут иметь будущее лишь в том случае, если они будут зарабатывать себе на жизнь» [114, т. 4, стр. 339]. Д. Чемберлен считал, что труд африканского рабочего должен оплачиваться гораздо дешевле труда белого рабочего, для которого, по его мнению, было бы «унизительно работать бок о бок с африканским рабочим на равных условиях»; он полагал также, что уделом африканских рабочих должен быть неквалифицированный труд [114, т. 4, стр. 339]. Изложенные Д. Чемберленом требования предвещали массовую насильственную экспроприацию африканского населения, экономическое закабаление его английскими империалистами и подчинение его жестокой расовой дискриминации.

Реакционные буржуазные историки восхваляли изложенные Д. Чемберленом основы империалистической политики разорения и порабощения коренного населения Южной Африки. Дж. Эмери утверждал, будто бы Д. Чемберлен был сторонником «„прогрессивного империализма“, враждебно относившимся к сентименталистам, мечтавшим о сохранении туземцев в естественном состоянии» [114, т. 4, стр. 73]. По мнению Дж. Эмери, проведенная Англией «реконструкция» Южной Африки на основе требований, изложенных Д. Чемберленом в речи от 29 июля 1902 г., являлась «одним из величайших достижений в истории британского империализма» [114, т. 4, стр. 67].

В действительности же осуществление английскими империалистами этой политики явилось трагедией для всего африканского населения Южной Африки, зажатого в тиски жесточайшего колониального гнета и беспощадной расовой дискриминации. «Защита» интересов африканского большинства в бурских республиках, о которой накануне и во время войны за их захват лицемерно заявляли правящие круги Англии, на

деле означала его ограбление, эксплуатацию и дискриминацию английскими колонизаторами. В осуществлении экспроприации коренного населения южноафриканских колоний большую роль сыграла созданная колониальными властями в 1903 г. в Кейптауне «Южно-Африканская комиссия по делам туземцев». В ее состав вошли: сэр Г. Лагден (председатель), полковник Стэнфорд и Ф. Р. Томпсон от Капской колонии. С. О. Сэмюелсон и Кембелл — от Натала, капитан Диксон от Колонии Оранжевой реки, Дж. Крог и Дж. Хамильтон — от Трансвааля, английские представители от Родезии и Басутоленда. В составе комиссии не было ни одного представителя от африканского населения. В тайне от африканского большинства населения Южной Африки английские колонизаторы разрабатывали основы направленной против него империалистической политики жесточайшего социального и расового угнетения.

Доклад, представленный комиссией 30 января 1905 г., излагал программу дальнейшей насильственной экспроприации африканцев и принуждения их к наемному труду. Он рекомендовал запретить африканцам: заниматься скваттерством¹, арендовать землю у европейских землевладельцев за денежную или издольную арендную плату, покупать землю для возрождения общинного, племенного землепользования; разрешить им заниматься фермерством только в резервациях. В этом докладе § 383 гласил: «В целях стимулирования производительной деятельности туземцев следует: 1) прекратить скваттерство и ввести налог на индивидуальные скваттерские хозяйства туземцев в зависимости от числа туземных мужчин, обитающих на такой ферме; 2) ввести налог на туземцев, проживающих на коронных землях; 3) усилить законы против бродяжничества в городах и в резервациях для туземцев, преследовать ленивых и бездеятельных туземцев» [126, стр. 135]. В докладе категорически осуждалась идея предоставления африканцам избирательных прав, как угрожающая господству Англии в Южной Африке [126, стр. 280]. Рекомендации указанного доклада были учтены при разработке «Закона о землях туземцев» от 1913 г.

В результате насильственной экспроприации африканцев колонизаторами к 1913 г. из 4 500 тыс. африканцев, живших тогда в пределах Южно-Африканского Союза, более 1 700 тыс. были согнаны с их земель и загнаны в резервации, расположенные на худших землях. Там царили крайняя перенаселенность, малоземелье, нищета, голод и болезни. Свыше 1 млн. африканцев, вынужденных покинуть краали, стали теперь сельскохозяйственными рабочими — батраками с наделом. Более 500 тыс. африканцев работали на принадлежавших англий-

¹ Скваттеры — фермеры, самовольно захватившие незаселенные земли.

ским монополистам предприятий горнодобывающей промышленности, добывая золото, алмазы, уголь, а также на железных дорогах и в учреждениях в качестве сторожей, уборщиков, посыльных, прислуги и пр. «Закон о землях туземцев», изданный в 1913 г., закрепил ограбление африканцев английскими колонизаторами. По этому закону резервациям были отведены земли худшего качества, составлявшие лишь около 6% всей территории Южно-Африканского Союза. К тому же закон запрещал африканцам покупать землю вне резерваций и продавать свои наделы кому-либо, кроме африканцев. Африканские батраки с наделом также были обречены на жесточайшую эксплуатацию и беспросветную нищету, ибо они могли пользоваться землями европейских землевладельцев только на основе отработочной ренты и обязаны были работать на белого землевладельца не менее 90 дней в году. Грабительским «Законом о землях туземцев» английские колонизаторы обрекли африканцев на острейший земельный голод и порабощение английскими и бурскими землевладельцами и монополистами. В представленном 3 мая 1916 г. правительству Южно-Африканского Союза «Докладе земельной комиссии» отмечалось, что в Южно-Африканском Союзе 4 млн. африканцев владели тогда 18 млн. моргенов² земли; в то же время проживавшие в этом доминионе 660 тыс. европейцев являлись владельцами 123 млн. моргенов земли [239а, стр. 6—7, 17—50].

Разоряемые английскими колонизаторами африканцы были вынуждены работать по найму на своих поработителей, получая ничтожную плату за очень тяжелый труд. Условия труда и жизни африканских рабочих на золотых приисках оставались ужасными. Труд в шахтах был изнурительным. Шахты плохо вентилировались и были скверно освещены; многие виды тяжелых работ производились вручную, отсутствовала охрана труда. Питание было скверным, к тому же из общего котла. В компаундах, где под надзором полиции в страшной скученности и в антисанитарных условиях жили африканские рабочие, царил тюремный режим. Заболеваемость и смертность среди рабочих были очень высокими [145, стр. 15]. Многие африканские рабочие бежали с приисков. Бегство являлось пассивной формой сопротивления против жесточайшей капиталистической эксплуатации.

Вербовка африканцев на работу на золотых приисках Витватерсранда осуществлялась агентами золотодобывающих компаний, а также созданной в 1901 г. «Витватерсрандской ассоциации туземного труда», акционерами которой были владельцы этих компаний. По данным этой ассоциации и «Горно-промышленной комиссии», численность африканских рабочих, нанятых на прииски Витватерсранда с 1902 по 1909 г., возрос-

² В Южно-Африканском Союзе 1 морген = 0,855 га.

ла в четыре раза. В течение 1909 г. их было нанято почти 155 тыс. человек. Большинство африканцев, завербованных в то время для работы на приисках, были жителями Трансвааля и Капской колонии (79 081 из Трансвааля и 46 621 из Капской колонии). Численность африканцев из других английских владений в Южной Африке, нанявшихся в те годы на работу на прииски, составила: из Басутоленда и Колонии Оранжевой реки — 10 543 человека, из Бечуаналенда — 7 970 человек, из Родезии — 6 367 человек, из Свазиленда — 422 человека, из форта Джексон — 136 человек. Общая численность африканцев, завербованных в 1902—1909 гг. в английских владениях в Южной Африке для работы на золотых приисках Витватерсранда, составила 165 944 человека. Однако гораздо больше африканцев — 343 311 человек — были тогда завербованы английскими агентами в португальской колонии Мозамбик и доставлены на работу в Витватерсранд [72, стр. 24—25; 56а, стр. 41]. По данным на 1906—1907 гг., 89% всех африканских рабочих, трудившихся на приисках Витватерсранда, имели постоянное место жительства за пределами Трансвааля, а 62% — за пределами британской Южной Африки [56а, стр. 24].

В 1903 и 1904 гг. около тысячи африканцев были завербованы агентами английских золотопромышленников в Германской Юго-Западной Африке. Английские колонизаторы охотно вербовали африканцев за пределами английских владений, чтобы обеспечить прииски еще более дешевой рабочей силой и заставить африканцев, живших в английских колониях, работать за более низкую плату. Владельцы золотопромышленных компаний нанимали африканцев на работу на короткий срок. С помощью постоянной смены на приисках состава африканских рабочих они преднамеренно предотвращали создание калрового африканского пролетариата в важнейшей для Южной Африки отрасли промышленности. Краткосрочность найма африканских рабочих препятствовала их сплочению для борьбы против чудовищной капиталистической эксплуатации, обрекала их на очень тяжелый, неквалифицированный, полурабский труд.

Зачастую африканские рабочие неоднократно нанимались на работу на прииски Витватерсранда на новые сроки. Но многие африканцы впервые покидали краали. Так, за 1905—1909 гг. более 150 тыс. африканцев впервые прибыли из краалей для работы на приисках [56а, стр. 28].

Ограбление и жестокая эксплуатация английскими империалистами африканцев побуждали последних к освободительной борьбе. В феврале 1906 г. в Натале вспыхнуло восстание зулусов. Оно было вызвано захватом англичанами принадлежавших зулусам земель; к тому же изданные колониальными властями акты № 40 от 1894 г., № 15 от 1899 г., № 28 от

1902 г. и № 48 от 1903 г. закабалили африканцев, работавших у английских хозяев, ввели суровые наказания за кражу африканцами скота на пастбищах английских фермеров, повысили налоги, взимавшиеся со скваттеров и с каждой африканской хижины, ввели подушный налог, увеличили ренту, уплачиваемую английским фермерам африканскими батраками, имевшими земельный надел [126, стр. 75].

Опасаясь, что восстание приобретет широкий размах, английские власти бросили войска на его подавление. Виднейшие участники восстания были схвачены и преданы военному суду. 12 из них были осуждены на смерть и публично казнены. Но вскоре в Натале вспыхнуло направленное против английского господства восстание племени узуту во главе с вождем Динизулу. Это восстание тоже было потоплено в крови английскими войсками, спешно переброшенными в Наталь из Капской колонии и Трансвааля [266, стр. 524—525].

Освободительная борьба африканцев и страх перед возможностью нового подъема антианглийского движения африканеров и буров побуждало английских колонизаторов принять срочные меры для укрепления своего господства в Южной Африке. С этой целью был выдвинут проект создания федерации, объединяющей южноафриканские колонии, и предоставления ей прав доминиона. Первым шагом по пути к объединению этих колоний явилось заключение ими таможенного союза на конференции в Блумфонтейне в 1903 г. и в Маритцбурге в 1906 г. Затем последовало предоставление правительством Г. Кеммбелл-Баннермана в конце 1906 г. самоуправления Трансвааля, а в середине 1907 г. — Колонии Оранжевой реки. При этом совершеннолетнему мужскому населению были даны избирательные права. Но африканское большинство населения не получило их.

В 1909 г. английский парламент принял «Акт о Южной Африке», провозгласивший образование доминиона Южно-Африканский Союз и господство в этой стране белого меньшинства — английских и бурских колонизаторов — над африканским большинством населения, не получившим политических прав. Отметим, что при обсуждении проекта указанного документа расисты отвергли даже такое предложение, как предоставление 0,1 голоса каждому африканскому мужчине, достигшему 31 года, владеющему собственностью и английским языком, проживающему в здании европейского типа, носящему европейскую одежду и состоящему в моногамном браке [126, стр. 289—290]. С созданием Южно-Африканского Союза «несправедливости колониализма в отношении небелого населения были узаконены и усилены» [17].

Насильственная экспроприация, преднамеренная пролетаризация, жесточайшая эксплуатация, порабощение и дискриминация африканцев английскими империалистами были чре-

ваты неизбежным нарастанием борьбы африканцев за их национальное, экономическое и политическое освобождение от тягчайшего колониального ига.

УСИЛЕНИЕ ЗАГНИВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА В СВЯЗИ С ЗАХВАТОМ БУРСКИХ РЕСПУБЛИК АНГЛИЕЙ

Англо-бурская война и захват бурских республик Англией содействовали усилению концентрации капитала в золотодобывающей промышленности, являвшейся главной отраслью промышленного производства в Южной Африке. В результате резкого снижения добычи золота в 1899—1902 гг. много мелких золотодобывающих компаний было поглощено крупными, многие компании были реорганизованы. Только за 1900 г. 50 золотопромышленных компаний претерпели реорганизацию 190 раз [97, стр. 100]. В. И. Ленин отмечал, что «кризисы — всякого рода, экономические чаще всего, но не одни только экономические — в свою очередь в громадных размерах усиливают тенденцию к концентрации и к монополии» [10, стр. 325].

По окончании войны в золотодобывающей промышленности Трансвааля вновь вспыхнула учредительская горячка. Возникли сотни новых английских золотодобывающих компаний. Но большинство их не смогло осуществить достаточно крупных капиталовложений в строительство шахт, не выдержало ожесточенной конкурентной борьбы и было поглощено более мощными компаниями. Так, например, в 1909 г. в результате слияния нескольких золотодобывающих компаний, в том числе действовавшей с 1888 г. «Краун-Риф К^о», образовалась мощная «Краун-Майнс К^о».

По данным на 31 декабря 1909 г., добыча золота в Витватерсранде была сосредоточена в руках девяти концернов, объединявших 69 золотопромышленных компаний. Эти концерны контролировали деятельность объединяемых ими компаний, руководили закупкой технического оснащения для шахт, определяли методы работы в шахтах. Крупнейший концерн «Ранд Майнс» объединял тогда шесть золотодобывающих компаний: «Краун-Майнс К^о», «Дурбан Родепорт Дип», «Феррейра Дип», «Гелденхуйс Дип», «Норт Майнс», «Роуз Дип». В компаниях «Краун-Майнс К^о» и «Гелденхуйс Дип» трудились соответственно 13 тыс. и 7950 рабочих. Общая численность рабочих, занятых в этих шести компаниях, составляла на 31 декабря 1909 г. 37 470 человек, из которых 25 577 являлись африканцами и 1165 — китайцами. Концерн «Феррар — Англо — Френч» объединял шесть компаний; в крупнейшей из них — «Ист Ранд Пропраитарии Майнс» — работали 18 560 человек. Численность рабочих, занятых в других компаниях, входивших в этот концерн, — «Нью-Клейнфонтейн», «Нью

Боксбург», «Бенони Консолидейтед», «Ранд Клип» и «Эпико Майнс (голдсекшн)» — составляла 7050 человек. Общая численность рабочих, трудившихся в компаниях, входивших в концерн «Ферра — Англо — Френч», достигла тогда 25 610 человек, в числе которых были 20 636 африканцев и 249 китайцев. Концерн «Консолидейтед Голд Филдс» объединял восемь золотодобывающих компаний («Юпитер», «Найтс Дип», «Луипардвелей Эстейт», «Робинсон Дип», «Симмер Дип», «Симмер энд Джек Ист», «Симмер энд Джек Пропраитар», «Саб найгл»); в этих компаниях было 23 700 рабочих, включая 17 494 африканцев и 405 китайцев, нанятых в 1909 г. Концерн «Дж. Б. Робинсон» объединял семь золотодобывающих компаний («Ланглаагте Эстейт», «Норт Рандфонтейн», «Саус Рандфонтейн», «Рандфонтейн Централ», «Порджес Рандфонтейн», «Робинсон Рандфонтейн», «Рандфонтейн Эстейтс»); в 1909 г. в этих компаниях трудились 19 750 рабочих, в том числе 18 175 африканцев. В концерн «Экшштейн и К°» входило девять золотодобывающих компаний («Бэнтжес Консолидейтед», «Сити Дип», «Феррейра К°», «Фрэнч Ранд», «Моддерфонтейн „Б“», «Нью Моддерфонтейн», «Робинсон К°», «Виллэджд Айрин Риф», «Виллэджд Дип»); в 1909 г. в этих компаниях работали 21 280 рабочих, в том числе 15 566 африканцев и 92 китайца. В концерн «Дженерал Майнинг энд Файнанс Корпорейшн» входило восемь компаний по добыче золота («Аурора Вэст», «Синдарелла Дип», «Мейер и Чарлтон», «Нью Гох», «Ранд Коллиерис», «Родепорт Юнайтед Мэйнс Риф», «Ван Рип», «Вэст Ранд Консолидейтед Майнс»); на самой крупной из этих компаний — «Вэст Ранд Консолидейтед Майнс» — были заняты 3850 рабочих; общая численность рабочих, трудившихся в этих восьми компаниях, достигала 17 850 человек, включая 12 562 африканца. Концерн «Нейман и К°» объединял девять компаний («Кловерфилд Майнс», «Консолидейтед Майн Риф», «Найт Централ», «Майн Риф Вэст», «Трежари», «Фогелструйс Консолидейтед Дип», «Вэст Родепорт Дип», «Витватерсранд Дип», «Солхутер К°»); в крупнейшей из этих компаний — «Витватерсранд Дип» — трудились тогда 5 тыс. рабочих. Общая численность рабочих, занятых в компаниях, входивших в монополистическое объединение «Нейман и К°», в 1909 г. составляла 17 350 человек, включая 12 339 африканских рабочих. В концерн «Консолидейтед Инвестмент К°» входили девять компаний по добыче золота («Консолидейтед Ланглаагте», «Гинсберг», «Глэнкэйрн Майн Риф», «Нью Примроуз», «Нью Ритфонтейн Эстейт», «Нью Юнифайд», «Рандфонтейн Дип», «Ван Рин Дип», «Витватерсранд К°»). В самой крупной из этих компаний — «Нью Ритфонтейн Эстейт» — работали 3350 рабочих. Общая численность рабочих, занятых в компаниях этого концерна, в 1909 г. составила 16 465 человек, включая 14 474 африканских рабо-

чих. В 1909 г. концерн «Гёрц и К°» объединял семь золотодобывающих компаний («Гедулд Пропраитари Майнс», «Ланкастер Вэст», «Мэй Консолидейтед», «Принцесс Эстейт», «Родепорт Сентрал Дип», «Тюдор», «Ван Дик Пропраитари»). В 1909 г. общая численность рабочих, занятых в этих компаниях, достигла 9385 человек, из которых 6471 были африканцами [72, стр. 32—33].

Численность рабочих, занятых в компаниях, входивших в указанные концерны, была далеко не одинаковой. По имеющимся относительно 68 компаний данным, 18 из них являлись предприятиями, в каждом из которых трудились от одной до двух тысяч рабочих; в семнадцати компаниях численность рабочих составляла от двух до трех тысяч человек.

Таким образом, в 1909 г. в тридцати пяти из шестидесяти восьми компаний, т. е. более чем в половине от общего числа золотодобывающих компаний, входивших в указанные концерны, трудились от одной до трех тысяч рабочих. В шестнадцати других компаниях, входивших в концерны, численность рабочих составляла от 3 тыс. до 5 тыс. человек; в четырех крупнейших компаниях численность рабочих превышала 5 тыс. человек, причем в одной из них — «Ист Ранд Пропраитари Майнс» — работали 18 560 человек. Из 68 компаний 11 были относительно мелкими с числом рабочих от 200 до 1 тыс. человек; две компании — «Тюдор» и «Вэст Родепорт Дип» — существовали номинально, имея только по 5 рабочих³. Наличие таких предприятий облегчало концентрацию капитала в рамках данного монополистического объединения. Существование в золотодобывающей промышленности Трансвааля менее мощных концернов, наряду с более крупными, свидетельствовало о благоприятных условиях для дальнейшей концентрации капитала в этой отрасли промышленности, т. е. о сокращении числа монополистических объединений в результате поглощения относительно мелких более мощными. Приведенные выше данные доказывают, что в первом десятилетии XX в. концентрация капитала в золотодобывающей промышленности Трансвааля достигла высокой степени. В 1909 г. в Витватерсранде только одиннадцать золотодобывающих компаний не входили в монополистические объединения. В самой крупной из них — «Сити Сабербэн» — были заняты 2500 рабочих. В десяти компаниях в конце 1909 г. трудились 12 930 человек, в том числе 10 777 африканцев.

Концентрация капитала в алмазодобывающей и угольной промышленности Трансвааля тоже была высокой. Добыча алмазов находилась тогда в руках монополий «Премьер (Трансвааль) Даймонд Майн». В 1909 г. в ней трудились до

³ Подсчеты автора на основании статистических данных, содержащихся в [72, стр. 32—34].

9 тыс. рабочих, в том числе около 8500 африканцев. Крупнейшая монополия по добыче угля «Кольерис» объединяла тогда восемнадцать компаний. К 1910 г. английские капиталовложения в горнорудные предприятия Южной Африки, в основном в золотодобывающую промышленность Трансвааля, превысили 125 млн. ф. ст. [72, стр. 34]. Крупнейшими монополистами в горнодобывающей промышленности были А. Бейт, О. Бейт, К. Радд, Ф. Эккштейн, герцог Файф, Р. Магвайр, Л. Мичелл, С. Нейман, Л. Филлипс. Они стали фактическими хозяевами Южной Африки.

В целях усиления эксплуатации южноафриканских колоний магнаты горнодобывающей промышленности взяли в свои руки железнодорожное строительство. В 1906 г. по инициативе А. Бейта, О. Бейта, графа А. Г. Грея, герцога Аберкорна и некоторых других капиталистов был создан «Железнодорожный трест» для строительства железных дорог в Родезии, Восточной Африке, португальских колониях, в южноафриканских колониях Англии. С начала 1901 до середины 1910 г. протяженность железнодорожной сети в Трансваале и в Колонии Оранжевой реки возросла с 1 тыс. 331 мили до 2 тыс. 710 миль [236, стр. 13]. Однако в первом десятилетии XX в. помимо горнодобывающей промышленности и железнодорожного строительства ни одна отрасль промышленного производства не достигла в бывших республиках высокого уровня развития. В то время там существовали лишь созданные английскими предпринимателями небольшие предприятия по производству мыла, спичек, сигарет, пива, муки, взрывчатых веществ, химических удобрений, кирпича, по обработке дерева. Монополисты метрополии использовали Южную Африку как емкий рынок сбыта своей промышленной продукции. Из Англии в новые колонии помимо оборудования для горнодобывающей промышленности и материалов для железнодорожного строительства ввозились сельскохозяйственные машины, электротехнические товары, изделия из металла, ткани, готовая одежда и т. п.

Уже в первом десятилетии XX в. южноафриканский рынок занял видное место в экспорте товаров из Англии. В 1910 г. ввоз товаров из Англии в ее южноафриканские колонии составлял почти 74% от вывоза их из метрополий в Австралию, около 50% от вывоза в Индию, 99% от вывоза во Францию, 64% от вывоза в США, 55% от вывоза в Германию. Многие крупные английские промышленные предприятия открыли в крупных городах Южной Африки свои конторы и агентства по сбыту производимых ими товаров. Англия и ее доминионы занимали господствующее положение на южноафриканском рынке: в 1910 г. они ввезли в Южно-Африканский Союз товаров на сумму, составившую 69,4% от общей стоимости ввезенных туда товаров. Из других стран значительного размера

экспорта своих товаров в британские владения в Южной Африке добилась Германия. С 1906 по 1910 г. стоимость ввезенных туда германских товаров возросла с 2299 тыс. ф. ст. до 3618 тыс. ф. ст., т. е. с 7,3% до 10,3% от общей стоимости импорта в эти колонии.

Как видим, уже в первом десятилетии XX в. вывоз промышленных товаров из Англии в ее южноафриканские колонии достиг значительных размеров. Но еще быстрее рос вывоз золота, алмазов и сельскохозяйственного сырья из этих колоний в Англию. Так, в 1909 г. стоимость золота, доставленного в Англию, превысила 33 млн. ф. ст., а стоимость ввезенных алмазов составила 6 млн. ф. ст.; шерсти было ввезено почти на 5 млн. ф. ст., страусовых перьев более чем на 2 млн. ф. ст. Общая стоимость всех товаров, ввезенных в 1909 г. в Англию из ее южноафриканских колоний, превысила 50 млн. ф. ст. [118, стр. 135, 138, 158]. С 1906 по 1910 г. из Южной Африки в Англию были ввезены золото в слитках и алмазы соответственно на 154 828 590 ф. ст. и 37 878 510 ф. ст.

Но хлынувшее в Англию южноафриканское золото не вызвало стремительного роста темпа ее промышленного развития, который по сравнению с темпами экономического развития Германии и США продолжал оставаться весьма замедленным. Узость внутреннего рынка Англии, устарелость технического оборудования многих отраслей ее промышленности, гигантский вывоз ею капитала по-прежнему препятствовали его росту. Однако захват Англией богатейших южноафриканских золотоносных недр содействовал резкому усилению ее финансовой мощи, быстрому росту вывоза капитала, сохранению за Англией мирового первенства в этой сфере экономической деятельности. Трансваальское золото помогло тогда Англии упрочить за собой положение мирового банкира и кредитора.

Доставлявшееся в Англию южноафриканское золото поступало в основном в «Английский Банк», а также в другие мощные банки, которые вскоре экспортировали его за границу. Некоторая часть трансваальского золота поступила в банк «Л. Н. де Ротшильд и А. Г. де Ротшильд» для продажи его на открытом рынке [97, стр. 128]. Важную роль в осуществлении экспорта капитала из Англии играли также учрежденные английскими капиталистами колониальные банки и их отделения. Число их быстро возрастало: с 1904 по 1910 г. число английских колониальных банков увеличилось с 50 до 72, а их отделений — с 2279 до 5449. Интересно отметить, что в 1910 г. Франция, Голландия и Германия соответственно имели лишь 20, 16 и 13 колониальных банков со 136, 68 и 70 отделениями. С 1902 по 1914 г. размер капиталовложений Англии за ее пределами возрос примерно на 40%, поднявшись с 62 млрд. фр. почти до 100 млрд. фр. и составив до 35% всего националь-

ного богатства этой страны. О размещении огромного капитала, вывезенного Англией за границу к 1910 г., можно судить лишь приблизительно. В. И. Ленин отмечал, что к 1910 г. Англия имела капиталовложения: в Европе — 4 млрд. марок, в Америке — 37 млрд. марок, в Азии, Африке и Австралии — 29 млрд. марок [10, стр. 361]. В 1910 г. общая сумма капиталовложений Англии в странах Британской империи составила 1 555 152 тыс. ф. ст., включая 351 368 тыс. ф. ст. в Южной Африке, 365 399 тыс. — в Индии и на Цейлоне, 373 541 тыс. ф. ст. — в Канаде и Ньюфаундленде [11, стр. 365]. Как видим, южноафриканские колонии Англии были для нее не только богатейшим источником золота и алмазов, но и заняли среди других английских владений важное место по размерам вывезенного в них из метрополии капитала.

Быстрый рост экспорта капитала из Англии обогащал английских империалистов, содействовал усилению колониального гнета в странах Британской империи и экспансии Англии в странах с относительно низким уровнем экономического развития. Прибыль, получавшаяся тогда английскими капиталистами в результате ограбления колоний и жестокой эксплуатации их населения, превышала прибыль, получавшуюся ими от эксплуатации английских рабочих. Росли численность английских рантье и получаемые ими доходы. Отметим, что в первом десятилетии XX в. численность английских рантье достигла 1 млн. человек, а получаемая ими ежегодная прибыль — 90—100 млн. ф. ст. [10, стр. 398, 403]. Налицо были яркие признаки усиления загнивания английского империализма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение империалистической политики Англии в Южной Африке в начале эпохи империализма показывает абсолютную несостоятельность утверждений английских буржуазных историков и реакционных политических деятелей о том, что эта политика была оборонительной и гуманной, что Англия была невиновна в возникновении войны в Южной Африке в 1899 г., что главной целью Англии в этой войне была защита ойтландеров и африканцев от тирании буров, что политика Англии в Южной Африке соответствовала интересам всей английской нации.

В конце XIX в. в условиях постепенной утраты Англией мирового промышленного первенства, резкого сокращения ее золотого запаса, обострения борьбы империалистических держав за колонии, источники сырья, рынки сбыта, за сферы вывоза капитала английские империалисты требовали захвата бурских республик — Южно-Африканской Республики и Оранжевого Свободного Государства, обладавших богатейшими месторождениями золота, алмазов и мощными потенциальными ресурсами очень дешевой рабочей силы. Выдвигая эти требования, они преследовали важные экономические, социально-политические и стратегические цели. Путем интенсивного развития золотодобывающей промышленности, экспроприации и жестокой эксплуатации африканцев, дальнейшего закабаления народов, населявших британские колонии и ряд отсталых в экономическом отношении стран, английские империалисты хотели обеспечить себе получение огромных прибылей, усиление финансовой мощи Англии, сохранение за нею положения первого в мире банкира, ускорение темпов ее промышленного роста. Захват Англией бурских республик должен был содействовать расширению ее экспансии в Анголе и Мозамбике, установлению ее господства на необъятной территории от Кейптауна до Каира, а также на океанских путях в Индию и в другие азиатские колонии Англии, в Австралию, Новую Зеландию, на Дальний Восток. Огромные прибыли английских империалистов должны были помочь дальнейшему осуществлению ими реакционной политики раскола английского рабочего движения путем увеличения слоя рабочей аристократии.

Экономические и социально-политические цели захватнической политики Англии в Южной Африке соответствовали интересам всей английской финансовой олигархии. Однако в конце XIX в. среди английских монополистов не было единства

взглядов на вопрос о способах захвата бурских республик. Монополисты военной, металлургической, в особенности сталелитейной, промышленности, владевшие огромными предприятиями в Йоркшире, Уорикшире, Бирмингеме и Шеффилде, требовали войны за захват этих республик. Война сулила им большие правительственные заказы и прибыли. Рьяными сторонниками войны за захват бурских республик были также английские монополисты, владевшие золотыми и алмазными приисками в Южной Африке, и совладельцы мощных английских банков, тесно связанных с указанными отраслями промышленности.

Война за захват бурских республик не сулила резкого увеличения прибыли монополистам текстильной и других отраслей легкой промышленности, не связанных с военной промышленностью. Эти монополисты опасались, что война затруднит сбыт производимых ими товаров вследствие снижения покупательной способности английских народных масс, а также будет мешать доставке в метрополию необходимого сырья и вызовет его вздорожание. Вследствие этого они настаивали на «мирном» захвате бурских республик путем усиления экспансии английского капитала и решительных действий английской дипломатии. Выражая и защищая интересы английских империалистов, консервативная и либеральная партии требовали проведения захватнической политики в Южной Африке и аннексии бурских республик. Разногласия между консерваторами и большинством либералов по поводу политики Англии в Южной Африке касались не ее агрессивного характера, а лишь вопроса о способах захвата бурских республик.

По воле магнатов английской тяжелой промышленности — монополистов военной, металлургической, судостроительной промышленности, владельцев крупнейших английских банков, золотых и алмазных приисков в Южной Африке — правительство Р. Солсбери развязало империалистическую войну за захват бурских республик, за передел Южной Африки. Для достижения победы оно прибегло к созданию огромного перевеса в численности и в оснащении английских вооруженных сил, действовавших в Южной Африке, а также к зверским способам ведения войны. Грабительская война вызвала рост антивоенных настроений среди английского народа и временное усиление влияния революционных социал-демократов в рядах Социал-демократической федерации. Но используя различные способы борьбы против демократических сил, английские империалисты добились осуществления своих захватнических целей.

Во время англо-бурской войны 1899—1902 гг. буры боролись за существование республик, созданных ими в результате колонизации огромных территорий, жестокого ограбления и порабощения африканцев, которые составляли подавляющее

большинство населения этих стран. Ведя эту войну, бурские колонизаторы защищали свои экономические и политические интересы — интересы господствовавшего, угнетавшего, эксплуатирувавшего меньшинства, осуществлявшего беспощадную расовую дискриминацию африканцев. Буры боролись за сохранение в своих руках награбленных ими у африканцев земель, за монопольное использование и эксплуатацию полурабского труда африканцев, за политическое господство в этих республиках. Предотвращение захвата Южно-Африканской Республики и Оранжевого Свободного Государства Англией было для бурских колонизаторов необходимым условием для достижения ими их заветной, крайне реакционной цели, создания совместно с африканерами «Великой Южно-Африканской Республики», включающей в свои пределы территории бурских республик, Капской колонии, Наталя, Бечуаналенда, Басутоленда, Свазиленда, Южной Родезии. Бурские колонизаторы требовали колоссальных территориальных захватов, изъятия из рук Англии ее южноафриканских колоний — т. е. захвата всей Южной Африки. Социально-политический строй «Великой Южно-Африканской Республики» был бы основан на беспощадной эксплуатации и расовой дискриминации африканского большинства населения.

Англо-бурская война 1899—1902 гг. была одной из первых войн эпохи империализма, войной английских и бурских колонизаторов за передел Южной Африки. Захватнические цели английских и бурских колонизаторов в этой войне и проводившаяся ими политика беспощадного ограбления, расовой дискриминации, закабаления и жесточайшей эксплуатации африканцев в корне противоречили жизненным интересам этих подлинных хозяев Южной Африки. Подавляющее большинство африканского населения бурских республик враждебно относилось к английским и бурским колонизаторам и, вследствие этого, не приняло участия в англо-бурской войне. Жестокое угнетение африканцев бурскими колонизаторами исключало возможность массовой поддержки африканцами буров в войне против английских захватчиков и, следовательно, содействовало поражению буров в этой войне. Враждебное отношение подавляющего большинства африканцев к английским колонизаторам сделано невозможным широкое привлечение англичанами африканцев к участию в войне против буров. Это явилось одной из причин относительной продолжительности англо-бурской войны.

Ведя войну против английских захватчиков, сражавшиеся буры надеялись на помощь со стороны африканеров Капской колонии и Наталя, а также со стороны держав, опасавшихся дальнейшего усиления Англии. Но эти расчеты оказались необоснованными. Восстание африканеров в Капской колонии во время войны оказало некоторое содействие сражавшимся бу-

рам, но не повлияло на исход войны. Восставшие африканеры боролись против захвата бурских республик Англией, за ликвидацию английского господства в Капской колонии и в Натале, за создание совместно с бурами «Великой Южно-Африканской Республики». Отказ подавляющего большинства африканеров от участия в вооруженном антианглийском восстании объективно содействовал победе Англии в этой войне.

Империалистический сговор Англии с Германией, Францией, США за счет народов отсталых в экономическом отношении стран, достигнутый накануне и во время англо-бурской войны, предотвратил возможность коллективного и сепаратного вмешательства держав в англо-бурскую войну. Фактически отказ держав от вмешательства в войну содействовал победе Англии.

Еще во время войны среди английских империалистов и буров ширилась идея сговора, направленного против коренного населения Южной Африки. Он был достигнут вскоре после окончания войны и признания бурами аннексии республик Англией.

Гигантский рост добычи золота в Трансваале в результате захвата бурских республик Англией, экспроприации, принуждения к наемному труду, порабощения и жесточайшей эксплуатации африканцев баснословно обогатил английских монополистов, владевших золотыми и алмазными приисками в Южной Африке. Ввозившееся в Англию из Южной Африки золото сказочно обогащало владельцев крупнейших английских банков, которые вывозили его в отсталые в экономическом отношении страны, а также в британские доминионы и колонии. Оно обогащало также монополистов различных отраслей английского промышленного производства, содействуя росту экспорта промышленной продукции в те страны, куда оно вывозилось из Англии.

Завоевание бурских республик Англией содействовало усилению концентрации капитала и мощи английских монополий в горнодобывающей промышленности Южной Африки, а также монополий металлургической, военной и судостроительной промышленности в Англии.

Проведение Англией после окончания англо-бурской войны империалистической политики «реконструкции» Южной Африки явилось трагедией для африканского населения, зажатого в тиски жесточайшего колониального гнета и беспощадной расовой дискриминации. «Защита» интересов африканского населения бурских республик, к которой накануне и во время войны за их захват лицемерно призывали правящие круги Англии, на деле означала его ограбление, капиталистическую эксплуатацию, дискриминацию и порабощение. Осуществлявшаяся английскими империалистами политика насильственной экспроприации африканцев и принуждения их к наемному

грудю ускорила процесс формирования африканского промышленного и сельскохозяйственного пролетариата. Неизбежным следствием тягчайшего колониального гнета Англии в Южной Африке явилось нарастание освободительной борьбы африканцев. На рубеже XIX и XX вв. освободительная борьба коренного населения Южной Африки против колониального ига находилась еще на ранней стадии развития. Она была стихийной. Зарождавшийся африканский пролетариат еще не сознавал своих классовых интересов и не мог возглавить массовую освободительную борьбу африканцев против колонизаторов.

Изучение империалистической, агрессивной, грабительской политики Англии в Южной Африке в конце XIX — начале XX в. дает возможность выявить ее причины, цели и способы осуществления и показать, сколь глубокими и давними являются причины освободительной борьбы африканцев, населяющих Южно-Африканскую Республику. Оно дает также бесчисленные доказательства того, что необходима решительная борьба всех прогрессивных и демократических сил за полную и скорейшую ликвидацию колониализма.

КРАТКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

*Труды В. И. Ленина и партийные документы **

1. Ленин В. И., Китайская война, — т. 4.
2. Ленин В. И., Рецензия. Гобсон. Эволюция современного капитализма. Пер. с английского, СПб., 1898, изд. О. Н. Пановой, — т. 4.
3. Ленин В. И., Предисловие к русскому переводу книги «Письма И. Ф. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.», — т. 15.
4. Ленин В. И., О происшествии с королем португальским, — т. 16.
5. Ленин В. И., Заседание Международного социалистического бюро, — т. 17.
6. Ленин В. И., Гайндман о Марксе, — т. 20.
7. Ленин В. И., Возрастающее несоответствие, — т. 22.
8. Ленин В. И., Гарри Квелч, — т. 23.
- 8а. Ленин В. И., Английский пацифизм и английская нелюбовь к теории, — т. 26.
9. Ленин В. И., Социализм и война, — т. 26.
10. Ленин В. И., Империализм, как высшая стадия капитализма, — т. 27.
11. Ленин В. И., Тетради по империализму, — т. 28.
12. Ленин В. И., Империализм и раскол социализма, — т. 30.
13. Ленин В. И., О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме», — т. 30.
14. Ленин В. И., Война и революция, — т. 32.
15. Материалы и решения XX, XXII, XXIII съездов КПСС.
16. «Программа Коммунистической партии Советского Союза», М., 1968.
17. «Программа Южно-Африканской Коммунистической Партии „Путь к свободе Южной Африки“», — «Коммунист», 1963, № 4.

Источники

18. АВПР, ф. «Канцелярия», 1899 г.
19. АВПР, ф. «Канцелярия», 1899 г., оп. 470.
20. АВПР, ф. «Канцелярия», 1900 г.
21. АВПР, ф. «Канцелярия», 1900 г., оп. 470.
22. АВПР, ф. «Канцелярия», 1901 г.
23. АВПР, ф. «Канцелярия», 1901 г., оп. 470.
24. АВПР, ф. «Канцелярия», 1902 г.
25. АВПР, ф. «Канцелярия», 1902 г., оп. 470.
26. АВПР, ф. «II. Департамент», 1—5.
27. АВПР, ф. «Посольство в Берлине», д. 64.
28. АВПР, ф. «Персидский стол», 1899—1903 гг.
29. АВПР, ф. «Средне-Азиатский стол», 1885—1905 гг.
30. АВПР, ф. «Газетная экспедиция», оп. 476.
31. АВПР, ф. «Секретный Архив», оп. 467.

* Произведения В. И. Ленина даны по Полному собранию сочинений.

32. АВПР, ф. «II. Департамент», 1—5, оп. 929, д. 2. «Английское влияние в Португальской Африке (Мозамбик) и в Трансваале». Сборник консульских донесений, вып. II, 1898.

33. «Англо-бурская война в донесении русского военного агента», — «Красный Архив», 1924, т. 6.

34. [Кологривов И. С.], Железные дороги в Южной Африке. Из доклада Его Сиятельству Г-ну Министру Путей Сообщения, командированного с Высочайшего соизволения, члена Совета Министерства тайного советника И. С. Кологривова, СПб., [б. г.].

35. «Красный Архив», 1926, т. 5(18).

36. [Ромейко-Гурко], Война Англии с южно-африканскими республиками. 1899—1901. Отчет командированного по Высочайшему повелению к войскам южно-африканских республик Генерального Штаба полковника Ромейко-Гурко.

37. «Сборник материалов по англо-бурской войне в Южной Африке 1899—1902 гг.», вып. 1—20.

38. Центральный Партийный Архив Института Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 200.

39. Addison R. H., District Native Commission Zululand: Report for the Year 1912. Union of South Africa. Report of the Native Affairs Department for the Year Ended 31 December 1912. Presented to Both Houses of Parliament by Command of His Excellency the Governor-General. 1913 Cape Town, 1913.

40. «Annales de la Chambre des Députés. Session ordinaire de 1900», Paris, 1900.

41. Barbour D., Sir: Report on the Finances of the Transvaal and the Orange River Colony. Dated March 29, 1901. Presented to Both Houses of Parliament by Command of His Majesty, London, 1901, June.

42. [Benson A. Ch. ed.] «The Letters of Queen Victoria», London, 1907—1908.

43. «British Documents on the Origins of the War. 1898—1914», ed. by G. F. Gooch and H. Temperley, vol. I. «The End of British Isolation», London, 1927.

44. «Congressional Record», vol. 32, Washington.

45. «Correspondence Respecting the Action of Her Majesty's Naval Authorities with Regard to Certain Foreign Vessels. Presented to Both Houses of Parliament by Command of Her Majesty», — «Africa», London, 1900, № 1.

46. «Documents Diplomatiques Français. (1871—1914)», 1 Série (1871—1900), T. 1—8, 1929—1936; 2 Série (1901—1911), Paris, 1930, vol. I.

47. Drus E., Select Documents from the Chamberlain Papers Concerning Anglo-Transvaal Relations 1896—1899, — «Bulletin of the Institute of Historical Research», vol. 27, 1954, November.

47a. «Eighth Annual Abstract of Labour Statistics of the United Kingdom, 1900—1901, Board of Trade (Labour Department)». London, 1902.

48. «Fourth Report of the Board of Trade of Proceedings under the Conciliation (Trade Disputes) Act, 1896, 1901—1903», London, 1903.

49. «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette. 1871—1914», Bd XIII, XIV, XV, XVII.

49a. Luxemburg Rosa, Ausgewählte Reden und Schriften, Bd II, Berlin, 1955.

50. «The Milner Papers. South Africa 1897—1905», ed. by C. Headlam, London, 1931.

51. «Ninth Annual Abstract of Labour Statistics of the United Kingdom, 1900—1901», Board of Trade (Labour Department), London, 1902.

52. «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States». Washington, 1901, 1902, 1903.

53. «The Parliamentary Debates», 4 Series, vol. 74—105, London, 1899—1902.

54. «Report of the Department of Lands for the Period 1-st January 1917 to the 31-st March 1918. Presented to Both Houses of Parliament by Command of His Excellency the Governor-General», Cape Town, 1919.
55. «Report of the Eighth Annual Conference of the Independent Labour Party, Held in Glasgow, April 1900», London, 1900.
56. «Report of Fabian Policy and Resolutions Presented by the Fabian Society of the International Socialist Workers and Trade Union Congress», Fabian Tract, London, 1896, № 70.
- 56a. «Report of the Mining Industry Commission 1907—1908».
57. «Report of the Ninth Annual Conference of the Independent Labour Party, Held in the Cook Memorial Hall, Leicester, April 8 and 9, 1901», London, 1901.
58. «Report of Proceedings of the 31-st Annual Trades Union Congress Held in Bristol 29 August—5 September 1898», Manchester, 1898.
59. «Report of Proceedings of the 32-nd Annual Trades Union Congress, Held in Plymouth 4—9 September, 1899», Manchester, 1899.
60. «Report of Proceedings of the 33-rd Annual Trades Union Congress, Held in Huddersfield 3—8 September 1900», London, 1900.
61. «Report of Proceedings of the 34-th Annual Trades Union Congress, Held in Swansea, 2—7 September, 1901», London, 1901.
62. «Report of the Proceedings of the 35-th Annual Trades Union Congress, Held in London 1—6 September 1902», London, 1902.
63. «Report of the Seventh Annual Conference of the Independent Labour Party. Held in the Albert Hall, Leeds on April 3-rd and 4-th, 1899», London, 1899.
64. «Report of the Tenth Annual Conference of the Independent Labour Party, Held in the City Hall, Liverpool, on March 31 and April 1, 1902», London, 1902.
65. Siffert M. D., *Compte Rendu d'un voyage d'exploration au Transvaal. Extrait du recueil consulaire Belge, Bruxelles, 1892.*
66. Stanford A. H. B., Report of the Chief Magistrate of the Transkeian Territories. Union of South Africa. Report of the Native Affairs Department for the Year Ended 31-st December 1912. Presented to Both Houses of Parliament by Command of His Excellency the Governor-General. 1913, Cape Town, 1913.
67. «Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstags. X Legislaturperiode. 1898—1900», Bd 1—5, Berlin, 1900.
68. A. Stockenstrom, Report of the Mining Industry Commission 1907—1908.
69. «Union of South Africa. Report of the Department of Lands for the Period 1-st January 1917 to the 31-st March 1918. Presented to Both Houses of Parliament by Command of His Excellency the Governor-General», Cape Town, 1919.
70. «Union of South Africa. Report of the Department of Lands for the Period Ended 31-st March 1920. Presented to Both Houses of Parliament by Command of His Royal Highness the Governor-General», Cape Town, 1921.
71. «Union of South Africa. Report of the Native Affairs Department for the Year Ended 31-st December 1912, Presented to Both Houses of Parliament by Command of His Excellency the Governor-General. 1913», Cape Town, 1913.
72. «Witwatersrand Native Labour Association Limited. Report of the Board of Management to be Presented at the Eighth Ordinary General Meeting to be held at Johannesburg on Thursday, the 14-th Day of April 1910».
73. «Zitting 1901—1902. Staatsbegrooting voor het dienstjaar 1902. III-de Hoofdstuk. Memorie van den Nederlandschen Gezant te Londen. Mislive van den Engelschen Minister van Buitenlandsche Zaken. № 13. Zuid—Afrikaansche aangelegenheden» (так называемая Оранжевая книга).

74. Бантинг Б., Становление Южно-Африканского Рейха, пер. с англ., М., 1965.
75. Беер М., История социализма в Англии, т. 2, пер. с нем., М., 1924.
76. Брайант А. Т., Зулусский народ до прихода европейцев, пер. с англ., М., 1953.
77. Бюлов Б., Воспоминания, пер. с нем., под ред. В. М. Хвостова, М., 1935.
78. Верньо Р., Буры и их соседи, пер. с франц., СПб., 1900.
79. Вильбуа де-Марейль, Англо-трансваальская война, — Записки бурского генерала, пер. с франц., СПб., 1902.
80. Виноградский А., Англо-бурская война в Южной Африке, вып. 1, 2, 3, СПб., 1901—1903.
81. Витухновский А. Л., Россия и англо-бурская война. Дисс. канд. ист. наук, ЛГУ, Л., 1949.
82. Воронков В., Англо-бурская война (1899—1902 гг.). (Краткий военно-политический очерк), М., 1933.
83. Галеви Э., История Англии в эпоху империализма, т. 1, пер. с франц., под ред. Б. Вебера, М., 1937.
84. Давидсон А. Б., Матабеле и машона в борьбе против английской колонизации, М., 1958.
85. Давидсон А. Б., Создание Британской Южно-Африканской Компании, — сб. «Империализм и борьба рабочего класса», М., 1960.
86. Дармштеттер П., История раздела Африки (1870—1919 гг.), пер. с нем., М., 1925.
87. Девет Х., Борьба буров с Англией. Воспоминания бурского генерала, пер. с голл., СПб., 1907.
- 87а. Де Сильва Ж., Португальские колонии в Африке, М., 1962.
88. Дубинский Л. С., Монополии и экономика Англии (до второй мировой войны), М., 1960.
89. Ерофеев Н. А., Очерки по истории Англии 1815—1917 гг., М., 1959.
90. Ерусалимский А. С., Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века, М., 1961.
91. Ерусалимский А. С., Германский империализм и возникновение англо-бурской войны 1899 г., — сб. «Из истории общественных движений и международных отношений», М., 1957.
92. Зусманович А. З., Империалистический раздел Африки, М., 1959.
93. Зусманович А. З., Империалистический раздел бассейна Конго (1876—1894 гг.), М., 1962.
94. «Известия о коренных жителях Южной Африки и о распространении между ними христианства», СПб., 1840.
95. Изъединова С. В., Несколько месяцев у буров, СПб., 1903.
96. «История дипломатии. Дипломатия в новое время. 1871—1914», М., 1963.
97. Каценеленбаум З. С., Южно-африканское золото и обострение англо-американских противоречий, М., 1954.
98. Кертман Л. Е., Англо-бурская война и английский рабочий класс, — «Ученые записки Пермского Государственного университета», т. 21, вып. 4, Пермь, 1962.
99. Ким С. Р., Апологетика расовой дискриминации на страницах английского журнала, — «Вопросы истории», 1961, № 9.
100. Крюгер П., Мемуары, пер. с голланд., СПб., 1903. Приложение к журналу «Всемирный Вестник», 1903, № 1, 2, 4—9, 12.
101. Кульбакин В., Англо-бурская война (1899—1902 гг.), — «Военно-исторический журнал», 1941, № 1.

102. «Народы Африки», под ред. Д. А. Ольдерогге и И. И. Потехина, М., 1954.
103. Никитина И. А., Империалистическая борьба за португальские колонии в Южной Африке на рубеже XIX и XX веков, — «Новая и новейшая история», 1963, № 3.
104. Никитина И. А., США и англо-бурская война, — «Новая и новейшая история», 1960, № 1.
105. Потехин И. И., Формирование национальной общности южноафриканских банту, М., 1955.
106. Потехин И. И., Этнический состав населения Южно-Африканского Союза, — «Советская этнография», 1951, № 4.
107. «Расовая дискриминация в странах Африки», М., 1960.
108. Ротштейн Ф. А., Международные отношения в конце XIX века, М., 1960.
109. Цетлин М., Война буров за независимость (1899—1902), М., 1940.
110. Черняк Е. Б., Адвокаты колониализма, М., 1964.
111. Шиль А., Двадцать три года под солнцем и среди буров Южной Африки, пер. с нем., СПб., 1903.
112. Штиглиц А. Н., Великобритания и ее южноафриканская политика, СПб., 1901.
113. Элленбергер В., Трагический конец бушменов, пер. с франц., под ред. Д. А. Ольдерогге, М., 1956.
114. Amery J., The Life of Joseph Chamberlain, vol. 1—4, London, 1951.
115. Amery L. Ch., The Times History of the War in South Africa. 1899—1902, London, 1909.
116. Andréadès A., History of the Bank of England 1640 to 1903, London, 1924.
117. Armstrong H. C., Grey Steel (J. C. Smuts), London, 1939.
118. Ashley W. J., British Dominions: their Present Commercial and Industrial Condition, London, 1911.
119. Ashley W. J., The Economic Organisation of England, London, 1925.
120. Aubry J. H., Edouard VII Intime, Paris, 1902.
- 120a. Beale H. K., Theodore Roosevelt and the Rise of America to World Power, Baltimore, 1956.
121. Beit A. and Lockhart J. G., The Will and the Way Being an Account of Alfred Beit and the Trust Which he founded, London, 1957.
122. Bemis S. F., A Diplomatic History of the United States, New York, 1951.
- 122a. Bishop L. B., Theodore Roosevelt and His Time Shown in His Own Letters, vol. 1, New York, 1920.
123. Bixler R. W., Anglo-German Imperialism on South Africa. 1880—1900, Baltimore, 1932.
124. Blackwood Wright, Native Races in South Africa, — «Journal of the African Society», London, 1903, № 7.
125. Bleloch W., The New South Africa. Its Value and Development, London, 1902.
126. Brookes E. H., The History of Native Policy in South Africa from 1830 to the Present Day, 1927.
127. Burbidge W. F., Field-Marshal Smuts Soldier and World Statesman, London, 1943.
128. Burn D. L., The Economic History of Steelmaking 1867—1937. Cambridge, 1940.
129. Buxton T., England and Africa, London, 1878.
130. «The Cambridge History of the British Empire», vol. 8, «South Africa, Rhodesia and the High Commission Territories», Cambridge, 1963.
131. «The Cambridge History of British Foreign Policy 1783—1919», ed. by A. W. Ward, G. P. Gooch, vol. 3, Cambridge, 1923.

132. «The Cambridge Modern History», ed. by A. W. Ward, G. W. Pro-
tero, Stanley Leathes, vol. 12, Cambridge, 1910.
133. Cecil G., The Life of Robert Marquis of Salisbury, vol. I, Lon-
don, 1921.
134. Churchill W. S., Great Contemporaries, London, 1937.
135. Churchill W. S., My Early Life, London, 1930.
136. Clapham J., The Bank of England, vol. 2, Cambridge, 1944.
137. Cloete S., African Portraits. A Biography of Paul Kruger, Cecil
Rhodes, Lobengula, London, 1946.
138. Cole M., The Story of Fabian Socialism London, 1961.
139. Connolly J., Socialism and Nationalism. A Selection from the
Writings of James Connolly, Dublin, 1948.
140. Connolly J., The Workers' Republic. A Selection of the Writings
of James Connolly, Dublin, 1951.
141. Creswicke L., South Africa and the Transvaal War, vol. 1—6,
Edinburgh, 1900.
142. Cumberland S., What I Think of South Africa. Its People and
Its Politics, London, 1896.
143. Dennis A., Adventures in American Diplomacy 1896—1906, New
York, 1928.
144. Desjardins A., La Guerre de l'Afrique Austral et le droit des
gens, — «Revue de Deux Mondes», t. 158, 1 livr., 1 Mars, 1900, Paris.
145. Diack W., Boer and Briton in South Africa, London, 1899.
146. Dilke Ch., Problems of Greater Britain, vol. 1, 2, London,
1890.
147. Doughty O., Early Diamond Days, London, 1963.
148. Drechsler H., Deutsche Versuche des deutsche-englische Ab-
kommen von 1898 über portugiesischen Kolonien zu realisieren. Zeitschrift
für Geschichtswissenschaft, H. 7, Berlin, 1961.
149. Du Plessis J. C., Economic Fluctuations in South Africa,
1910—1949, № 2.
150. Dupont H., L'Avenir des mines du Transvaal, Paris, 1904.
151. «The Economics of Direct Employment», — «Fabian Tract», Lon-
don, 1902, № 84.
152. Egerton H. E., British Colonial Policy in the XX Century, Lon-
don, 1922.
153. Egerton H. E., The Origin and Growth of the English Colonies
and of Their System of Government, Oxford, 1903.
154. Egerton H. E., A Short History of British Colonial Policy
1606—1909, London, 1941.
155. Emden P. H., Money Powers of Europe in the XIX and XX Cen-
turies, London, 1937.
156. Emden P. H., Randlords, London, 1935.
157. Enock C. R., America and England, London, 1921.
158. Fair T. J., The Distribution of Population in Natal, Cape Town —
London — New York, 1955.
159. Ferguson J. H., American Diplomacy and the Boer War, Phi-
ladelphia, 1939.
160. Fish C. R., Angell N., Hussey Ch., American Policies Abroad.
The United States and Great Britain, Chicago, 1932.
161. Fitzgerald P., Industrial Combination in England, London,
1927.
162. Fitz Patrick J. P., The Transvaal from Within, a Private Rec-
ord of Public Affairs, London, 1900.
163. Froude J. A., Short Studies on Great Subjects (1867—1884),
vol. 1—2, 1911.
164. Garvin J. L., The life of Joseph Chamberlain, vol. 1—3, London,
1932—1934.
165. Gelber L. M., The Rise of Anglo-American Friendship, Lon-
don — New York — Toronto, 1938.

166. Gibbs P., *The Death of the Last Republic. The Story of the Anglo-Boer War*, London, 1957.
167. Girouard E. P. C., *History of the Railways during the War in South Africa 1899—1902*, London, 1903.
168. Gooch G. P., *History of Modern Europe. 1878—1919*, London, 1923.
169. Grankshaw E., *The Forsaken Idea. A Study of Viscount Milner*, London, 1952.
170. Grenville J. A. S., *Lord Salisbury and Foreign Policy. The Close of the Nineteenth Century*, London, 1964.
171. Gunn H., *Makers of the Empire*, London, 1924.
172. Halevy E., *Histoire du peuple anglais au XIX siècle. Epilogue 1895—1914. Les impérialistes au pouvoir. 1895—1905*, Paris, 1926.
173. Hallgarten F. W. F., *Imperialismus vor 1914*, Bd I, München, 1963.
174. Halperin V., *Lord Milner et l'évolution de l'impérialisme britannique*, Paris, 1950.
175. Hillier A., *South African Studies*, London, 1900.
176. Hintrager O., *Geschichte von Südafrika*, München, 1952.
177. Hobson J. A., *The Evolution of Modern Capitalism*, London, 1928.
178. Hobson J. A., *Imperialism*, London, 1902.
179. Hobson J. A., *The War in South Africa, its Causes and Effects*, London, 1900.
180. Hofmeyr J. H. and Reitz F. W., *The Life of Jan Hendrik Hofmeyr*, Cape Town, 1913.
181. Horell M., *South Africa's Non-White Workers*, 1956.
182. «The House Famine and How to Relieve It», — «Fabian Tract», London, 1900, № 101.
183. Hulftegger O., *Die Bank von England mit besonderer Berücksichtigung der Reservefrage und der Entwertung der englischen Rente*, Zürich, 1915.
184. Hyndman H. M., *Colonies and Dependencies*, London, 1904.
185. Jacobsson D., *Fifty Golden Years of the Rand. 1886—1936*, London, 1936.
186. Jameson, *Imperialist. Cecil Rhodes. A Biography and Appreciation by Imperialist with Personal reminiscences*.
187. Jantzen G., *Ostafrika in der deutsch-englischen Politik. 1884—1890*, Hamburg, 1934.
188. Jourdan Ph., *Cecil Rhodes. His Private Life by his Private Secretary*, London, 1911.
189. Junod H. A., *The Life of a South African Tribe*, vol. 1, 2, London, 1927.
190. Keir Hardie J., *From Serfdom to Socialism*, London, 1907.
191. Keir Hardie J., *The I. L. P. All about It*, London, 1908.
192. Keppel-Jones A., *South Africa, A short History*, London, 1961.
193. Kidd B., *The Control of the Tropics*, London, 1898.
194. Kidd B., *Social Evolution*, London, 1894.
195. Kiewiet De C. W., *A History of South Africa Social and Economic*, Oxford, 1942.
196. Kiewiet De C. W., *The Imperial Factor in South Africa. A Study in Politics and Economics*, London, 1965 (1-st ed. 1937).
197. Kuper H., *The Swazi. Ethnographie Survey of Africa*, ed. by Daryll Forde, — «Southern Africa», pt 1, London, 1952.
198. Langer W. L., *The Diplomacy of Imperialism 1890—1902*, vol. 1, 2, New York, 1951.
199. Levy H., *Monopoly and Competition. A Study in English Industrial Organisation*, London, 1911.
200. Leyds W. J., *The Transvaal Surrounded*, London, 1919.

201. Livermore H. V., *A History of Portugal*, Cambridge, 1947.
202. Lochart J. G., Cecil Rhodes, London, 1946.
203. Lovell P., *The Struggle for the South Africa. 1875—1899*, New York, 1934.
204. Lowe D., *From Pitt to Parliament. The Story of the Early Life of James Keir Hardie*, London, 1923.
205. Lucas Ch. P., *The History of South Africa*, Oxford, 1899.
206. Lucas Ch. P., *The Partition and Colonisation of Africa*, Oxford, 1922.
207. Lumb S. W., *Central and Southern Africa. A Short History*, Cambridge, 1954.
208. Macdonald J. G., *Rhodes. A Life*, London, 1927.
209. Mackenzie W. D., *South Africa: Its History. Heroes and Wars*, vol. I—IV, London, 1900.
210. Macmillan W. M., *Africa Emergent*, Middlesex, 1949.
211. Macmillan W. M., *Bantu, Boer and Briton. The Making of the South African Native Problem*, Oxford, 1963.
212. Macmillan W. M., *The Road of Self Rule*, London, 1959.
213. Macrosty H. W., *The Growth of Monopoly in English Industry*, — «Fabian Tract», London, 1899, № 88.
214. Macrosty W., *Trust Movement in British Industry. A Study of Business Organisation*, London, 1907.
215. Mahan A. T., *The Story of the War in South Africa 1899—1900*, London, 1900.
216. Malan N. A., *South African History*, Cape Town, 1961.
217. Mann A. M., *The Boer in Peace and War*, London, 1900.
218. Mansergh N., *South Africa. 1906—1961. The Price of Magnanimity*, New York, 1962.
219. Marais J. S., *The Fall of Kruger's Republic*, Oxford, 1961.
220. Marquard L., *The People and Policies of South Africa*, Cape Town — London — New York, 1960.
221. Marquard L., *The Story of South Africa*, London, 1957.
222. Marris N. M., *The Right Hon. Joseph Chamberlain. The Man and the Statesman*, London, 1900.
223. Marvaud A., *La Portugal et ses colonies. Etude politique et economic*. Paris, 1912.
224. Michell L., *The Life of the Rt Hon. Cecil John Rhodes*, London, 1910.
225. Millin S. G., *Rhodes*, London, 1936.
226. Molema S. M., *The Bantu past and Present. An Ethnographical and Historical Study of the Native Races of South Africa*, Edinburgh, 1920.
227. Monger G. W., *The End of Isolation. British Foreign Policy. 1900—1907*, London, 1963.
228. Morris H., *History of Colonisation*, vol. 2, New York, 1900.
229. Oakeshott J. F., *The Humanizing of the Poor law*, London, 1909.
230. Oakeshott J. F., *Der Krieg und Transvaal*, — «Sozialistische Monatshefte», Berlin, 1900, № 4.
231. Peale, *The History of the Fabian Society*, London, 1925.
232. Pearson H., *National Life from the Standpoint of Science*, London, 1905.
233. Pedder H. C., *Right Honourable Joseph Chamberlain. A Study of His Character as a Statesman*, London, 1902.
234. Pelling H., *The Origin of the Labour Party. 1880—1900*, London, 1954.
235. Perris H. G., *The Industrial History of Modern England*, London, 1920.
236. Petrie Ch., *The Chamberlain Tradition*, London, 1938.
237. Phillips L., *Some South Africa Recollections*, London — New York — Bombay, 1899.

238. Phillips R. E., *The Bantu are Coming. Phases of South Africa's Race Problem*, London, 1930.
239. Phillips R. E., *The Bantu in the City. A Study of Cultural Adjustment in the Witwatersrand*, [6. m.], [6. r.].
- 239a. Plaattje S. T., *Native Life in South Africa before and since the European War and the Boer Rebellion*, London.
240. Pyrah G. B., *Imperial Policy and South Africa. 1902—1910*, Oxford, 1955.
241. Rees J. A., *A Short Fiscal and Financial History of England 1815—1918*, London, 1921.
- 241a. Rohrbach P., *Deutsche Kolonialwirtschaft*, Berlin, 1899.
242. Saron G. and Hotz L. ed., *The Jews in South Africa. A History*, London, 1955.
243. Sayers R. S., *Banking in the British Commonwealth*, Oxford, 1952.
244. Sayers R. S., *Lloyds Bank in the History of English Banking*, Oxford, 1957.
245. Schapera I., *The Khoisan Peoples of South Africa*, London, 1930.
246. Schowalter A., *Buren, Engländer und Deutsche*, Leipzig, 1915.
247. Schreiner., *Zur Geschichte Aussen Politik 1871—1945, Bd 1*, Berlin, 1952.
248. Schwarze F., *Der deutsche-englische Abkommen über die portugiesischen Kolonien von 30 August 1898*, Göttingen, 1931.
249. Seeley J., *The Expansion of England*, London, 1883.
250. Seidel A., *Transvaal die Südafrikanische Republik*, Berlin, 1900.
251. Shaw B. G., *The Fabian Society: Its Early History*, — «Fabian Tract», London, 1892, № 41.
252. Shaw B. G., *Fabianism and the Empire*, London, 1900.
253. Snyder R. C., Furniss E. S., *American Foreign Policy. Formulation, Principles and Programs*, New York, 1954.
254. Spilhaus M., *Whiting, The First South Africans and the Law Which Governed Them. To Which is Appended the Diary of Adam Tas, Cape Town — Johannesburg*, 1949.
255. Statham F. R., *South Africa in the Past and Present*, — «The Social-Democrat», 1900, vol. 4, № 2.
256. Steadman W. C., *Overcrowding in London and Its Remedy*, — «Fabian Tract», 1900, № 103.
257. Stow G. W., *The Native Races of South Africa*, London, 1905.
258. Stuart J. A., *A History of the Zulu Rebellion. 1906*, London, 1913.
259. Sturzenegger, *The Rand Gold Mines*, London, 1934.
260. Sutherland, *Memoir Respecting the Kaffers, Hottentots and Bosjemans of South Africa*, vol. 1, 2, Cape Town, 1845, 1846.
261. Theal G. M., *South Africa*, London, 1900.
262. Thomas S. E., *British Banks and the Finance of Industry*, London, 1931.
263. Thompson L. M., *The Unification of South Africa. 1902—1910*. Oxford, 1960.
264. Viallate A., *J. Chamberlain*, Paris, 1899.
265. Walker E. A., *The British Empire, Its Structure and Spirit 1497—1953*, Cambridge (Mass.), 1956.
266. Walker E. A., *A History of South Africa*, London — New York — Toronto, 1947.
267. Walker E. A., *W. P. Shreiner*, London, 1937.
268. Wallage R., *Farming Industries of Cape Colony*, London, 1896.
269. Webb S., *Twentieth Century Politics. A Policy of National Efficiency*, — «Fabian Tract», 1901, № 108.
270. Williams B., *Cecil Rhodes*, London, 1938.

271. Woodward W. H., A Short History of the Expansion of the British Empire, Cambridge, 1941.

272. Worsfold W. B., The Problem of South African Unity, London, 1900.

273. Worsfold W. B., The Reconstruction of the New Colonies under Lord Milner, London, 1943.

274. Worsfold W. B., The Union of South Africa, London, 1912.

275. Wrench J. E., Alfred Milner, the Man of no Illusions, London, 1958.

276. «Вестник Европы», 1899—1902.

277. «Московские Ведомости», 1899—1902.

278. «Новое Время», 1899—1902.

279. «Правительственный Вестник», 1899—1902.

280. «Русские Ведомости», 1899—1900.

281. «Русский Вестник», 1899—1902.

282. «Русская Мысль», 1899—1902.

283. «African Affairs», 1961, vol. 59, № 238.

284. «The Clarion», 1899—1902.

285. «Le Cri du Transvaal», Hebdomadaire, 1901, № 1.

286. «Die Deutsche Flotte». Beitrage zur «Deutschen Kolonialzeitung», Berlin, 1900.

287. «Deutsche Kolonialzeitung», Berlin, 1899—1902.

288. «The Eagle and the Serpent», № 18. Special Issue.

289. «Irish Worker», 1914.

290. «Journal of the African Society», London, 1901, 1902.

291. «Justice. The Organ of Social-Democracy», 1899—1902.

292. «The Labour Leader», 1899—1902.

293. «The Social-Democrat», 1899—1902.

294. «Le Socialiste», 1899—1900.

295. «Sozialistische Monatshefte. Internationale Revue des Sozialis-
mus», Berlin, 1899—1902.

296. «The Times», 1899—1902.

297. «The Trade Unionist», London, 1898, 1899.

298. «Vorwärts».

299. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin, 1961, № 7.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I. Экспансионистская политика Англии в бурских республиках в конце XIX в.	12
Закабаление бурских республик английским капиталом в 70—90-х годах XIX в.	12
Борьба английских ойтландеров за захват власти	31
Глава II. Англо-бурская война 1899—1902 гг.	51
Ход военных действий	51
Организация английским правительством поставок в действующую армию	74
Отношение африканцев и африканеров к англо-бурской войне	78
Глава III. Английское общество и англо-бурская война	91
Английские буржуазные партии и война в Южной Африке	91
Отношение английских рабочих к англо-бурской войне	98
Глава IV. Державы и англо-бурская война	118
Германский империализм и англо-бурская война	118
Отношение Франции, России и Голландии к войне Англии за захват бурских республик	142
США и англо-бурская война	163
Глава V. Социальные и экономические последствия захвата бурских республик Англией	176
Экспроприация и закабаление африканцев английскими и бурскими колонизаторами	176
Усиление загнивания английского империализма в связи с захватом бурских республик Англией	192
Заключение	198
Краткий список использованных источников и литературы	203

Ирина Аркадьевна Никитина
ЗАХВАТ БУРСКИХ РЕСПУБЛИК АНГЛИЕЙ
(1899—1902 гг.)

Утверждено к печати
Ученым советом МГПИ им. В. И. Ленина

Редактор *М. Д. Панасьянц*
Технический редактор *Н. А. Суровцова*
Корректор *Л. И. Романова*

Сдано в набор 26/І 1970 г.
Подписано к печати 28/V 1970 г.
А-06256. Формат 60 × 90^{1/16}. Бум. № 1.
Печ. л. 13,5. Уч.-изд. л. 14,15.
Тираж 1700 экз. Изд. № 2518.
Зак. № 128. Цена 89 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
3-я типография издательства «Наука»
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

**ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»**

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Давези Робер. Ангольцы. 215 стр. 78 коп.

Иванов Ю. М. Развитие капитализма в африканской деревне Родезии и Замбии. 156 стр. 50 коп.

Солодовников В. Г. Африка выбирает путь. 237 стр. 1 р. 15 к.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книго-торгов и «Академкнига», а также по адресу: Москва, В-463, Мичуринский пр., 12, магазин № 3 («Книга — почтой») «Академкнига».

Цена 89 коп.